

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Готов
Виктор Котляров
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

3. 2020 МАЙ–ИЮНЬ

Э. Б. Гуртуев

«ОН РОДИЛСЯ С УЛЫБКОЙ...»

К 85-летию Эльдара Гуртуева

Балкарский писатель Эльдар Бертович Гуртуев родился 2 июня 1935 года в Нальчике. Окончил медицинское училище в г. Фрунзе (ныне – г. Бишкек, Кыргызстан), университет в г. Нальчике, работал эпидемиологом в Тянь-Шаньской области, санинспектором в Приэльбрусье, редактором в книжном издательстве «Эльбрус», главным редактором радиовещания КБР и детского журнала «Нюр» на балкарском языке.

В художественном творчестве известен книгами новелл, рассказов, повестей, романов, общий тираж которых давно превысил миллион, а также сценариями к телефильмам и радиопостановкам.

Автор получил широкую известность своими рассказами и новеллами, которые часто публиковались в еженедельниках «Литературная газета» и «Литературная Россия»; журналах «Огонёк», «Дружба народов», «Крокодил», «Крестьянка», «Дон», «Минги Тау», «Литературная Кабардино-Балкария» и передавались по Всесоюзному радио и ЦТ. Отдельные рассказы переведены на английский, немецкий, французский, испанский, турецкий, монгольский, украинский, молдавский, грузинский, польский языки.

Эльдар Гуртуев стал лауреатом премии Всесоюзного конкурса на лучшее произведение для детей и юношества («Книжка про Хасана»). Роман «За порогом – утро раннее» отмечен Почётным дипломом Всесоюзного литературного конкурса имени Н. Островского. Сборник рассказов «Ветры алые в горах» удостоен диплома Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества. Цикл документальных рассказов «Вояж с турецким акцентом» удостоен премии Союза журналистов России.

Книги талантливого автора Эльдара Гуртуева издавались много раз в Москве и Нальчике, дважды – в Берлине, Стамбуле, Киеве, Кишинёве...

Самые популярные из них: «Белый телефон» – сборник новелл; книги рассказов «В гостях у ангелов», «Огни Долины ветров», «Похвала добродетели», «Карагач – древо памяти»; повести «Книжка про Хасана», «Азиатский дефтер», «Ах, ворон, птица скверная...», «В ожидании Одиссея», «Альпийская повесть», «Темирбаш», «Малкарбековы», Неодолимый Эрменби», «Горький кизил»; романы «Шамсудин», «За порогом – утро раннее», «Долгий путь домой»...

Серия художественных очерков: «Синеокая Суоми», «Германия. Цвета весны», «Сирийские этюды», «Морская дева», «Башни Злата Праги», «Мелодии вечерней Вены»... вошла в книгу публицистики.

Наиболее известные рассказы, опубликованные на разных языках: «Цена топора», «Искали младенцу имя», «Злой попутчик», «Застенчивая Аслижан», «Похищение», «На уроке русского», «Сказ про старого осла», «Бандитский танец», «Серенада в ночи», «Жил отважный капитан», «Плач одинокой совы», «Мост Герюгова», «Жизнь и смерть Красного эфенди»... многократно переиздавались.

Эльдар Гуртуев удостоен знака «Отличник телевидения и радио СССР», ему присвоены почётные звания «Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарии», «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», «Народный писатель Кабардино-Балкарии».

Из архива писателя

Первые же рассказы Эльдара Гуртуева были хорошо встречены читателями и прессой республики. Все поняли, что в нашу литературу пришёл талантливый прозаик. Произведения молодого писателя начинают читать во всей нашей великой стране. Это очень радостное событие.

Вперёд, мой земляк и собрат Эльдар!

Кайсын Кулиев

Балкарская проза настойчиво расширяет своё «русло». Сегодня в ней соревнуются все жанры, и не последнюю роль среди них играет короткий рассказ, наперченный острым юмором. Свежесть факта, парадоксальность мысли – вот литературные качества, отличающие хорошую юмористическую новеллу. Ими обладают рассказы Эльдара Гуртуева.

Алим Кешоков

...Эта книга – первое совместное советско-монгольское издание для детей. Монгольские ребята прочтут рассказы любимых писателей советских ребят: Гайдара и Кассила, Мустая Карима и Баруздина, Драгунского и Гуртуева...

Сергей Михалков

Книга «Подснежники» – не обычная книга. Её написали сразу тридцать писателей – очень хороших и разных. Это Чингиз Айтматов и Шукурбек Бейшеналиев, Спиридон Вангели и Эльдар Гуртуев...

Сергей Баруздин

Среди коллег – поэтов и писателей КБР

Эльдар Гуртуев родился с улыбкой и живёт с улыбкой – доброй и насмешливой, лукавой и открытой. Он «умеет смеяться. Это уже хорошо». Но он умеет рассмешить и других. А для этого нужен дар – дар настоящего писателя-юмориста. У Гуртуева он есть.

Александр Чернышёв

Роман Эльдара Гуртуева «Крепость Шамсудина» необычайно поэтичен. Можно даже сказать, что он вобрал в себя поэтику народного творчества и напоминает развёрнутую в прозе историческую поэму. Роман ёмок, динамичен, отличается тонким лиризмом, романтической приподнятостью повествования.

Елена Корнеева

Уважаемый Эльдар Бертович!

Посылаем Вам № 1 за 1972 год журнала «Советская литература», в котором опубликован на иностранных языках Ваш рассказ «Цена топора».

Очень хотелось бы, чтобы номер, который посвящён литературам Северного Кавказа, и над которым с огромным воодушевлением работал коллектив редакции, пришёлся Вам по душе. С дружеским приветом –

Савва Дангулов

Эльдар Гуртуев – автор первого исторического романа в балкарской литературе. Его «Крепость Шамсудина», на мой взгляд – первый мужественный голос горцев Ущелья Аланов из глубины веков. Это большое эпическое полотно – несомненная творческая удача автора, большое явление в нашей национальной литературе.

Алим Тенпеев

Имя Эльдара Гуртуева давно уже приобрело широкую популярность. Он ещё долго будет оставаться непревзойдённым в жанре юмористики. Однако в последнее десятилетие он весьма успешно работает в жанре повести и романа. Подлинного мастерства он достиг в произведениях «В ожидании Одиссея», «Горький кизил», «Ах ворон, птица скверная» и других.

М. Эльберд

Эльдар Гуртуев – представитель среднего поколения балкарской литературы. Его произведения в различных жанрах прозы во многом определили её развитие на пути самобытности и национального своеобразия. Они свидетельствуют о несомненном таланте писателя, его

А. Байзуллаев, Э. Гуртуев, И. Бабаев

умении тепло и проникновенно говорить о людях горного края. По-настоящему волшебны женские образы, созданные Эльдаром. Это Вера из «Я подарю тебе город», Аслижан из «Застенчивой Аслижан», Марзият из «Похищения», Ирина из «Горской легенды».

Кайсын Кулиев

Знакомясь с сатирой Э. Гуртуева, мы приходим к выводу, что эти жанры в балкарской литературе обогатились новыми гранями сатирического анализа – пародией, иронией. У Э. Гуртуева осмеяние происходит при помощи иронического двойника, незримо присутствующего в рассказе...

Фатима Урусбиева

Эльдар Гуртуев крайне чуток и внимателен к глубинным течениям жизни, он всматривается в неё не с холодным любопытством аналитика, а с тем, глубоко личным, печальным или радостным чувством, которое и отличает подлинного мастера.

Александр Царикаев

«Альпийская повесть» и горская легенда «Асланби – Отчаянная голова» балкарского писателя Эльдара Гуртуева – поэмы в прозе, проникнутые романтикой жизнелюбия и подвига.

Александр Тверской

Дорогой Эльдар Гуртуев!

Работники Берлинского издательства «Киндербухферлаг» поздравляют Вас с выходом *второго издания* на немецком языке Вашей книги «Иммер виедер, Хасан».

Горский мальчик, похоже, очень полюбился немецким ребятам, прочитавшим Вашу замечательную книгу.

*Марианна Шилова, переводчица;
Бригитта Крёнинг, художник-иллюстратор
Берлин*

Уважаемый Эльдар Бертович!

Спасибо за радость, доставленную Вашим «Хасаном» грузинским ребятам. Между нашими республиками – горная гряда. Но нет преград настоящей дружбе, если она обогащается и литературными обменами.

Издательство «Накадули» планирует «Хасана» переиздать, но уже с большим тиражом. Будем дружить!

*Нора Карвалишвили
Тбилиси*

Уважаемый Эльдар Бертович!

Редакция литературно-драматических программ Центрального телевидения признательна Вам за любезно присланный сборник Ваших рассказов. Некоторые из них мы хотели бы использовать в очередных выпусках передачи «Наполовину всерьёз». Просим Вашего согласия.

С уважением –

*Р. Губайдуллин, редактор
Москва, ТВ*

Уважаемый тов. Гуртуев Э. Б.!

Издательство «Лумина» Госкомиздата Молдавии просит Вашего согласия на переиздание в переводе на молдавский язык Вашего произведения «Книжка про Хасана».

Если у Вас есть какие-либо исправления или замечания по тексту, просим сообщить по адресу: г. Кишинёв, изд-во «Лумина».

Е. Дамиан, директор

Дорогой Эльдар Бертович!

Сообщаем, что Вашу повесть про Хасана, мною переведённую на украинский язык, киевское издательство «Весёлка» решило выпустить массовым тиражом, с чем и поздравляю.

*Ваш Борис Хоменко
Киев, изд-во «Весёлка»*

Уважаемый товарищ Гуртуев!

Читали свои рассказы? Мы, конечно, рады за Вас и за себя, что доставили читателям весёлую минуту с тонкой сверхзадачей по Станиславскому насчёт частной собственности. Черкните нам ради учёбы нашей – Ваши замечания о правке и рисунках.

Жмём руку в ожидании новых, ещё красочнейших рассказов!

*Н. Удовенко
«Литературная Россия», Москва*

Уважаемый Эльдар Бертович!

Центральное телевидение готовит серию передач, в которых предполагает регулярно знакомить зрителей с лучшими рассказами писателей разных национальностей. В первую из этих передач мы хотели бы включить Ваш рассказ «Злой попутчик», опубликованный в газете «Литературная Россия». Просим Вашего согласия.

С уважением –

*Н. Успенская,
зав. отделом занимательных передач ЦТ*

Уважаемый Эльдар Бертович!

Ну, вот и Вы стали почтенным юмористом-классиком, которого перепечатывают, как говорится, «заживо». Событие, как понимаете, радостное и обязывающее: нужны новые, интересные, значительные (ещё парочку эпитетов придумайте сами – воображением Аллах не обидел!), чтобы литроссияне ждали, искали, рвали из рук непосвящённых номера еженедельника с Вашими рассказами...

Посылаю еженедельник, на случай, если в Нальчике все киоски окажутся недееспособными. Если будут предлагать вместо этого номера «Литроссии» журнал «Здоровье» – не поддавайтесь на провокацию!

И напишите – пришлю ещё номер. Мир дому Вашему –

*Т. Д. Резвова
Москва, «Литроссия»*

Уважаемый Эльдар Бертович!

Ваша рукопись «Джигит я или не джигит?» на конкретный вопрос получила положительный ответ и беспрепятственно ушла в производство. Книжка выйдет стотысячным тиражом и, надеемся, понравится юным читателям нашей страны, как и Редсовету издательства «Малыш».

Желаем новых творческих удач!

*О. Муравьёва, редактор издания;
В. Нагаев, художник*

Здравствуйте, дорогой Эльдар!

Ваша повесть «Темирбаш» одобрена и включена в тематический план в переводе автора. Тираж – массовый. Надемся, что она понравится читателям не меньше, чем издания «Хасана», которые входят в число лучших книг «Детгиза».

Счастья и творческих радостей!

*Ваша Галия-апа
(зав. редакцией Каримова Галия Рахмановна,
изд-во «Детгиз», Москва)*

Дорогой Эльдар Бертович!

Вы, похоже, становитесь нашим постоянным автором – аксакалом. «Приключения Хаджи-Абрека», «Точь-в-точь, как в жизни», а теперь увесистый том «Похвала добродетели». Надеемся, что список этот будет расти.

С удовольствием прочитали Вашу статью в «Литроссии» о книге Башира Гуляева, изданной у нас. Он, безусловно, талантливый писатель, а Ваше доброе слово будет, надеюсь, ему полезно. Передайте ему привет и пожелания творческих удач.

*Е. Имбовиц, зав. отделом издательства «Советская Россия»
Москва*

Эльдар Бертович!

Издательство «Молодая Гвардия» сердечно поздравляет с присвоением Вам звания Дипломанта Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского. Желаем дальнейших творческих успехов, счастья, благополучия во всех Ваших делах.

Вручение состоится в Москве 28 октября в 19 час. в зале Политехнического музея.

*А. Машовец, главный редактор;
Л. Терехова, зав. редакцией конкурса*

Дорогой Эльдар Бертович!

Слушайте Ваш рассказ 4 августа в 21 час. 30 мин. Московского времени по 1-й программе Всесоюзного радио в передаче «Вы нам писали».

С дружеским приветом –

В. Егоров

Нальчик, ул. Головки, редакция журнала «Нюр», Гуртуеву Э. Б.

Уважаемый Эльдар Бертович!

Сердечно поздравляю Вас с присвоением почётного звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Желаю новых творческих успехов в Вашей благородной деятельности, крепкого здоровья, счастья, благополучия.

*В. Коков,
Президент Кабардино-Балкарской Республики*

Нальчик, Радио, Гуртуеву Эльдару!

Сердечный Хох шлю тебе в связи с присуждением премии! Новых творческих удач!

С приветом из Новороссийска –

Адам Шогенцуков

Уважаемый Эльдар!

Горячо поздравляем с днём рождения и желаем, чтобы Ваша благородная деятельность всегда приносила радость Вам и Вашим читателям. Над переводом «Хасана» мы работали с большим удовольствием. Благодаря Вам посетили чудный край Кавказию, любовались его природой, ещё больше полюбили балкарцев – замечательных горцев.

С горячим приветом –

На заседании правления Союза писателей КБР

*Сами Унал Назир,
Кутлухан Шакир
Стамбул, Турция*

Из «Автобиоэссе» Эльдара Гуртуева:

– ...Но с годами обнаруживаешь, что всё время учишься, и сам того не подозревая. На рассказах пророков сатиры и юмора Чехова и Твена, на новеллах лукавых корифеев Гашека и Зоценко, вновь и вновь перечитываешь блистательных Ильфа и Петрова, несравненного Азиза Несина. А кто не преклоняется перед великим смехотворцем Гоголем, который заметил, что «насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете». Читаешь их с великим наслаждением, получая урок глубокого уважения к Слову, к каждой строке Мастера.

Чеканный стих мудреца Кязима, высокая поэзия незабвенного Кайсына – это непреходящие образцы для любого литератора, пишущего на балкарском языке. И не только на балкарском.

Сижу на весёлой кавказской свадьбе. Кто главный хозяин застолья? Тамада, конечно. Но не только он. Над всеобщим весельем царит горское лукавство, меткая шутка, острое словцо, забавная история не без умысла. Сидишь на таком веселье и слушаешь. И думаешь: вот он – родник неизбывный, мой клад неистощимый, богатство моё бесценное – века пережившее, звучное балкарское слово! Слово, подобное вершинному дыханию Дыхтау. Манит и зовёт меня эта вершина первозданной белизной да мудростью степенной...

ЦЕНА ТОПОРА

...А сейчас я спрашиваю: сколько стоит топор? Так и знал – говорите, что странный вопрос. Э, не спешите, пожалуйста, я уже знаю, что вы скажете дальше. Скажете, во-первых, что топор топору рознь... Угадал? Ну вот... И ещё скажете, что всё опять же зависит от назначения. Что топор, которым рубили избы, – это один топор, а которым лишали головы, – это другой. Так сколько же стоит топор? Верно, тут надо подходить дифференцированно. Но, во всяком случае, бесплатно топор нигде не купишь, верно?

Вот и я думаю, верно! Только не дай Аллах сказать вам это нашему Зекерье. Он так засмеёт вас, что вы будете только потеть да оглядываться, нет ли поблизости знакомых, свидетелей вашего позора. Кто такой Зекерья? Э, особый это человек. Обо всём имеет особое мнение – и о топорах тоже, между прочим.

Вот, например, базары. Вы туда зачем ходите? Понятно, за покупками. А Зекерья – нет... Он ходит на базар, как на праздник души. Он там черпает радость и вдохновение. Танец красок, музыка запахов, драмы и комедии человеческих отношений – вот что такое базар для нашего Зекерья!

Слушайте, я расскажу вам, что с ним однажды случилось, и вы поймёте, что я не зря спросил о цене топора.

Идёт этот Зекерья по базару и наслаждается. Вот молоденькая хозяйка пробежала, волнуется, никак мясо выбрать не может – Зекерья усмехается: «Э, дочка, не бойся, молодой супруг и не заметит, хоть сырые жилы поднеси ему. А свои вкусы он тебе потом всё равно подробно объяснит... через годик...». Вот парень с авоськой топчется у прилавка – Зекерья щурится: «Понятно, дорогой, сейчас твоя милая кажется тебе слишком нежной для базарных дел. Надолго ли?». Не то чтобы злой Зекерья, а так – знает старик жизнь. Весело и привычно делит он базар на две половины: одна старается дороже продать, другая – подешевле купить. И, как опытный шахматный болельщик, Зекерья умеет наслаждаться этой острой захватывающей игрой. Вот покупатель уже в цейтноте, уже собирается сдаваться – и вдруг замечает червоточинку на капустном листе... Стремительная атака, прорыв, мат! Продавец с недоумением отдаёт товар за полцены. А рядом та же картина, но с обратным результатом: продавец ухватил сочную желтую грушу и, действуя ей, как ладьёй, принудил покупателя к капитуляции. И красная десятка из кошелька покупателя упала на прилавок, как флажок на шахматных часах. «Воллаги, – бормочет Зекерья, разглядывая длинные столы и

людей, склонившихся над ними по обе стороны. – Воллаги, это же сеанс одновременной игры!»

И вдруг Зекерья увидел огромного старика, с бородою на манер кубинских барбудос, с глазами, полными презрения. Он продавал топоры, грабли, лопаты и другие предметы, соединяющие в себе кузнечное и плотницкое искусство. Однако торговля шла вяло. Не то чтобы товары были плохи, нет... Вещи были сделаны добротнo – не придерёшься. Дело было в самом старике. Он просто не умел торговать. Он просто сидел и курил. Вы представляете? К нему подходит покупатель, спрашивает цену. Старик называет. И цена-то вполне божеская, но покупатель не в магазине, он хочет поторговаться. А старик, вместо того, чтобы играть по всем базарным правилам, только щурится презрительно и гудит чугунным басом: «Берёшь – бери, нет – иди своей дорогой». И покупатель идёт своей дорогой, потому что теперь наш покупатель пошёл с тонкой душевной организацией и требует нежного обращения.

Зекерья даже остановился – так поразил его этот странный продавец. Он долго наблюдал за ним со стороны и, наконец, стал кое-что понимать. А когда понял, насмешливые глаза старого Зекерья стали мягкими, добрыми и чуточку лукавыми. Вы спросите – почему? Не спешите... Если я начал рассказывать – значит обязательно кончу когда-нибудь.

Тем временем подходит старушка, выбирает топор и спрашивает, сколько он стоит.

– Три рубля, кому нужно, – говорит продавец. Ну никакой торговой дипломатии! Старушка роется в кошельке, скребёт монеты по всем углам, а этот бородач и не смотрит на неё!

– У меня тут... Два с полтиной, – робко говорит старушка.

– Ну так иди, не мешай, – отвечает ей продавец и выпускает два огромных клуба дыма.

Бабушка испуганно и виновато засемила прочь, Зекерья за ней. Отошли на приличное расстояние. Тут Зекерья берёт её под локоть и говорит: «Ты меня здесь подожди, мамаша, попробую тебе помочь. Не уходи никуда, я сейчас поговорю с этим грубияном».

Подходит Зекерья к старику, садится на корточки и берёт топор. Двумя руками берёт, осторожно, словно не топор это, а хрустальный графин, наполненный столетним коньяком.

– Сам сделал?

– В магазине купил, – проворчал бородач и скривился презрительно. Зекерья улыбнулся.

– Не-ет, меня не обманешь! Да разве такое в магазине купишь? Смотри, как отбито лезвие – как бритва! А топорище! Змея, не топорище! Руку так и обвивает... Нет, дорогой, этот топор не кузнец делал, а ювелир. А ты мне – в магазине!..

Бородач промолчал, хотя лицо его заметно просветлело. Зекерья заливается, как ни в чём не бывало.

– Славный топор, хоть на выставку посылай. А почему бы и нет? Ведь любой увидит – большой мастер делал эту вещь. Да что мастер – художник! Жаль только, не умеют у нас ценить настоящие таланты. А такой талант ценить надо. Уважать надо такой талант!

Зекерья ласково провёл ладонью по топорищу, словно котёнка погладил:

– Вот и топорище... А глаз у меня верный, вижу, с любовью его делали, а полировали, наверное, в ладонях; блестит, словно кизиловая палка у старика. Возьмёшь в руки такую вещь – и захочется работать без усталости. Глаз радуется, душа поёт, когда видишь такой товар! И не в сарае место ему – на стену, на ковёр его вешать надо, как саблю кубачинских мастеров...

Зекерья на минуту перевёл дыхание и увидел, как лучистые морщинки побежали от глаз кузнеца, как задрожали его губы и стали влажными глаза. Голос Зекерьи стал ещё проникновеннее.

– Жил, помню, у нас в ауле старик. Ножи делал, косы и топоры. Из дальних аулов приходили к нему. Великий мастер был. Да помер, пусть рай будет пристанищем его доброй души. А топоры его да косы остались. И сам он через них остался в памяти людей. Думал я, такого мастера уже не встречу. А сейчас увидел твой топор – значит, думаю, есть ещё настоящие мастера...

Бородач, наконец, заговорил, и голос его дрожал от волнения:

– Бери его себе! – сказал он.

– Да что ты, – смущённо ответил Зекерья. – Такая вещь...

– Бери-бери, добрый человек!

– Неловко как-то, да и денег у меня всего два с полтиной... Я ведь просто полюбоваться присел. Давно не видел такой работы.

– За так бери! Дарю! Возьми, пожалуйста! Я ведь тоже давно не встречал понимающего человека, – и бородач смахнул слезу огромным кулаком.

...А теперь вы скажите мне: сколько стоит обыкновенный, ну самый обыкновенный топор?!

ЯСАК – ЭТО НЕ ЗАБАВА

Высокоцитимые думцы и думки, уважаемые господа-товарищи и просто граждане-налогоплательщики, не судите меня строго за это обращение. Впрочем, я и сам хорошо знаю, что имею полное право высказаться. Потому как на дворе и в подворотнях – везде неистово бушует

демократия. А что это такое? Вот, правильно мыслите, – народовластие. А поскольку я – конкретная часть этого самого демоса, то и право моё высказаться – естественное право. Я бы сказал даже – конституционное. Нет-нет, я не собираюсь шерстить президентов, хлестать премьеров с их вице-премьерами. Это уже не интересно и не оригинально. Это нынче любой может. А я личность неординарная, потому и мысли мои тоже будут претендовать на какую-то новизну, оригинальность. Но одно несомненно – они направлены на пользу общего дела.

Наиболее прозорливые представители нашего демоса, или пипла, а то и просто карахалка, не могли не заметить, что важнейшей темой дня стали... налоги. Без них уважающее себя государство перестаёт быть уважаемым, а там и другие нежелательные симптомы начинают проявляться.

Налог, оброк, ясак, если хотите – не забава, не хобби в державном масштабе. Это – политика. А последняя была основой основ любого ханства, султаната, халифата, империи и, как это ни покажется неожиданным, самого что ни на есть демократического государства тоже.

Ясак обладает свойством облегчать хурджуны, карманы господам и гражданам, имеющим разной величины состояния, доходы скрытые и очевидные. Свойством отстёгивать, как говорится, законом определённую сумму. Чтобы посредством её строить разные блага для всех, под лунной живущих.

Как стало известно со времён Тутанхамона или ещё раньше, много имеющие обычно раскошеляются в пользу малоимущих без заметного энтузиазма. Ну никак не могут осознать необходимость обществу и солдат, и пекарей, или самых разных интеллигентов...

Владыки мира: цари и короли, ханы и эмиры, а в более поздние времена – президенты и президентки, а также труженики высоких дум придумывали самые разные, но полезные указы и законы, чтобы имущие, то есть имеющие, без трагических переживаний, без рискованных попыток прятать доходы, в срок платили определённый ясак. Законы и указы были разные. И оглашались они по-разному. То с площади с возвышением, на котором в нужное время могли лишить головы легкомысленных нарушителей вышеназванных законов, то с голубого экрана в промежутках между кровавыми межзвёздными войнами. Очень разные были ясаки. То с каждой отдельно взятой трубы, независимо от интенсивности восходящего дыма, то с бороды без учёта её густоты и кучерявости. То просто с головы, пусть даже умной, то с носа любой длины и горбатости...

В наше благословенное время появилось много новых источников для извлечения нужного ясака. Порой весьма продуктивных. Возьмём, к примеру, личное авто, без которого многие просто не могут передвигать-

ся, совершать визиты, познавать природу. Ясак следует брать с каждой многомошной машины. С каждой её лошадиной силы. И тут выявится прелюбопытнейшая вещь. Владелец «Мерседеса», у которой целый табун под капотом, сообразит, что один реальный скакун обойдётся ему гораздо дешевле. Снимается проблема бензина. Травка на наших склонах не перевелась. Экологические проблемы решатся мигом. А романтика?! Будьте уверены, что у жениха-джигита с горящим взором, с острым кинжалом да с папайой на голове, больше будет шансов вскружить голову и покорить сердце волоокой красавицы, чем у краснопиджачного владельца иномарки. Да ещё при обнажённой голове с известно каким содержанием.

А ясак станет не только надёжным источником для казны, но при правильном стечении обстоятельств нравственно-романтическим обновлением общества. Про экологию я говорил, кажется, выше.

Есть ещё один чувствительный источник ясака. Который при профессиональной реализации сможет просто засыпать бедного «бюджетника» золотой таньгой.

Всем известно, что любой, или почти любой, мужчина по мере возрастания своих доходов начинает сначала робко, потом – смелее помышлять об альтернативной возлюбленной. Для разнообразия, надо полагать. И всё, заметьте, делается в глубокой тайне, воровато, я бы сказал. Запретный плод, известное дело, слаще, что было многократно подтверждено со дня рокового поступка Евы – нашей любопытной прапрабабушки. Так вот, легализуем этого «альтернативщика» вместе с его возлюбленной и наложим на них полновесный и неотвратимый ясак. Одно свиданье – гони десять процентов в казну. Две заветных встречи – двадцать процентов. И так далее в арифметической прогрессии.

У сверхбогатых порой появляется желание обзавестись не одной дополнительной лучезарной, а целым гаремом. No probleme, как мы привыкли теперь говорить. Что может так возвысить авторитет настоящего мужчины, его имидж, как наличие собственного гарема! Ничто, конечно. Принимая во внимание этот факт, надо разрешить специальным декретом и постановлением о ясаке тот самый персональный гарем с последующей приватизацией. Но с удержанием от дохода хозяина по геометрической прогрессии. Опять огромная польза в виде сплошного потока конвертируемой валюты. Именно конвертируемой, потому как владельцу гарема просто будет несолидно платить чем-то иным. Пусть он финансирует иной валютой охрану гарема. И ещё, заметьте, стратегическая польза: население страны начнёт быстро расти, потому как у гаремных мамаш с воспитанием подрастающего поколения, одеванием и обуванием его, а также кормлением заметных проблем не бывает. Рожайте себе на пользу нации и всего прогрессивного человечества.

Есть ещё один немаловажный источник извлечения государственного ясака. Известно, что народ, особенно избранная его часть, любит много говорить. Я не против. Иной раз и сам не прочь поболтать. Хотя и не избранный. Так вот, за каждую минуту разговора, пусть даже полезного и умного, взыскивать обязательный ясак. Для чего установить на площадях и залах заседаний, в местах скопления карахалка, а также в микрофонах, телефонах... специальные «лексикометры». Если термин кому-то покажется слишком мудрёным, назвать его просто «словомером». Люди, уверяю вас, начнут говорить экономно. Любая экономия, как известно, полезна для державы. Речь ведь идёт об экономии слова. А слово – время, а время – деньги. Улавливаете? Во-от...

В увеличении суммы госясака могут принять полезное участие даже отпетые казнокрады, патентованные мошенники, законченные рэкетеры и другой подобный контингент. Отдал половину «дохода», получай пять вместо десяти или десять вместо двадцати...

Я хотел бы предложить ещё много чего, но не могу. Лексикометр включён, а доходы мои... стыдно говорить, жидки, как разбавленный айран.

ЗЛОЙ ПОПУТЧИК

Сначала отдадим дань фольклору. Приём не новый, но не хуже других, таких же ветхих и заплесневелых.

И было так. Однажды мудрый, почтенный горец, пригласив в незримые попутчики Аллаха и пророка его, отправился в жортуул, что по-балкарски означает далёкое странствие. И дабы иметь в пути собеседника более внимательного и безропотного, нежели Аллах и пророк его, взял с собой младшего сына. И как только дом родной скрылся за первым же поворотом, старый джигит приказал юному своему отпрыску: «Урежай дорогу, чтоб короча стала!» Бойкий отрок соскочил с коня, вынул саблю из ножен и стал орудовать ею, как доблестный Джедяль эд-Дин в бою с полчищами иноземцев. С трудолюбием, достойным более подходящего применения, он рубил, кромсал каменистую горную дорогу, пытаясь разрезать её на куски.

Отец не стал указывать сыну на его заблуждение, а просто вернул домой. И позвал он среднего сына, который стал выполнять приказ о сокращении пути точно таким же образом, как и младший, разве что от ударов его клинка пыли и грязи летело побольше. Ну а старший сын сразу смекнул, в чём дело. «Ага! – подумал он. – Эти два моих поздорождённых братца не догадались, что нашему капризному старику хотелось послушать свеженьких аульских новостей, дабы не скучать в

пути. Вот что значит «урезать дорогу». И достойный первенец мудрого горца рассказал сначала о смешном случае, приключившемся с его приятелем, потом о жуткой ссоре между соседками и т. д. и т. п. Отец был доволен – дорога сокращалась прямо на глазах.

Самые пронизательные наши читатели уже, конечно, поняли: речь идёт о том, что хорошо иметь в пути доброго попутчика, приятного собеседника. Однако с попутчиками везёт не всегда. Они бывают не только добрыми, не только приятными.

Лично со мной приключилась такая история. Однажды я отправился в далёкий жортуул на резвом иноходце с голубыми полированными боками и четырьмя подкованными резиной колёсами. Ясное прохладное летнее утро и упругий ветерок, врывающийся в левое дверное окошко, настраивали мою душу на весёлый лад. Мои уши с удовольствием принимали спокойную ласку нежной мелодии, льющейся из радиоприёмника, под аккомпанемент мягкого шуршания шин о ровный сухой асфальт. Мои глаза с не меньшим удовольствием принимали безмятежную ласку недалёкой гряды сказочно красивых на фоне бездонной синевы неба снежных гор и двух зелёных рядов абрикосовых деревьев, бегущих мне навстречу по обочинам шоссе.

Вдруг от одного из таких деревьев отделилась маленькая тёмная фигурка и подняла руку. Не по-летнему тепло одетый щупленький старичок, с такой же, выдавшей виды, как и он, хозяйственной сумкой, не торопясь, сел рядом со мной в машину, бережно пристроил сумку у ног и кивнул головой: можно ехать.

Музыка, янтарным родничком бьющая из приёмника, ему, видимо, не понравилась – он щёлкнул выключателем.

– Не любите музыку? – с вежливой улыбкой спросил я.

– Может, и люблю, – важно ответил мой попутчик, – но слушать её можно дома или в клубе. А управляя машиной, отвлекаться нельзя. Надо слушать, как бьётся сердце – мотор. – Старичок вздохнул. – Беда вездесуща, но чаще всего она ходит по дорогам.

Я тоже вздохнул, но промолчал. Достал сигарету...

– Курить за рулём не только вредно, но и опасно, – голос моего пассажира звучал, как на древней, заигранной ещё до вашего рождения, пластинке.

– Почему? – спросил я.

– Руль надо держать не одной рукой, а двумя. Так больше надежды избежать аварии.

Я подчинился.

– Один шофёр, – продолжал свою песню старик, – молодой, твоих лет и похожий на тебя – может родственник? – перевернулся на крутом

повороте. Когда его клали на носилки, во рту парня торчал дымящийся окурок. По-моему, папироса была такой же марки, как у тебя.

Я крепко стиснул зубы и руль.

– Машина – вещь, на первый взгляд, неплохая, – «урезал дорогу» попутчик. – Быстро ходит и не трясёт. И крыша над головой – дождь не страшен. Когда мои дети были молодыми, ездить нам приходилось только на телегах. Два дня тратили на дорогу в Герпегеж и обратно. Машина – это хорошо.

– Хорошо, – как эхо, отозвался я.

– Только от неё и несчастий немало, – закончив предисловие, старик начал излагать суть дела. – А правду сказать, много несчастий. Возьми, к примеру, случай, который произошёл в прошлую пятницу у нас в селении. Вот такая же «Волга», как твоя, шла прямо, а потом вдруг повернула направо и врезалась в новенький забор моего соседа Асланбиа. Прошла сквозь забор и нырнула в стог сена. Сено вроде бы мягкое, но шофёра я увидел на другой день с перевязанной головой. А за неделю до этого председательская легковая машина столкнулась с двухгодовалым телком. Телок – богу душу, а машина – левый глаз. Глаз-то стеклянный, его заменить можно, а телка, хоть обыщи все склады «Сельхозтехники», не заменишь. Тем более, телок был в мясе и породистый. Ущерб тоже.

– Да, ущерб, – согласился я. Мне было жаль и телка, и шофёра. Сам знаю, как трудно с запчастями.

– А сколько кур, гусей и собак раздавлено машинами, сколько заборов попорчено и столбов сбито! – горестно причитал старик.

– Да, это верно, – грустно согласился я, и сочувствие к несчастным жертвам автотранспорта переполняло моё сердце.

– Если бы только птицы да собаки, – не унимался дед. – Людей-то как много страдает из-за этих машин! Врачи не успевают чинить поломанные кости да разбитые головы.

Чувствую, пересохло у меня в горле. Достал из-под сиденья бутылку с нарзаном.

– Это ещё что? – строго спросил попутчик.

– Нарзан. Хотите выпить?

– Нет. Не хочу. И тебе не советую. Некоторые вот в такую бутылку водку наливают. Глотают за рулём, а там до беды один шаг.

– Но это в самом деле вода! – дрожащим голосом сказал я.

– Возможно. Только я говорю о том, как нередко бывает...

Стоит всё такое же ясное солнечное утро, но на душе у меня липкая слякоть.

– ... Тогда Хасан резко свернул в сторону и наехал на свинью, которая с диким визгом, будто её резали тупым ножом, отскочила от колеса. В следующую секунду Хасан угодил в канаву и до сих пор лежит...

– В канаве? – спросил я.

– Нет, в больнице.

Спина у меня холодеет, ладони становятся влажными.

– ...Четверг, после дождя. Так вот, значит, когда этот выпивоха Таусолтан резко затормозил, самосвал сокрушил перила моста и грохнулся в...

О, чёрт! Сердце у меня стучит, как плохо отрегулированный клапан цилиндра...

– ...Налетел на подводу, которая опрокинулась набок, а «Москвич» оказался на обочине колёсами наверху...

Какой зуд промеж лопаток. Будто охапку крапивы за шиворот сунули...

– ...Гляжу, у скалы не машина, а груды исковерканного железа. И дым идёт. Подошёл поближе, рассмотрел. «Волга». Голубая. Как у тебя. А дома, конечно, жда...

Под монотонный рассказ старикашки светлый мой разум начали заволакивать мутные сумерки. А он всё говорил, постепенно вспоминая события всё более отдалённых времён. Наконец, он добрался до 1916 года и поведал историю о неизвестно каким образом попавшем в наши края облезлом драндулете жандармского пристава. За неимением бензина и квалифицированных специалистов по ремонту этого чуда техники пристав запрягал в него пару лошадиных сил. И, разумеется, лошади однажды понесли, и предок современного автомобиля вместе с его владельцем полетели на дно глубокого ущелья.

– А ведь хорошие были кони! – сокрушался старик.

Задыхаясь, я рывком расстегнул воротник и каким-то страшным чужим голосом крикнул:

– Хватит!!!

Я остановил машину и бросился к ручью, протекавшему под маленьким мостиком в двадцати шагах. Сунул голову в воду, увидел две туманные фигуры в белых халатах. Они держали носилки, на которых лежало моё безжизненное тело. Я закрыл глаза. Потом открыл снова. Видение исчезло. Я начал приходить в себя. Когда я вернулся к машине, старичка в ней не было, а чуть впереди набирал скорость удаляющийся от моей машины «Москвич» вишнёвого цвета.

На сиденье справа от меня лежала старенькая, сморщенная, как мой пассажир, рублёвая бумажка. Я порвал её в мелкие клочья и долго топтал обрывки ногами. Затем их сжёг, а пепел развеял по ветру.

На другой день мне стало известно, что в районе Герпегежа потерпел аварию «Москвич» вишнёвого цвета.

ПРОВОДЫ

Слух о том, что Зулкарнею Азнауровичу стукнуло шестьдесят и он собирается уходить на пенсию, обрушился на громоздкий аппарат управления с мощью и неожиданностью снежной лавины. Она, эта лавина, начав свой путь из приёмной начальника, с гулким ропотом прошла, нет, пронеслась через все кабинеты и коридоры, прогремела по всем лестничным пролётам, выплеснулась, наконец, в вестибюль и едва не сшибла с ног обычно ко всему равнодушного вахтёра. В страшном возбуждении забежали по длинным ковровым дорожкам работники управления: можно было подумать, что здесь намечается либо первая в истории встреча разумных существ из соседней Галактики, либо крупное сокращение штатов. Новость будоражила умы и волновала сердца:

– Уходит на пенсию, слышишь! – и указательный палец многозначительно возводился к небу.

– Как не слышал! Та-ко-е, да не слышать?!

– Неужели правда?

– Что – «правда»? Что ему – шестьдесят?

– Нет, что уходит...

– А-а...

– Вот было бы событие!

– Тише, тише!

– Ну и сюрприз!

– Он от нас, мы – от него...

– Да тише, вам говорят!

Прошло несколько дней мучительного ожидания. Не слышавшие услышали, не верившие поверили, не видевшие увидели. Увидели, что начинается подготовительная работа «по организации достойных проводов начальника на пенсию». Специальная оперативная комиссия приобрела на средства месткома (по статье культмассовых расходов) дорогую двустволку и прикрепила к ложу прямоугольную пластинку величиной со штамп управления. И тесно было на этой пластинке чеканным изъявлениям безграничной любви, искреннего уважения и глубокой преданности.

Но вот пробил час, и торжественный вечер начался. Нарядно одетые служащие, смущённо улыбаясь и пряча глаза друг от друга, заполняют актовый зал, богато украшенный живыми цветами в глиняных горшках... Откуда-то из коридора доносится звонкая медь бравурного военного марша.

– Хорошо-то как, – прошептал, едва не прослезившись, заведующий восьмым отделом. Что именно «хорошо», он, правда, уточнять не стал.

– Не забуду этих часов, проведённых в его приёмной, – с чувством проговорил заместитель заведующего.

– А кого, интересно, на его пост? – спросил один из служащих.

– Да мало ли у нас умных, знающих своё дело специалистов? – ответили ему.

– И то верно, – согласился служащий. – Но так или иначе, а индейку я нарежу сегодня. Не стану тянуть до праздника. После собрания прошу ко мне.

Все, наконец, расселись по местам и притихли. На сцену прошествовал Зулкарней Азнаурович и водрузился за столом президиума. Музыка смолкла. Наступила минутная тишина. Потом зал взорвался громом аплодисментов и восторженных выкриков. Затем собрание гладко покатилося по привычным рельсам, делая кратковременные остановки для смены ораторов. Уже было вручено почётное оружие, то есть двустволка, уходящему на покой командиру учреждения. Уже отзвучало с десятков приветственных речей, похожих друг на друга, как один и тот же приказ, размноженный на ротаторе. Все выступления штамповались по такому вот примерному стереотипу:

– Дорогой Зулкарней Азнаурович, – надрывался с трибуны очередной провожающий, – ваш уход на заслуженный отдых непомерно обогорчил нас. Сколько бесценных указаний мы от вас слышали. Работа с вами была для нас страшным... э... счастьем. Наши сердца... Мы никогда... Как мы переживём...

У Зулкарнея Азнауровича дрогнул подбородок.

– ...Судьба, которая бывает порой безжалостна. Но судьба иногда бывает и такой доброй, что не знаешь, как её благодарить. Вы покидаете нас. Мы благодарны вам за всё, что было, чего не было и никогда не будет. И не надо. Как мы теперь станем жить без вас...

Зулкарней Азнаурович налил из графина воды в высокий стакан, и стуча зубами о хрусталь, выпил всю до капли.

– Дорогой наш незабвенный. Неповторимый, несравненный Зулкарней Азнаурович! Как непривычно будет работать без вас, как осиротеют стены любимого нашего управления! На кого покидаете? Как без вас обойтись?! Вы для нас, как самый родной. Эх, да что там!.. – И последний оратор, не договорив последнего слова, махнул рукой и, будто кровно кем-то обиженный, ушёл со сцены.

И тут встал именинник. Губы его тряслись, а острый кадык то проваливался за узел галстука, то выныривал снова. Однако Зулкарней Азнаурович быстро взял себя в руки и пошёл к трибуне, прихватив с собой (нечаянно, по-видимому) ту самую двустволку. Подойдя к микрофону, он вытащил левой рукой большой белый платок и мощно протрубил в него носом. В динамиках раздался такой звук, словно пара семитон-

ных самосвалов опрокинула кузова, груженные камнями. Те несколько служащих, что подрёмывали в задних рядах зала, подскочили с мест и зааплодировали. Все остальные на всякий случай к ним присоединились. Зулкарней Азнаурович молча переждал овацию. Потом задумчиво поднял ружьё, усталым движением приложил его к плечу и почему-то прицелился в центр зала. Служащие замерли. Наступила дрожащая тишина. Тогда Зулкарней Азнаурович приставил ружьё к ноге и начал говорить. Начал, как и всегда, с гневного бичевания бесфамильных нарушителей трудовой дисциплины и безымянных бракоделов. По привычке отметил достигнутые успехи и по своему обыкновению призвал встряхнуться, мобилизоваться, догнать и обогнать. В этом месте он всегда останавливался в ожидании рукоплесканий. Прозвучали они и на этот раз. Затем он продолжил, но теперь непривычно тихим и даже сердечным голосом:

– Дорогие друзья, любимые подчинённые! Здесь много звучало сегодня тёплых и справедливых слов. Очень хороших и умных слов. Я сидел, слушал и думал. Нет, не должно страдать производство. Я не хочу, чтобы это... чтобы стены осиротели. Не хочу бросить вас в беде. Без моего руководства и этих... бесценных... которые указания. Я решил идти не на пенсию, а идти навстречу пожеланиям коллектива. Остаюсь. С вами – до конца!

Зулкарней Азнаурович повесил ружьё на плечо и твёрдой походкой, чётко печатая шаг, двинулся в зал.

Все присутствующие в одну секунду онемели, оглохли, ослепли, застыли, как гранитные кладбищенские изваяния.

Аскербий ШОРТАНОВ

ГОРЦЫ

Книга четвертая

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

С тех пор как Джамалдин вернулся домой, его часто видели в рощице на краю аула, или он искал уединения возле говорливой речки, сидя на большом валуне и глядя в воду. Иногда затягивал песню, слов которой горцы не могли разобрать, но одно имя в ней звучало отчетливо – Ольга. Со временем земляки привыкли к странностям парня, и стоило ему запеть, как они беззлобно шутили: «Опять завел свою олгу». А некоторые жалели его всей душой, почитая за сумасшедшего: «Бедный юноша умом тронулся. Уруссы завидовали Шамилю, вот и опоили его сына ядом безумия, прежде чем отпустить». А может, гадали горцы, так русские хотели показать имаму, на что они способны?

– Ольга – это имя лошади Джамалдина, – говорили самые догадливые, – той самой, что была при нем в русской армии.

– Постой-ка, а может, у русских положено давать коню имя жены? – предполагали другие. – Вот и Джамалдину предложили звать лошадь так же, как его жену. А поскольку царю было жалко отдавать молодому горцу такую хорошую лошадь, он отобрал ее, и теперь Джамалдин тоскует по ней.

В бесхитростных спорах горцев не обошлось, конечно, без вечных спорщиков Сулеймана и Салихана. Рожденные в одну ночь накануне святой пятницы, эти двое могли спорить о чем угодно и на что угодно. Не раз они выигрывали друг у друга шапки и кинжалы. Вот и сейчас Сулейман готов был поклясться своей шапкой, что на спор выиграл недавно у того же Салихана: Уолга – это верный конь Джамалдина. Друг же был другого мнения:

– Вот этой твоей шашкой клянусь, – он достал клинок из ножен и вонзил его в землю, – что уолга – название ружья. Пойдем у Джамалдина спросим, коли не веришь!

– И пойдем! Гяуром буду, если отступлю!

К Джамалдину, однако, они подходили не так шумно, как спорили, то ли из уважения к его печали, то ли из-за того, что перед ними сын имама. Молодой человек сидел на валуне, низко опустив голову над

¹ Продолжение. Начало в №№ 1, 2017 г., 2, 3, 4, 2019 г., 1, 2020 г.

листом бумаги, и что-то писал. Приблизившись с некоторой робостью, мужчины увидели, что юноша не просто пишет – он плачет, и крупные слезы падают на листок.

Спорщики опешили. Молча попятились, стараясь не обнаружить себя. Теперь они знали, что нужно делать. Не поленившись, отправились в Грозный – с тех пор как крепость эта стала городом, не нужно было при входе сдавать оружие или проходить иную проверку. В городе они наконец-то узнали, что же за слово могучее – «уолга», что заставляет горца плакать. Оказывается, слово это родом из древнего европейского языка, а означает оно «богоподобная».

Немедля решено было поставить в известность имама – должен же он знать, отчего мается его сын!

Шамиль встретил их хмуро.

– Почтенный имам, мы были в городе!

– Зачем вас туда понесло?

– Мы знаем, что значит...

– ...это слово...

– ...Уолга, что Джамалдин произносит!

– И что же? – так же хмуро спросил имам.

– Значит – «богоподобная»...

– ...«красавица», «божественная»...

– ...на языке каком-то древнем...

– ...и только это может...

– ...исцелить твоего сына...

– ...немедля надо...

– ...женить его!

Шамиль сидел с удрученным видом, словно не слыша и не замечая Салихана и Сулеймана. Для него не было новостью то, что наперебой тараторили эти два чудака. Как только ему донесли, что сын ищет уединения, бродит в роще и у реки, на известняковых камнях выцарапывает имя Ольга, порой пишет что-то и напевает русские песни – он понял, что дело в некой русской девушке. Что ж, это можно понять. Мальчик с пяти лет попал к русским, потом пятнадцать лет прожил среди них, окончил пажецкий корпус, служил в горском эскадроне, охране самого императора, в уланском полку имени цесаревича Михаила. И неудивительно, что какая-то русская девушка могла запасть ему в душу. Думая изгнать эту блажь из головы сына, Шамиль женил его, но три недели кряду он отказывался заходить в спальню к молодой. Наконец по приказу Шамиля жениха затащили к ней силой. Думал Шамиль, что красивая юная жена заставит Джамалдина забыть прежнюю любовь, но не тут-то было.

Теперь он стал еще нелюдимее. Правда, часто наведывался в Урус-юрт – туда, где жили русские, перешедшие на сторону Шамиля. Оттуда

возвращался оживленным, в приподнятом настроении. Так продолжалось до тех пор, пока Шамилю не намекнули, что сын его, возможно, затевает побег к русским, потому и крутится возле них, компанию подыскивает.

Шамиль немедленно приставил к нему тайную слежку. Он был уверен: сын сбежит при первой возможности. Но заблуждался. Джамалдин не обладал ни нравом крутым, ни упорством своего отца. Напротив, был мягок, непритязателен, даже безволен. Он напоминал всадника, пустившего коня вскачь без поводьев. Джамалдин был не воином, а скорее поэтом в душе. Таким он рожден, и изменить его, слепить из него мюрида было невозможно. Юноша позволял течению нести его по жизни, в которой глаза его хотели замечать только красоту.

Вот и сейчас он в который раз прогуливался у реки. Чуть выше по течению, у изножья прилепившегося на возвышенности аула, выступал посреди речки маленький, будто вырезанный ножом островок, весь зеленый, словно и не осень сейчас, а юная весна. На том островке приземлились два белых журавля – кто знает, может, отстали от улетающей стаи. Птица поменьше, по всему, была самочкой, вокруг нее плясал жених, распустив крылья и гордо вытягивая длинную шею. Невесте явно льстило внимание, она жеманно вертела головой, слегка приподнимала крылья, словно вот-вот улетит, если вдруг жених не угодит ей. И вот он остановил свое кружение, положил вытянутую шею на шею самочки и повел ее по кругу. Они были счастливы. Джамалдин заворожено наблюдал за этой парой, любуясь и завидуя их счастью.

2

На высокой кровати, вплотную придвинутой к стене, лежал Джамалдин. Бледный от природы, сейчас он казался еще бледнее. Белизну лица оттеняла бязевая наволочка на высокой подушке. Юноша выглядел отрешенным, с его высокого, суживающегося кверху лба скатывались крупные капли пота и исчезали под одеялом. Черные блестящие глаза казались сейчас безжизненными и тусклыми. Он глядел на сидевшего рядом отца, потому что так полагалось, но никакого тепла, привязанности не чувствовалось в его взгляде. Шамилю казалось, что сын смотрит сквозь него. Почему первенец так отстранился от него? Нельзя сказать, чтобы Шамиль любил Джамалдина больше других детей, но все же к нему относился с особым трепетом, похожим на жалость. А может, это и была настоящая отцовская любовь?

Немало бессонных ночей провел Шамиль, думая о сыне. Всегда ли он был справедлив к нему? Не обидел ли чем? В жизни не поднимал на детей руку, лишь однажды, когда маленький Джамалдин играл лепешкой как мячом, отец ударил его. И сейчас он корил себя за несдержанность: может, сын и сейчас с обидой вспоминает тот день?

Пятнадцать лет мальчик был лишен родины, и это тоже заставляло сердце отца сжиматься от жалости. Даже язык материнский мало помнит, говорит больше по-русски, а то и по-французски. Впрочем, отца это огорчало меньше всего – вспомнит язык, куда денется. Напротив, Шамиль явно и тайно гордился тем, что сын знает языки двух держав. Он с нескрываемым удовольствием окидывал взглядом полки с книгами сына – «Опыты» Монтеня, «Евгений Онегин» Пушкина, целых три книги Лермонтова со стихами, стоящие отдельно от всех прочих. Шамиль подумал о своей библиотеке. Бывало, при переездах его книги везли на семи лошадях. У него все на арабском языке, а у сына – русские и французские... Куда выведет этот путь? Куда повернет молодое племя горцев? Если и дальше так пойдет, им вскоре не понадобится арабская грамота. Русская и французская сейчас больше в чести. А кто ее в горы принес? Сын имама! Расходятся их дороги, отдаляются...

Шамиль имел привычку сравнивать и сопоставлять все на свете. Вот и сейчас он сравнивал – своих сыновей. Они очень разные – Джамалдин, вернувшийся к нему после пятнадцати лет разлуки, и Казий-Магома, названный в честь наставника самого Шамиля, имама Казий-Мухаммета, в надежде, что он станет его последователем. Казий-Магома оправдал надежды отца в полной мере – горячий, смелый, настоящий горец. А вот старший сын – он совсем другой, непонятный. Испортили его годы жизни среди русских, но ничего, исправится, думал Шамиль, сам себе не веря.

Да, Джамалдин умнее, чем Казий-Магома, степеннее, рассудительнее. Горцы твердили, будто Шамиль сказал про старших сыновей так: «Казий-Магома – рукоять кинжала, а Джамалдин – страница Корана». Да, первый и вправду чрезмерно горяч, чуть что, сразу за шашку. Он почтительно относился к старшему брату, как того требовал обычай, но в душе не испытывал к нему никаких чувств, кроме досады. И зачем только он вернулся? Обрусевший, странный какой-то, для чего ему было возвращаться на Кавказ?

Вот уже два месяца Джамалдин лежал больной. Шамиль стеснялся навещать его днем и приходил больше по ночам. Местные знахари разводили руками – неизвестная болезнь, ничего нельзя сделать! Тогда имам послал в Тифлис за русским доктором. Вскоре приехал врач, которого знали по всему Кавказу и называли светилом. Осмотрев больного, он сообщил, что болезнь у молодого человека крайне тяжелая, и возможен самый печальный исход.

В горячечном бреду Джамалдин что-то бормотал по-русски, Шамиль не всегда его понимал, но некоторые слова звучали отчетливо: «Ах ты, заря, заря северная, зорюшка моя». А чаще всего звучало: Ольга, Олюшка. И за часы ночного бдения у постели больного сына Шамилю пришлось не раз слышать это. Он смотрел на него с жалостью. И теперь, когда

Джамалдину слегка полегчало, Шамиль решил сам начать разговор и снять тяжкий груз с его сердца:

– Наша вера позволяет иметь нескольких жен. Сын, ты долго жил в России, и, возможно, оставил там кого-то, о ком не можешь забыть. Если так – что ж, если она тебе по нраву – женись.

– Даже если она христианка?

– Пусть христианка. Обратить в ислам человека другой веры – богоугодное дело.

– И для того ты столько лет ведешь войну с русскими, чтобы взять в снохи их дочь? – горько усмехнулся Джамалдин, и бледное лицо его перекошилось, как от боли.

– Если Аллаху так угодно...

– Но... твои люди, они не поймут.

– Да что люди, им что скажешь, то и сделают.

– Отец... как можно так говорить?..

Шамиль взглянул на сына, и во взгляде его было разочарование. Как много надежд он возлагал на этого мальчика. Чтобы горцы подчинялись, они должны считаться с тобой. А считаются они с тем, кто находится в отдалении. Вот Джамалдин как раз был таким. Вырос на чужбине, характера и привычек его никто толком не знает. Конечно же, Казий-Магома не чета Джамалдину, его всякий знает, как свою папаху.

Не хотелось бы Шамилю сравнивать своих сыновей, но сейчас его пронзает горькая мысль: будь с ним рядом Джамалдин, когда он попытался снять с себя обязанности имама, все могло обернуться иначе. Тот день он не забудет никогда.

То ли желая испытать своих мюридов, то ли в самом деле чувствуя груз прожитых лет, Шамиль собрал всех, кто заслуживал уважения в Чечне и Дагестане.

– Почтенные мои земляки, братья, опора моей жизни! Вы, которые все эти годы были в седле рядом со мной и обнажали свои клинки во имя нашей свободы и святой веры! Я собрал вас сегодня для совета. Отаре и той нужен вожак. Вы знаете, все эти годы я шел впереди вас, не щадя своих сил и самой жизни. Но годы мои уже не те. Забот не убавляется, а силы мои убывают. Вам нужен новый предводитель, имам, который будет так же беззаветно исполнять священный долг имама. Если спросите меня, то отвечу: думаю, мой сын Казий-Магома мог бы стать достойным преемником, верным долгу имама, неутомимым воином.

Сход собрался на берегу озера. После слов имама здесь поднялся такой гвалт, такое волнение в толпе, что, казалось, на зеркальной озерной глади вздыбились волны. Шамиль молча смотрел на все это и казался растерянным, возможно, он уже жалел о сказанном. Он шурился, как делал всегда, когда напряженно думал, и левая рука на рукояти кинжала слегка подрагивала.

Первым выскочил в круг Кебит и выкрикнул:

– Здравия желаем Магоме, новому имаму, ниспосланному нам Аллахом!

– Пусть достоин будет отца!

– Поклонимся новому имаму!

Казий-Магома стоял, красный от смущения, не смея взглянуть на отца. Слегка прихрамывая, вышел в круг Хаджи-Мурат. Этот невысокий жилистый человек умел заставить себя слушать, не повышая голос. Но он славен был и тем, что мог вмиг вспыхнуть, и от его спокойствия не оставалось и следа.

– То, о чем мы сейчас ведем речь – это вам не шапку сорвать, – начал Хаджи-Мурат. – Не вижу никакой надобности нам сейчас менять имама. Русские пляшут у наших порогов, война в разгаре, а мы выбираем нового имама. Негоже это! Шамиль говорит – устал. А кто из нас не устал?

Шум стих, теперь одобрительный ропот стоял над толпой.

– Долг имама – не посох чабанский, его не передашь кому вздумается, – продолжал Хаджи-Мурат. – Нет, Шамиль, не нужен нам другой имам, даже если это твой сын.

Казий-Магома стоял, расправив могучие плечи, рослый и уверенный в своей силе, глаза его насмешливо глядели на говорящего, и рот слегка перекосялся в ухмылке.

– Звание имама не досталось тебе по рождению, – говорил между тем Хаджи-Мурат, – и ты не можешь решать, кому оно достанется после тебя. – Невероятный шум поднялся после этих слов, но он, казалось, не слышал никого. – Ты должен нести эту ношу, пока можешь сидеть в седле, пока можешь самостоятельно надевать ноговицы и бурку.

– А если он станет совсем стар и немощен? – выкрикнули в толпе.

– Тогда будем решать иначе.

– Как решать, говори!

– Тогда имамом станет тот, у кого кинжал острее!

Горцы поняли теперь, что Шамиль пытается сохранить имамство за своей семьей, а Хаджи-Мурат этому противится. До сумерек спорили собравшиеся. Имамом оставили Шамиля.

Сидя у постели Джамалдина, Шамиль размышлял: Казий-Магому горцы не видят своим имамом, потому что слишком хорошо его знают. А был бы тогда с ним старший сын – он мог прийти им по душе. А почему бы и нет – этот юноша столько лет был в заложниках у русских, выучился там, знает русский язык, и французский тоже, военному искусству обучен.

Джамалдину слегка полегчало, и он мог говорить сейчас, правда, с передышками, слабым голосом:

– Вот ты говоришь, отец... что русские все сплошь лживые, что нельзя верить ни одному их слову... Но они же прислали тебе доктора, чтобы меня лечить? А ведь они враги твои.

– Прислали, потому что хотели задобрить, – холодно ответил Шамиль.
– Нет, отец... ты их совсем не знаешь... Не знаешь, что такое Россия... и в этом твоя ошибка... Ты вправду думаешь, что сможешь победить их?

– Победить, может, и нет, а вот утомить – да. – Он склонил голову и угрюмо помолчал. – Я вот больше двадцати лет в войне с ними, за это время одного царя уморил, и второго уморю, или он меня.

– Не пойму я, отец... чего тебе не хватает? Весь мир тебя знает, твое имя, что ни день, в газетах печатают. Горцы на тебя молятся. Какой славы тебе еще надо?

– Не славы! Я не позволю, чтобы чужая нога ступила на край нашего намазлыка! – Голос Шамиля дрожал. – Не позволю!

Джамалдин, конечно, гордился отцом. Но удручало, что понятия у них с отцом разные. Молодой человек жил в России и знал о ней больше, у него не было сомнений, что Кавказ все равно будет покорен. А если это неизбежно, значит, отец проливает людскую кровь напрасно.

Восхищаясь влиятельностью и мужеством отца, Джамалдин все же жалел его. Его взгляды на жизнь, по мнению сына, узки, как эти ущелья. И Шамиль, в свою очередь, с жалостью думал о сыне: вот, наукам выучился, языки знает, а понимания ни на грош. Не понимает он, в чем смысл борьбы горцев, не знает, что свобода для них сродни воздуху, которым они дышат.

– Ты считаешь себя правым во всем, – продолжал свои откровения Джамалдин, – думаешь, будто делаешь хорошее дело, богоугодное... А ты подумай, сколько народу седлало с тобой коней за эти двадцать лет? Сколько спешилось раньше времени?... Сколько семей, сколько детей ты лишил отцов? Думаешь, на том свете с тебя не спросят за это?... – Джамалдин распялся все больше, чувствуя, что кровь бросается в лицо, в голову. – По свету ходит много людей, сеющих зло... Ты, отец, один из них...

Тут Шамиль вскочил и сорвал висевший на ковре кинжал, рывком достал его из ножен и замахнулся на сына:

– Придержи язык, сын собаки! – Дрожащая рука повисла в воздухе, слезы блеснули в глазах имама. Клинок выпал из руки и со звоном вонзился в глиняный пол, гибко покачиваясь...

Через несколько дней Джамалдин умер.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Зима вступала в свои права. Берега моря замерзли, но дальше вода еще не поддавалась морозам, только потемнела и притихла, словно утомившись от долгой борьбы. Хромовицкий сравнивал море с горами.

Они тоже время от времени поднимались, как волны на море, смерчем проходили по станицам и линиям, а потом разом возвращались в свои аулы, подобно схлынувшей волне, и затихали в ожидании нового шторма.

Но сейчас море сковала стужа. Зима выдалась необычно суровой для этих мест. Правда, силы ее хватило только на неделю, и сейчас уже проглянувшее солнышко растопило тонкий наст на дорогах, превращая его в снежно-грязевое месиво. А по обочинам, на деревьях еще держался снег, но уже ноздрястый, готовый вот-вот потечь. Хромовицкий ехал верхом, ослабив поводья, и закусывал по ходу просяной мажаджей и вяленым мясом. Из-под копыт лошади раздавалось мерное чавканье грязи и мокрого снега. Дорога шла краем моря, то уходя в сторону, то спускаясь до песчаной полосы прибоя.

Вскоре Петр Карлович въехал в маленький адыгский аул. Местные собаки встретили чужака истощенным лаем. Но их тут же отогнал мальчонка, выбежавший из крайнего турлучного домика, крытого камышом. Хромовицкий с жалостью посмотрел на его босые, сизые от холода ноги в струпьях и трещинах. Отломил кусок лепешки и протянул ему, но мальчик замотал головой:

– Не надо чурек! – Он указал пальцем на притороченный к седлу мешочек с порохом и сказал по-своему: – Гын, гын!

При этом он изображал руками ружье и курок. Хромовицкий понял. Он развязал пороховницу и отсыпал ему горсть зарядов на пять. Мальчонка подставил край прохудившейся рубахи, ловко замотал порох в комочек, потом нырнул между ног лошади и трижды поцеловал ее хвост. Светло-голубые глаза его полыхали бесконечным счастьем. Он убежал в свою хижину, и на рыхлом снегу остались отпечатки босых детских ног.

2

Расположившаяся на привале часть собиралась приступить к обеду, когда Евдокимов отдал приказ играть «Генеральский марш». Тут же во всю мочь застучали барабаны. Солдаты вылили содержимое котлов на землю и перевернули их кверху дном: в котлы стучали в самых крайних случаях, и все понимали, что происходит что-то важное. Без лишних слов стали собираться в путь.

Евдокимов, которого горцы окрестили «трехглазым генералом», звонко пощелкивал длинным хлыстом и покрикивал на солдат:

– Ну-ка, солдатусшки мои, поживее! Кто первым догонит разбойника Шмеля, тот от меня табачок получит.

За генералом хвостом вился солдат с большой желтой котомкой, озираясь по сторонам и тоже покрикивая:

– Кто будет первым, тому самосада меру! Пошевеливайся! Шмель уходит! Дело горит!

Дело и вправду было горячее. Осторожный Евдокимов не жалел денег на лазутчиков и доносчиков. Вот и сейчас ему донесли, что Шамиль выдвинулся к Умар-юрту. Он давно пытался отбить у русских этот вольный аул, потому и увез силой ушедших от его власти и поселившихся там «замиренных» туземцев, а сакли их сжег дотла. Теперь до него дошел слух: строптивные горцы хотят снова уйти от него и вернуться в Умар-юрт, чтобы снова возделывать просо и косить сено. И Шамиль немедленно собрался в поход.

Аульчане и вправду сгоняли свой скот в одно стадо, завязывали домашний скарб в узлы и грузили на арбы, а некоторые уже тронулись в путь, когда подоспел Шамиль со своими мюридами.

– Куда это вас понесло, Аллахом проклятые! – грозно крикнул он, привстав на стременах. – Назад!

– Почтенный имам, – выступил вперед Чечен, – у нас жены раньше не знали, как шьется нищенская сума. А теперь наши люди ходят с сумой между Кабардой и Дагестаном, прося милостыню!

– Аллах видит, это так, имам! – поддакнул другой аульчанин, Индрис.

– Куда же вы направляетесь?

– Нам бы спуститься немного в долину, на наши прежние места.

– Там есть, где зерно посеять, а здесь что – камни одни!

– Истинно так, тут не растет ничего!

Жалобам горцев не было конца.

– Выходит, вы хотите селиться рядом с русскими, только чтобы пахать и сеять? – Шамиль прищурил глаз, как делал всегда в минуты ярости. – К русским, а?

– Да что русские, имам! Мы себе место для селища подыскиваем. Лягушка и та хочет, чтобы ее болото глубже было!

Чечен не успел договорить, когда камча Шамиля взвилась в воздух и рассекла ему лицо.

– Придержи язык, лягушачье отродье! Назад!

Мюриды обнажили кинжалы, защелкали плетью, загоняя народ обратно в аул.

– Назад, идемте назад, – кричал Чечен, держась за окровавленную щеку, – вернемся, пока нас свинцом не накормили и кровью не напоили!

– Эх, жаль, поторопились мы, – сказал Габиев, старец, – надо было поступить, как в тот раз.

«Тот раз» горцы пошли на хитрость. Когда Шамиль прислал к ним гонцов с приказом возвращаться в горы, они тайком послали человека в Грозный к Евдокимову с просьбой о заступничестве. «Трехглазый» с двумя полками встал лагерем в пойме реки. Шамиль рвал и метал, требуя, чтобы «мирной» аул исполнил его волю. А те отвечали: мы бы не против, но тут русские стоят лагерем, боимся двинуться с места. Было время косить сено и жать просо. Что ни день, от каждого полка по

батальону направляли горцам на подмогу. Сено собрали, хлеб убрали. Аульчане были спасены.

Но не так прост был Шамиль, чтобы попасться на эту уловку. Спустя время он силой забрал людей из Умар-юрта и сжег аул...

Восседая на прилепившемся к сакле высоком крыльце, невозмутимо наблюдал за происходящим старый хаджи, тот, что дважды совершил паломничество в святую Мекку и Медину. Рядом ним расположился столь же невозмутимый Саадул с неизменной секирой на плече.

– Послушай, Саадул, – заговорил старый хаджи, – раньше я видел Коран на твоём знамени. А с чем теперь ты ходишь?

– Это секира, отец, чтобы головы рубить, – не моргнув глазом, ответил тот.

– Вот как! С чего же такая перемена?

– Посуди сам, отец, раньше имам пытался вразумить народ словом Корана.

– И что, не вышло?

– Не вышло. Значит, придется рубить головы, в которые не проникает слово Аллаха.

– Но ведь это грех, сын мой!

– Отчего же? Сам Пророк Мухаммед сколько голов положил, чтобы ислам донести до народов!

– Мне неведомы пути Пророка, но знаю одно: убивать людей – великий грех.

– Тебе не понять, отец.

– Аллах поймет, сын, мой, и это главное.

Шамиль решил заставить старейшин всех родов поклясться на Коране, что больше не будет нарушена воля имама. Но вот незадача – во всем ауле не нашлось ни одной священной книги.

– Вот оно, смотрите, – громко возмутился Шамиль. – Не это ли говорит о том, что вы снюхались с гяурами и сами стали гяурами?

Наконец Саадул принес завернутую в полотенце книгу и положил ее на трехногий столик. Старейшины по одному подходили и, положив руку на книгу, клялись:

– Именем Аллаха, ниспославшего нам эту священную книгу, от имени рода своего клянусь, что не вернусь более в тот аул, и никто не скажет про меня, будто я снюхался с русскими, и не посмотрю более в сторону своего прежнего жилища.

Так дали клятву все старейшины аула. Стоявшему рядом толмачу Исааку не терпелось взглянуть на книгу, на которой клялись горцы. Уж очень она не похожа была на Коран, великовата. Наконец все закончилось, и он взял сверток со стола и развернул полотенце. «Путеводитель по Юго-России», – глазами прочитал он на обложке. Книга была старая, потрепанная, истертая тысячами рук.

– Имам, – воскликнул он, – это же не Коран, это путевые заметки!
– Да пусть хоть сказки, – ответил Шамиль сквозь зубы, – главное, что они поверили.

3

Кебит давно выделял Расула среди мюридов. Он был гораздо моложе, но успел завоевать внимание и милость имама, особенно после того, как ему в Цинандали удалось захватить в плен княгиню Чавчавадзе.

Мюриды знали: Шамиль благоволит Расулу и часто сравнивает его с Хаджи-Муратом. Он и вправду напоминал его – такой же крепкий, жилистый, кривоногий наездник, неукротимый и бесстрашный в бою. Как и у героя Хаджи-Мурата, правое плечо у молодого горца было опущено вниз, что говорило о готовности стрелять в любую минуту.

Правда, сам Расул таил обиду на имама и даже кое-кому проговорился. Ведь это он приволок пленную княгиню Чавчавадзе, это была его добыча, а Шамиль ее отобрал, сказав, что она нужна для торга с Россией. А ему, Расулу, мало что перепало с той добычи. «Все себе тащит, свое и чужое», – сказал он как-то при людях, и Кебит это услышал. Теперь он убедился, что Расул – именно тот, кто ему нужен. Улучив момент, завел с ним разговор:

– Вот так-то, брат Расул, худо нам придется скоро. Боюсь, что не будет у нас скоро ни имана – веры нашей, ни имама. Не только русские – сами же горцы мечтают от него избавиться. Помнишь, как в прошлый раз навозом его забросали? Из хвоста его лошади люди дергали волосы для амулетов! А теперь – навозом кидают. Пропадем, брат Расул, пропадем!

– Что же нам делать?

– Спасать себя надо, вот что.

– Но как?

– Да ты сам сказал, он все себе да себе, а другим ничего.

– Я давно это говорю! – подскочил Расул.

– погоди, не горячись, сядь и послушай. Сегодня вечером имам опять перевозит свое добро.

– Куда на этот раз?

– Да разве он скажет? Всё трясется над ним, прячет, перепрятывает. Чует, что срок его вышел, вот и бережется, никому не доверяет. Мы вот что сделаем. Соберем с пять десятков надежных парней и встретим его на той дороге, по которой он последует со своим скарбом. А там Аллах дорогу укажет...

– Как бы нам этот трехглазый кабан не помешал! – проворчал Шамиль. – Ходит по пятам, чтоб ему пусто было! Только позавчера

оставил его в Дульском ауле, а сегодня он уже здесь, чтоб ему пулю в лоб получить!

Перевозить имущество Шамиля доверялось Кебиту, и имам повернулся к нему:

– Кебит, ты пока раз повернешься, трехглазый трижды дойти успеет.

– Мой имам, книг больно уж много, позволь часть оставить здесь.

– О чем ты говоришь! – возмутился имам. – У меня теперь одна радость – книги.

– Твоя воля, имам, ни одной буквы не оставлю.

В ущелье собиралось ненастье. Прилетевший издалека ветер свистел, куролесил, потом вдруг стихал и залегал в отрогах, словно утомившись от долгой возни.

– Похоже, погода портится, – сказал Шамиль и, сложа руки на груди, добавил: – Да хранит нас Аллах. В путь!

Караван тронулся. Лошади, ослы, мулы везли на себе бесчисленные грузы. Около тридцати лошадей были гружены оружием, золотом, серебром и прочими ценностями. Еще с десяток лошадей и ослов тащили на себе тюки тканей, ковры. На семи лошадях везли книги имама. И на десяти мулах и ослах перевозили мебель, тазы, кумганы, посуду. Посреди домашнего скарба с почетом переезжала и любимая кошечка имама, которую он звал Сероглазкой. Засиживаясь допоздна, он, бывало, чувствовал желание поговорить с кем-нибудь, и тогда рядом оказывалась именно Сероглазка, ей-то можно доверить все что угодно. Иной раз, собираясь выступить в поход или напасть на линию, имам даже совета спрашивал у кошки. Если она смотрела на него весело, моргала или лизала ему руку, это принималось как одобрение.

Это была домашняя кошка, и Шамиль раньше не брал ее с собой при переездах. Но в последние годы, когда так ненадежно вокруг, он возил ее с собой, куда бы ни направлялся. Для нее был шит просторный бархатный хурджин, в котором она могла дремать всю дорогу.

– Живее, живее, – повторял Шамиль время от времени. – Поторопливайтесь, а то настигнет нас проклятый трехглазый кабан, чтоб ему свинца нажраться и кровью запить!

Кто бы мог подумать, что капитан Евдокимов, который был когда-то командиром охранной роты аварских ханов, станет генералом и будет так досаждать Шамилю?

Родился Евдокимов на Кавказе. Сын военного, он хорошо разбирался в тонкостях службы. В армию записался в семнадцать лет. В первые годы ничем особым себя не проявлял, но потом, дослужившись до полковника, затем и до генерала, показал свой талант в полной мере. Подобно Кутузову, а может, подражая ему, научился спать вполглаза. Несомненно, он был умным и хитрым человеком и военным стратегом.

Генерал ходил с неизменным длинным хлыстом и при малейшей провинности мог огреть любого солдата. «Вот твоя цена на сегодня, брат», – говорил он и шел дальше. А вот наказание солдат палками или ударами по пяткам отменил своим приказом, не спрашивая ничего соизволения. Сам мог хлестнуть как следует, а другим не позволял – хватит, мол, моего хлыста. По правде, солдаты его любили.

Евдокимов всегда водил с собой одного солдата с котомкой, полной табака. Сам не курящий, генерал любил угощать солдат: «Ну-ка, отведай моего самосаду, брат!»

Шамиль не мог не думать о Евдокимове. Он многих генералов перевидал за эти годы, кого-то обхитрил, от кого-то улизнул. Вот только с этим ничего поделать не может. То с одного боку подойдет, то с другого появится проклятый «трехглазый кабан». И все же имам надеялся обставить и его.

Незаметно подкрался туман, и так же незаметно, как это всегда бывает в горах, опустилась на землю темная ночь. Лишь подслеповатая луна слегка освещала дорогу.

Горная тропа петляла, караван продвигался медленно, груженные животные ступали осторожно, след в след. Но вот и луна скрылась за облаками, и воцарилась кромешная тьма. Узкая теснина в этом месте делала крен, и двигаться дальше стало еще труднее, едва ли не ощупью. И вдруг раздались выстрелы, в темноте началась невидимая глазу суматоха. «Что происходит?» – встрепенулся Шамиль, но не успел он подумать, как на него набросились, сбили с лошади, и он свалился на голые камни. «Кто посмел поднять на меня руку?» – удивился он, чувствуя, как ему затыкают рот плотным комом шерсти и вяжут по рукам и ногам. От негодования и унижения имам будто лишился сил и даже не попытался противиться.

Нападали со всех сторон – прыгали со скал, выбегали из укрытий. Лица у всех были закрыты белыми башлыками – чтобы никто не смог их узнать, да еще чтобы не перепутать своих с чужими.

Шамиль знал, что в горах промышляют группы разбойников, но эти были не похожи на них.

«Как могли они напасть на меня? Разве осталось в них что-то святое, если они своего имама решили грабить? Пропали совсем горцы, оскудел Кавказ, обесчестился», – горько думал Шамиль, лежа связанным.

Его нашли и развязали Кебит с другими мюридами лишь на рассвете.
– И кошку мою увезли? – только и спросил Шамиль, словно в кошке было все его счастье.

– Увезли, имам.

– Уморят ведь ее, не смогут эти твари за ней ухаживать. – Шамиль сел, осмотрелся вокруг. Все семь лошадей с книгами в тюках стояли нетронутыми. Имам расхохотался: – Ни одной книги не взяли!

– Не взяли, имам, – с охотой отозвался Кебит. – Побоялись, видно, слово Аллаха трогать.

– О чем ты, – продолжая смеяться, махнул рукой Шамиль. – Не нужны им книги, вот и все. А нужны были бы – они не то что слово – самого Аллаха украли бы, поверь мне.

– Твоя правда, имам, ни имана, ни чести не осталось у собак! – согласно закивал Кебит, всем своим видом показывая: попадись ему сейчас эти разбойники, он бы с них три шкуры спустил, на куски порезал.

– На след напали?

– Какой след, имам? Сверху скалы, снизу скалы, здесь конские копыта не оставляют следов.

Шамиль продолжал сидеть, задрав голову вверх и, придерживая рукой свой сарык, провожал глазами одинокого журавля. Он метался в небе, издавая истошные крики.

– Бедняга, отстал, видно, от стаи, а может, свои же и изгнали. И куда ему теперь деваться?

Бледное от стужи небо было равнодушно к просьбам курлычащего журавля о помощи, равнодушна была и земля. Шамиль невольно сравнивал себя с этой птицей – отставшей, брошенной и изгнанной. Он устал, крылья едва держат. И жить, похоже, устал. Да и зачем жить, если осталась одна доля – одиночество. Был вожаком стаи – стал одиноким журавлем. Ладно бы бывшему вожаку хотя бы в хвост стаи пристроиться, так нет же – один остался.

Тяжелые мысли гнули к земле. Тут из-за камня раздалось знакомое мяуканье, и появилась кошка. Узнав Шамиля, она радостно подбежала к нему и стала тереться о его ноги.

– Нашла! Где же ты пропадала? Видишь, Сероглазка, что они с твоим имамом сделали? Мало, значит, я их вешал, мало! Надо было больше голов вешать да рубить, чтобы боялись не то что меня – тени моей, чтобы от одного имени моего кровью харкали!

– Мало рубил, имам, мало! – с готовностью поддакивал Кебит, суетясь вокруг Шамиля. – Где страха нет, там и чести нет! Перестрелять бы их, как диких свиней, свиней пропустить и их пострелять!

Шамиль был не из тех, кого можно утешить подобным образом, и Кебит осекся, поняв, что в излишнем усердии сейчас толку мало. Из сопровождавших караван несколько человек исчезли, и Шамиль понял, что они были заодно с грабителями.

Собрав остатки вещей, оброненных при налете, двинулись дальше, благо имаму оставили его лошадь. Шамиль не глядел с любовью, как раньше, на горы, доли, едва видневшиеся у изножья рощицы. Напротив, все окружающее казалось ему теперь постылым и враждебным. Начался подъем по узкой тропе, один неверный шаг мог стать последним. Шамиль бросил поводья, вверив коню и дороге, и саму жизнь свою.

Наконец подъем остался позади. Начался спуск. К концу дня подошли к аулу Бур-Буль, прилепившемуся к каменистому склону. Аул был защищен каменной кладкой и башнями. Все постройки из камня, и стояли они на камне.

Ворота в аул охранялись стоявшими с двух сторон дозорными башнями. Каменная стена тянулась влево и вправо от них, вырастая и снижаясь по изрезанной линии местности. Шамиля удивило, что ворота заперты. На стене стояли вооруженные горцы. Когда они приблизились к аулу, со стены раздался окрик:

- Шамиль, поворачивай назад!
 - Это почему же? – крикнул в ответ Кебит.
 - Сход жамаата решил не пускать вас в аул.
 - Дозвольте хоть намаз сделать в вашей мечети.
 - Зачем вам мечеть!
 - Аллах все видит...
 - Видит, видит, убирайтесь прочь!
- Пришлось Шамилю подчиниться.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

– Великий боже, ниспославший нам этот крест, клянусь нынче вот этим крестом и частью его, что предстоит вкусить мне, что буду верен данному слову и не сверну с пути истинного, пока жив буду по воле Бога нашего! – Горец касался пальцем большого креста, вырезанного из дерна и разложенного на куске холста в три аршина шириной поверх нарядного синего ковра, отщипывал кусочек креста и клал на язык.

С четырех концов к священному кресту подходили люди, приносили клятву и отщипывали краешек, чтобы положить его на язык в знак истинности клятвы. Это были моздокские кабардинцы, исповедующие мажусий – язычество.

Чуть поодаль были расстелены на земле еще два ковра, посередине каждого стоял табурет, на нем лежал Коран. Здесь давали клятву верности адыги, принявшие ислам.

– О Аллах Всевышний, создатель земли и воды, я стою перед тобой, ты видишь и слышишь меня, приношу свою клятву на священном Коране в том, что последую твоему завету, буду врагом гяурам, буду биться с ними и поражать их. Именем Аллаха и ниспосланного Им Корана клянусь! – И очередной клал палец на священную книгу.

Мусульман было гораздо больше, чем язычников. И третья группа стояла в сторонке и наблюдала – те, кто отказались приносить клятву.

Третий день проходила адыгская Хаса в Суджук-кале, старой турецкой крепости на земле адыгов. Теперь русские переименовали название в Новороссийск, сюда же включили Цемесский порт. Трудное слово Цемес использовали на русский манер – Мелколесье.

Здесь Эмин и создал Хасу. Для адыгов это испокон веков было место принятия решения и урегулирования споров. Эмин не придумал ничего нового, он позаимствовал это у Шамиля, который у каждого народа создавал свою Махаму – орган управления и разрешения споров.

Хаса собралась на окраине города. Лучшего места было не придумать. С трех сторон поднимались пологие склоны наподобие греческого амфитеатра. А внизу расстелилась живописная долина, в нее длинной полосой врезалось море. По центру долины расположились старейшины и выходцы из адыгских дворян и уорков. Никаких столов и стульев, каждый сидел на своей бурке. Лишь по центру разложили ковер с подушками, вроде турецкой тахты.

Речь держал Эмин. Из уважения к Хасе говорил стоя, хотя звание наиба Шамиля давало ему право чувствовать свое превосходство. Будучи выходцем из второго поколения мюридов имама, он держался достойно. Чрезвычайно живой, стройный и моложавый, с обветренным мужественным лицом прирожденного воина, он славился еще нравом, крутым и упорным. Все знали: если он что задумал – пройдет напролом, и никто его не остановит. Многие адыги уважали его за это, а еще за то, что он вырвал власть из рук спесивых князей и уорков. Впрочем, за то же самое многие его и ненавидели.

Имя Эмин было арабского происхождения и означало «надежный», «правдивый». По крайней мере, такое толкование бытовало среди горцев, и особенно способствовало этому Зачрей. Он изо всех сил старался быть ближе к Эмину, зная твердо: если у Эмина будет пища на столе, то и он не останется голодным. И если раньше он называл его «гостем», то теперь – «шейхом». Для новоявленного «шейха» Зачрей был теперь и толмачом, и защитником, и другом.

Больше всего подкупало горцев уважительное отношение Эмина к людям низкого происхождения – к огу, тхукотлям, слугам. А еще он не требовал, подобно Шамилю, свою долю от добычи во время походов. Делились с ним добровольно, и он принимал дары с благодарностью.

– Говорят, что нужно много чего совершить, чтобы стать истинным мусульманином. Так ведь говорят, да? Клянусь священным именем того, кто прислал меня к вам, – Эмин положил руку на орден султана на груди, – не нужно ничего особенного, чтобы следовать чистой вере. Гяуры вон осеняют себя крестом – и все. А чтобы блюсти ислам, достаточно повторять «ла-Иллаха-иль-Аллах» и делать намаз. Не так ли, братья? Главное – не заставляй своего брата по вере служить тебе, не проливай его кровь! Относись к своему брату мусульманину как до-

брый мусульманин, не попрекай его, не завидуй, не воруй у него. Вот так, братья.

Эмин всегда любил начинать издали и лишней раз блеснуть познаниями. Отказать ему в уме было нельзя, но порой такое славословие могло сослужить ему плохую службу. Вот как сейчас, когда язычники могли ухватиться за его слова. Эмин не заметил, как перешел эту опасную черту.

Первым вступил в разговор Инароко:

– Я язычник, мажусий, но говорю не против мусульман, у меня и в мыслях нет принижать другую веру. Но пока есть на свете корысть, будут и войны. Сам я сколько крови пролил, и неважно, кто был передо мной – мусульманин ли, гяур или мажусий. Пусть я только наполовину мусульманин, надеюсь, Всевышний отпустит мне мои грехи. А вот ты, гость, ответь-ка нам, сколько крови пролил ваш Пророк Мухаммед, чтобы донести ислам до людей?

– Он не мусульманскую кровь проливал! – раздались возмущенные выкрики.

– А чью же? – усмехнулся Инароко.

– Вот таких же мунафиков, как ты!

– Ладно, согласен, – неожиданно сдался Инароко. – Тогда скажите: разве не был вашим единоверцем хромой Теймур?

– Был! – раздались голоса.

– А Тохтамыш – не мусульманин разве?

– Мусульманин! – снова заволновалась Хаса.

– Так почему же эти двое всю жизнь воевали друг с другом?

– Они жили как братья! – попытался кто-то возразить.

– Да, поначалу. А потом стали лютыми врагами, не так ли?

– Говори, Инароко, ты все знаешь, – крикнули с той стороны, где сгрудились язычники.

– Я и скажу. Вот ты, Эмин, пытаешься соблазнить нас исламом, но слова твои – ложь. Если поклоняться, то не единому Аллаху, который нашему народу неведом, а многим богам. Наше племя испокон веков верит в бога кузнечного дела Тлепша, бога земледелия Тхагаледжа, бога скотоводства Амышша, и другим богам, похожим на нас и близким нам. Так что свое мусульманство нам не навязывай, Эмин, играй на другой гармонии.

Инароко был из льхукотлей, но на его счету были героические истории, прославившие его имя на всю Кабарду. В молодости он убил брата за то, что он женился раньше него – а это было страшное унижение. Он покинул свой аул и несколько лет скитался без крыши над головой. Где примут – там дом, где прогонят – там враг. Затем приткнулся к одному старому князю. Жил у него в ауле долго время, ходил в походы и всегда возвращался с богатой добычей, всем на зависть. Был Инароко уже в

годах, но женат никогда не был, все повторял: «Мое счастье сгинуло между ног женщины».

Кроме брата, от его руки пали еще трое мужчин, и у каждого убитого, включая брата, он отрезал правое ухо. Высушенные и нанизанные на нить уши он носил на шее, никогда не прятал, хотя и не хвалился. Правда, когда ел, прикрывал это ожерелье шелковым платком, боясь запачкать – грешно! Он и сам не знал, для чего так делал.

Внешность у Инароко была необычная. За поясом у него неизменно торчали два короткоствольных ружья, для правой и левой руки – обеими руками он владел одинаково. Сам он был коренаст, широкоплеч, горбонос. Его еще называли «двуусым»: длинные, мохнатые волосы из ноздрей торчали, как второй слой усов. Такие же волосы торчали из его ушей. Еще более устрашающий вид придавали ему красные, налитые кровью глаза.

– Говорят, Шамиль обещал посадить всех на один намазлык? – продолжал Инароко. – Не выйдет. Сам Пророк не смог этого, что уж говорить о каком-то Шамиле.

– Не говори так о великом человеке! – выскочил вперед Зачрей.

– Для тебя, может, и великий, а для нас – нет.

Казалось, воздух дрожал от напряжения. Эмин не ожидал такого резкого поворота. Свободолюбивые адыги не желали подчиняться никому, тем более невесть откуда явившемуся гостю, который к тому же хочет им указывать, какому богу молиться.

– Мы многобожники, – гудел над толпой бас Инароко, – не нужен нам Аллах, нам нужны наши боги, которые знают нас, а мы их знаем!

– Остынь, Инароко, прошу тебя, – пытался урезонить его Эмин. Он должен идти к цели мирными путями, иначе горцы сами найдут повод для смуты. Вряд ли многое удалось бы сегодня Эмину, если бы не человек, сидевший на своем арджене безучастно, словно не замечая происходящего. Уткнувшись носом в Коран, он читал суры, беззвучно шевеля губами.

Даут-Бей давно жил среди горцев, хорошо изучил их нравы и знал наверняка: они с большим почтением слушают то, что произносится на чужом языке. Арабский же язык они считали языком Всевышнего, а потому владеющего им уважали больше своих сородичей. Думая об этом, Даут-Бей часто вспоминал соломонову мудрость: «Нет пророка в своем отечестве».

– Брат мой Инароко, – Даут-Бей отложил Коран на лежавшую рядом бархатную подушечку и поднялся, – слава о мужестве твоём ходит между небом и землей. Даже если скажут, что сам Аллах обладает большим мужеством, чем ты...

– Я убью того, кто говорит, с Аллахом в придачу! – резко перебил его Инароко.

– Никто не сомневается в твоих достоинствах, сын Инароко, – так же степенно продолжал Даут-Бей, – только нам сейчас полезнее было бы послушать рассказ посланца Шамиля, человека, которого призвали во дворец султана и имели с ним беседу. Послушаем же, как принимали его у султана, о чем с ним говорили. Согласны?

– Согласны! – ответили собравшиеся.

– Вот и я горю желанием услышать эту правдивую историю. И от имени старших прошу Эмина порадовать нас своим рассказом.

– Я и хотел рассказать, – сказал Эмин, – но ведь не дают слово вставить, – он кивнул в сторону Инароко. Тот ходил кругами, страшно недовольный, поигрывая третьим обрезом, вытянутым из-за голенища сапога, и перекидывая его из руки в руку.

– Говори, Эмин, – повторил Даут-Бей, – только покороче. Аркан хорош длинный, а слово – короткое.

Люди засмеялись, воздух немного разрядился. Эмин поднял руку, все стихли и приготвилились слушать.

– Когда я прибыл в Стамбул, – начал он, – султан Абдул-Межид был на охоте. Услышав о моем приезде, он прервал охоту и вернулся во дворец. Вот какое уважение питает к вам великий султан.

– Врет, сукин сын, – тихо сказал Зан сидевшему рядом Барзаджу. – Так султан и прервет свою охоту ради него!

Зан был прав, султан находился во дворце в день прибытия Эмина. Но это лукавство должно было помочь Эмину перетянуть горцев на сторону Турции.

– Рассказывать обо всем, что говорил мне султан и что я ему говорил, – понадобится много времени. Скажу одним словом: чтобы поддержать нас, горцев, в нашей праведной войне, султан готов вступить в войну с Россией. – Эмин замолчал ненадолго, затем продолжал с чувством: – Мы с вами понимаем: эта война – последняя наша надежда. А что хотел передать вам султан – он написал в фирмане, и Зачрей был при этом. У меня не такой уж красивый голос, потому попрошу его прочитать письмо султана.

У Зачрея и вправду был хороший голос, как у Шоры Ногма. Но если Шоре он был дан от рождения, то Зачрей, как он признавался, сам «выковал» свой голос.

Письмо Абдул-Межида отличалось от тех, что писали прежде турецкие султаны, вроде: «Наши отборные войска не вмещаются между небом и землей, ветер от них сносит врагов, как пожухлые лопухи, как увядшие лепестки». Не было больше цветистых фраз, привычных для восточного письма. Абдул-Межид брал пример с европейских монархов и пытался подражать им во всем.

«Всем горцам, что слышат меня! Братья мои! – Зачрей читал, сам получая удовольствие от звуков своего голоса. – Аллах свидетель, я не

желаю этой войны. Но я обязан пойти на это, чтобы сберечь нашу с вами веру, ваши законы, вашу и свою честь. Я призываю вас, братья: все, кто может, седлайте коней! Россия собрала под свои знамена всех гяуров, она хочет владычества над половиной мира. Ей мало чужих земель, уже захваченных. Знайте, братья, мы не одни в этой борьбе за веру и за свою землю. Англия и Франция готовы выставить вдвое больше кораблей, чем выставяю я. Так что, в самое ближайшее время придут к вам тринадцать тысяч воинов турецких, столько же французских и английских солдат. Все эти силы будут брошены на то, чтобы разрушить форты и крепости, построенные русскими вдоль берегов Черного моря, и освободить горцев. Питаю надежду, что и вы, горцы, не пожалеете своих сил. Седлайте коней, братья!»

Читая фирман султана, Зачрей держал его высоко, и на ветру колыхалась украшавшая гербовую бумагу золотая тесьма, щекоча лицо читающего. Раньше, говорили, во время чтения фирмана султана горцы падали ниц. А теперь слушали спокойно, даже безразлично, мало ожидая от этого послания.

Когда Зачрей закончил читать, время шло к полудню. Эмин достал из кармана золотые часы, подарок султана, и, красуясь перед людьми, долго держал перед глазами. Потом захлопнул и объявил:

– Самое время намаза.

2

Сидя на бархатном намазлыке, Эмин делал намаз. Однако он мало вникал в смысл молитв, которые шептали его губы. Он думал об этом народе, адыгах, среди которых он оказался волей Аллаха и султана. Трудные это люди, тяжелые на подъем, думал Эмин. Хорошо иметь дело с теми, кто загорается мигом и хватается за кинжал, а уже потом думает, для чего обнажил клинок. С такими легко, их ведешь, куда захочешь. А эти...

Эмин был уверен, что адыгов сбивают с пути истинного их же князья и уорки. Больше всего винил он в этом Тлостанбека Болатоко. Конечно, в уме и упорстве ему не откажешь. И с людьми всегда найдет общий язык. Недаром русские заприметили его и предложили служить у них в звании майора, и жалованье приличное давали, да он отказался и от денег, и от службы. Тогда приказом императора дали чин подполковника, а потом добавили еще флигель-адъютанта, даже в Петербург предлагали переехать. Но, что бы ни сулили ему русские, Тлостанбек предпочел остаться в своем ауле со своими людьми.

С первых дней после приезда Эмин выделил Тлостанбека, понял, как веско его слово для горцев, и решил любым путем сблизиться с ним и, если удастся, подчинить себе. Но не таков был этот человек, чтобы жить по чужой указке. Он сразу понял, к чему клонит гость.

Тогда Эмин решил идти другим путем. Он уже не так молод, но вполне крепок и пригож, так почему бы не посвататься к дочери Тлостанбека? Породнившись с ним, можно будет «посадить его в свой кисет». Но то же самое думал Тлостанбек, отдавая за Эмина свою дочь.

Только ничего хорошего из этого не вышло. Ни Эмин не сумел Тлостанбека «посадить в кисет», ни Тлостанбек Эмина. Так и продолжалось: оба недолюбливали друг друга и не упускали случая сцепиться, оба тянули в разные стороны, как два строптивых быка в одной упряжке. А страдала между ними дочь Болатоко.

Здесь, на Хасе, Тлостанбек с приближенными держался особняком. Эмин знал, что он непременно скажет свое слово, и не просто скажет, а будет с ним, Эмином, пререкаться. А молчит до сих пор потому, что готовит свой порох.

Между теми, что устроились для намаза, кто на бурке, кто на подседельном потнике, расхаживал лохматый Инароко, мешая всем и перекидывая обрез из руки в руку. Молящиеся настороженно поглядывали на этого безбожника, который так и норвил задеть кого-нибудь и посмеяться. То и дело его басистый издевательский смешок раздавался над головами сидящих на намазлыках:

– И чего вы столько кланяетесь, кому? Вы уже всю землю лбами утопали. Тоже мне бог! Вот мне мои боги никаких условий не ставят, вспомню их раза два в год – и довольно с них. А вы – вы пять раз на дню лбами землю чешете! И кому столько кланяетесь – Аллаху своему? Да если он сам спустится на землю, я и тогда перед ним не склонюсь, Мазитха – бог леса мне свидетель, Шибле – бог грома!..

Горцы не отвечали на его глупые придирки, знали: Инароко ищет к чему прицепиться. Но это было не совсем так. Он просто искал истину. Так он думал. Все знали про его необузданный, грубый нрав, и потому предпочитали с ним не связываться. Недаром же держит на виду свое «ожерелье» из человеческих ушей, ему ничего не стоит добавить к ним еще несколько «бусин». От него ожидали чего угодно, но не того, что он сделал сейчас.

Проходя мимо Эмина, он вдруг присел на корточки и громко сказал:

– Вот ты – какому Аллаху ты молишься? Да ты ему давно надоел! Или сам возомнил себя Аллахом? Чего ты тут куролесишь, народ будоражишь? Людям от тебя и тебе подобных житья нет!

Эмин продолжал молиться, не отвечая Инароко.

– Думаешь, не помним, как ты к нам в рваных гоншарыках пришел? А теперь вон, в атласе и бархате ходишь. Что ты ищешь у нас, чего хочешь?

– Инароко, я пришел к вам от Шамиля, прошу тебя, из уважения к его имени, прекрати, – ответил, наконец, Эмин, прервав намаз. Ему было уже не до молитвы. Он боялся, что дело может дойти до кинжалов, и

сдерживался изо всех сил. По одному его взгляду мюриды готовы были сложить буяна пополам, но тогда поднялась бы настоящая резня, а в планы Эмина это не входило.

– Ты все твердишь: Шамиль да Шамиль. Что ж, я преклоняюсь перед ним, но одно мне скажи: что хорошего он сделал для нас, горцев? Какую пользу принес? Два с лишним десятка лет с русскими цапается, а толку все нет.

Эмин продолжал сидеть на бархатном намазлыке, подогнув ноги, и думал о том, как уйти от этой опасной перепалки. Придав лицу дружелюбное выражение, он сказал:

– Это долгий разговор, Инароко. Одно скажу: если Шамиль и цапается с кем-то, то только ради тебя, ради меня.

– Но цена слишком высока, Эмин, крови слишком много! Вот я всего четверых людей за всю жизнь убил, а их тени меня день и ночь преследуют! Люди забыли, как косы и серпы держать, все больше к шашкам привыкают.

– А чтобы косы и серпы держать, надо уметь и с шашкой управляться. – Эмин встал. – Меня прислал сюда Шамиль, ясно тебе? Шамиль. По пути нам или нет – тебе решать. Одно знай: встанешь на моем пути – тогда берегись.

Едва Эмин сошел со своего коврика, Инароко бросился на него с кинжалом, но мюриды были настороже. Они заломили ему руки и прикрикнули:

– Не наступай на намазлык, скотина, на нем сам Эмин сидел!

3

Море в Цемесской бухте, острым клином вонзавшейся в землю, было темно-синим у берега, и чем дальше, тем бледнее оно становилось, пока совсем не размывалось на горизонте, где смешивались краски моря и неба.

В долине Мелколесья становилось все многолюднее. Теперь прибыли и адыги из Анапы. Хаса продолжалась, и обстановка с каждым часом накалялась. Речь держал Тлостанбек. Все ждали этого с нетерпением, зная, что слово Болатоко, умного и решительного мужчины, немало решает на сходе. Многие сравнивали его с мудрецом Жабаги Казаноко, так складно и внятно он говорил, пересыпая свою речь пословицами и поговорками. Был он настолько худой, будто высушенный до костей. Оружия при себе не носил, объясняя словами того же Жабаги: «Дурака обхожу стороной, умный сам меня обходит». Но при этом добавлял и свою мудрость: «Чего голова не сделает – руки не ухватят». Земляки поговаривали, то ли в шутку, то ли насмешки ради, что оружие он не носит лишь потому, что его вешать некуда, поясница может надломить-

ся. «И куда пища девается, – удивлялись люди, – если он вообще ест». А недруги прозвали его «Тошей кишкой».

Зато глаза его глядели на людей открыто, с добротой. А в минуты гнева эти же глаза начинали метать искры.

– Видно, бог прогневался на нас, а может, возлюбил так, что оказались мы между молотом и наковальной, между Россией и Турцией. И остается нам один выход: выбирать, в какую сторону качнуться, чтобы удар смягчить, – в сторону русских или турок. По мне, нам выгоднее взять сторону русских. Наши с ними поля на одной меже, куда денешься.

– А почему не с турками? – раздался выкрик.

– А Турция далеко от нас, море между нами.

– А как же вера?

– По мне, честь дороже, чем вера.

– Постой, а почему нельзя оставаться свободными, жить по своим законам, а не чужим? – подал голос Барзадж.

– Нельзя, Барзадж, потому как нам далеко до своего государства. Сам погляди: мы – не железо и не соль. Каждый сам по себе, кто в седло – кто из седла.

– Ну и пусть каждый сам по себе! Мы адыги, и должны оставаться адыгами. И сохраним себя, если будем все заодно! Говорят же, в лихой час все бжедуги братья!

– Вот оно! – вскочил Тлостанбек. – Вот что нас губит. Надо беды ждать, чтобы быть заодно. Да и то еще как сказать.

Хаса гудела, но никак не могла прийти к единому решению. А главным сейчас было одно: каким путем пойти, в какую сторону лицом повернуться? С кем быть – с тем, кто на одной меже с нами, или с тем, кто манит нас из-за моря? Быть единым народом и бороться за свою свободу, или... Вот «или» было очень много, и над этим вот уже который день ломали голову собравшиеся на Хасу.

Горцы видели бесчинства, творимые русскими на Кавказе ежедневно, и это еще больше обостряло их обиду и злость. Не было народа на Кавказе, с которым Россия не была бы в состоянии войны, кроме осетин и кабардинцев.

– Сами по себе, свободными! – продолжал кричать Барзадж, не жалея глотки.

– Ничего не выйдет, – возражал Тлостанбек. – Русские уже рядом живут, наши женщины друг у друга сито одалживают.

– Выйдет, еще как выйдет! – горячился Барзадж, и многие поддерживали его одобрительным гулом. – Нельзя отступить. Шаг вперед – русского зарубить, шаг назад – турка заколоть, вот как надо!

– Если орел часто бьет крылом – крыло ломается, Барзадж, – сдержанно ответил Тлостанбек.

– Нас бьют – и мы бьем!

– Это не выход.

– Где же выход, скажи!

Тлостанбек встал:

– Вы все знаете, что я был в Бытырбухе. И знаете, что есть там полк охраны царя, где служат наши парни, из адыгов. Я встречался с ними. И встречался с земляком нашим, большим ученым Шорой Ногма, он там живет. Спрашивал я у него, что нам делать. Есть ли у нас выход. Он и ответил: «Выход у нас один: сдать России. Если хотим сохранить себя – придется уступить».

Хаса слушала Тлостанбека, не дыша. А тот продолжал:

– Подарил мне свою книгу и подписал на память, это – «История адыгейского народа»...

– Э-э, разговоры все это, – вновь поднял голос Инароко, – два адыга никогда не договорятся!

– Бахвальство и самонадеянность нас погубят! – повысил голос и Тлостанбек. – Надо знать, на что у тебя сил хватит. Те, с кем ты воевать хочешь, шапками нас закидают и задавят.

– Или утопят, если выльют по миске воды, – попытался кто-то пошутить.

Смех поднялся над Хасой, немного разрядив накалившийся воздух. Гомон не утихал, хотя говорящий пытался урезонить развеселившихся людей. Но вот грянул одиночный выстрел, и все разом стихло. Стрелял из своего ержиба бейголь Сафара. Его арба стояла чуть в стороне, рядом невозмутимо жевали жвачку распряженные волю. На арбе, по обыкновению, возлежал необъятной тушей Сафар. До сих пор он не вставил ни звука в спор, что немало удивляло народ. Ведь никто не сомневался, что в нужный момент Сафар скажет свое веское слово.

– В этом стаде есть и наша овца, дайте и нам свистнуть! – подал он голос, тяжело слезая с арбы. – Вы тут много чего затеваете, и над всем этим придется голову поломать.

Этот горец был известен неприятием всего русского. И считал врагом любого, кто хоть самую малость примирился с врагами. Князь Асланджерий был его зятем, и тот именно по наущению тестя спалил когда-то загоны Тлостанбека Болатоко и угнал его скот. В другой раз он удивил даже бывалых аульчан. Случилось это давно. Сафар отделился от отца и жил в другом ауле. Как-то решил он проведать родных. Отца не оказалось дома, он был в Бжедугкале, на новый манер прозванный Екатеринодаром. Войдя в дом, он увидел только что сложенную русскую печь. Сафар пришел в ярость и бросился на постройку, царапая ее ногтями. Потом заметил в углу топор и, схватив его, начал крушить печь с криками: «Совсем русскими решили заделаться? Вот вам, вот вам!» Домочадцы стояли рядом, испуганные, не смея мешать старшему из сыновей. Пыль стояла в доме столбом, кирпичи летели из окна.

Сбежались соседи, потом прибежали и те, кто жил подальше, и стали наперебой подзадоривать Сафара: «Давай, Сафар, не жалей сил, ломай, круши!» Было ли это одобрением, или над ним смеялись – вышедшему из себя мужчине было все равно.

Никто не мог сказать, откуда бралась у него столь жгучая ненависть к русским и всему, что от них исходит. К истовым мусульманам отнестись было трудно, и в мечеть ходил через раз. И хадж не совершал, и арабскому языку не выучился. Но всего чуждого сторонился, особенно того, что отдавало русским духом. Злые языки говорили, будто он переменялся после того, как побывал в Бжедугкале в публичном доме, там заразился какой-то дурной болезнью, потому и жиром заплывать стал...

Расправившись с печью, Сафар вышел на порог, весь в грязи и пыли, и сел на пороге. Тут подоспел аульский эфенди:

– В тебе есть настоящий иман, Сафар, – одобрил эфенди, глядя на учиненную разруху. – Да снизойдет на тебя милость Аллаха, ты рожден настоящим мужчиной.

Тот кивнул.

– Только... одной печью тут не обойдется. Что же, ты так и оставишь то, что на огороде твоего отца растет?

– О чем ты, эфенди?

– О капусте. Вот так и бывает, начинают с капусты, а заканчивают свининой.

И вправду, на огороде красовались белые, налитые спелостью кочаны.

– А я их и не заметил, – сказал Сафар. Выхватил кинжал, бросился за невысокую ограду и стал рубить, крошить, топтать ногами кочаны. – Гяурская еда, от одного ее запаха тошнит!

Кто-то из зевак не удержался и съязвил:

– Эй, Сафар, а какой запах был в публичном доме в Бжедугкале?

Сафар запустил кинжалом в сторону шутника, но не попал, клинок вонзился в деревянный столб, на который крепился плетень. В это время вернулся его отец. Добрые соседи быстро объяснили ему, что происходит. Отец, даже не глянув в сторону сына, только и сказал:

– Дурак всегда найдет, за что зацепиться, – и зашел в дом...

– Меня тошнит от всего, что я здесь слышу, – высоким голосом прокричал Сафар. Он стоял перед Болатоко, расставив толстые ноги так широко, что между ними проскочил бы упитанный валух. – Ты что же нам тут поешь, Тлостанбек? Нас тут и шапками закидают, и не люди мы, и не соль, и не медь, и не государство. У вас что, у всех, разум отшибло? Кто мы? Мы – народ, у нас своя честь, своя гордость, свое мужество, своя черкеска, своя шашка! Ты на что же, Тлостанбек Болатоко, нас подбиваешь? На то, чтобы мы жили, трясясь от страха перед пришлыми?! Говоришь, не одолеть нам врага? Не одолеем, так измотаем. Когда-нибудь да утомятся.

– Что ни шаг – новый труп, – возразил Тлостанбек, – с этой войной нас все меньше и меньше, пропадем совсем!

– Правду он говорит! – поддержали его из толпы.

– Мы не успеваем кровь с шашек стереть!

– Разве, кроме войны, других дел нет?

– Дайте гостю слово!

Поднялся Даут-Бей, который сидел среди старших горцев. Это был округлого вида низкорослый, тонконогий мужчина. Его сородичи, которых ранее приходилось видеть горцам, были все как на подбор крепкими, рослыми. А этот неприметный. Отличал его от простых горцев разве что большой сарык и солидный черный кинжал.

– Слушаю я вас, – начал он, протягивая вперед короткие руки, – и сравниваю с английской палатой лордов. Там тоже в верхней палате заседают солидные, уважаемые люди, вроде ваших князей. Есть и нижняя палата, в которую выбирают людей из народа. И там, и там лорды говорят все, что думают, спорят, ссорятся. Что примет нижняя палата – не принимает верхняя, что верхняя скажет – то ломает нижняя. Вот и вы так же. Спорите и ссоритесь, а время идет. А думать надо о том, что весь мир сейчас готов прийти вам на помощь.

Даут-Бей замолчал и обвел глазами Хасу.

– Враг пришел в дом и творит в ваших семьях что пожелает, подчиняет своей воле, своим порядкам. Никто не может судить вас за то, что вы защищаете свою землю, свои семьи. Не вы пришли к русским с мечом, а они к вам. На коней, братья! Вот, глядите, – Даут-Бей указал рукой в сторону моря, – к вам на подмогу спешат англичане, французы, ваши братья по вере турки!

В Цемесскую бухту входили военные корабли англо-французской эскадры.

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

Баллада о юности

*Посвящается Х. Б. Тенгееву,
другу моего детства*

Тогда зенит был жарче и белей,
И в старых лужах сквера мокли жабы.
Мы не любили их и голубей,
Как кот Дефект, что жил за гаражами.

Не признавали мы Пикассо композиций,
И в ночь на чердаках, где сох помет,
Тела ослепшей, разжиревшей птицы
Мы палками наотмашь били. Влёт.

В беседке у барачков обветшалых
Мы собирались, чтоб пустить бутылку по кругу.
Мы знали только собственную жалость,
Похожую на камень, лёгший в руку.

Мы пели песни про штрафные роты,
Любили девушек в подъездах гулких –
Сквозных дворов улыбочивые лорды
И короли вечерних переулков.

Но выхолощивались площади дождями –
Непобедима жизнь, как жабы трели.
И разбрелись мы, скорбные умами, –
Ушедших дней немые менестрели.

Забыв подъезд и коньяка глоток,
Проходят женщины – укутаны песцами,
Выгуливая английские пальто
С холеными породистыми псами.

Нас нет! Как статуй теоретикам картавым,
Но в судный день не смогут дать ответ,
Не купят нас крест, полумесяц, лавры...
На что нам, скорбным, пальмовая ветвь.

Которую ночь меня будят птицы
Граем и хохотом. За провалом окна
Визжит чёрный ветер. Что ж им не спиться
В мире пустом без неба и дна?

Которую ночь меня будят птицы.
Вороны не знают, как грешна моя мысль.
Их хриплый зов: «Время молиться!»
Пронзает, карябает тёмную высь.

И пусть она безразлична, полога,
И чую я жар преисподней лицом,
Но слышу я крик странных вестников Бога,
Я, может, ещё не покинут Творцом.

Воспоминание о 80-х. Мы ехали в небо

1

Мы в небо ехали над поймой синих глыб,
Чихал и кашлял наш охрипший «Запорожец».
Вниз мрачно глядя, вертикаль скалы
Водитель Саня матом крыл и корчил рожи.

И поднебесно-рыжий Булунгу
Лежал, как мёдом истекавший воск.
Был ряб и плавлен прохиндей-завклуб,
И лаял в небо поднебесный пёс.

2

...В щелястом зале застывали лица-фрески,
Крутилось видео: ушу – народу!
Им вспоминались воины. Их предки.
И, улыбаясь, они пили водку, как дети – воду.

3

Над родиной Кайсына реял свет,
Кружились звёзды, бились камни на Чегеме.
И эти звёзды яковод по кличке Швец
Утаптывал в ухабы, словно щебень.

И пели травы в каменной пыли!
Нас угощали турьим мясом, тёплым хлебом.
Дорогой вниз делили мы рубли
И вспоминали – как ехали мы в небо.

Рвёт молния слои чернённые фольги.
На вдохе – блики сквозь разомкнутые веки:
Лучи. И ливень. Травы. Камни. Идут снега.
Друзья. Любимая. Дорога... И ни зги.
...В Стикс падают земные реки.
Как все, я сгинул – не закончив вдоха.

Вторая баллада о жизни

*Памяти М. З. Малкондуева,
моего любимого дяди,
мудреца, воина и человека*

Розовый корень у старой хрычёвки в травном ряду
Я покупал для человека, что ждал своей смерти...
Воняло прополисом – рядом сдыхали в меду
Осы с позёмкой заблудшего красного перца.

Солнцем вечера залит базар –
 У венца застывающий бражник.
С шифера крыш срывается ветер –
 Шершавый и жаркий,
Чтоб влагу слизнуть на лице.

Что-то орут в перепревшую высь вспотевшие спины,
Что-то гудит, от плевков высыхая, клетчатый люк.
Поют о любви – о любви! – ляжки в лосинах
Накрашенных дур-малолеток и крашенных шлюх.

Губами прозрачными нежно припали духи заката
К прилавкам мясным – здесь стынет замытая кровь, –
Под чешуёй поблекшей косога плаката,
Где радостный парень свежует довольных коров.

...Вспять – в след белый шагну.
Пройду меж нищих под арку...
Сквер пропах аммиаком, и склерозный нем лист...
Он не умер сегодня и щипал санитарку,
В тазик желтый эмалевый харкая слизь.

Скала и небо сотканы из света,
Из тел и крови тлелых – дёрн степей.
И в марте с чёрных яблоневых веток
Лучи вбивает в чернозём капель.

Земля пахучая и жирная прошита
Волокнами корней. Взлетает за черту
Трава – как высеченная из гранита,
Искра на ледяном ветру.

Жизнь жадно из промокших комьев праха
Сосёт взхлёт медлительную мглу,
И лепестков парящих мака ломкий бархат
Под алчный пласт вворачивает плуг.

Жизнь такова! Кипит и киснет барда
В слоях осклизлых безразличных глин,
И, морща лбы, старательные барды
Бренчат струной облезлых мандолин.

Фуга времени

Тот, кто ждал ломкой трещины в чёрной радуге неба,
Отшелушивая с губ околешней секунды иглистый иней,
Уже крикнул в зенит – так, что лопнула вена...
Чуть левее трахеи синяя вена!

Огибая влажную сферу ока дебелого голубя,
Вдоль дюралевых культей антенн лёг расплющенный луч,
Чтобы сбить пару листьев и смешать их с осколками
Битых бутылок на отмелях луж.

В вертикальном пике канут остовы листьев
 под плоскости улиц и скверов,
Сетью жил разобьют в снежный спектр лучи...
Гóлы ребра небес – так взрывается ветром
Белый купол цветущей у реки алычи.

Это fuga времен: за черепицею – гор, стакана по кругу,
Биение, гул лепестков распустившихся роз,
Шаг прохожих вдоль стен, и над шелестом луга –
Фуга – крест слюдяной взлетевших стрекоз.

В трещинах чёрного в луч свивается радуга,
Как на вогнутом своде скорлупы, пробитой птенцом...
Ты, кричавший в зенит – то ль от страха, то ль в радости, –
Оботри от снегов и от пыли лицо.

Прощай!

Прости мой бред, похабный и невнятный.
Ударь наотмашь. И мы будем квиты...
Моя любовь – как мокрой лепры пятна,
Тоска артерий о прохладе бритвы.

Музыка ночи

Ночь, звёзды оседали на твой лик,
И шли мы, пьяные, сиреневым проспектом.
Шипя, сжигал падь сахарную лип
Огонь докуренной до фильтра сигареты.

Ночь – леди полуголая! С тобой
Я выпил много «Изабеллы» и печали.
Ласкал, как шлюху, канувши в запой,
В тень затащив киоска «Роспечати».

Я пел и сгинул... Нежданно и для всех.
Набрал на вдохе солнца чёрного и грязь
И подавился. Безъязыкий смех
Мне одолжила голодная неясность.

На перекрёстке шестикрылый нетопырь
Обрезком арматуры выбил зубы,
Прогрыз грудину. Всыпал пыль,
Льняной дратвой нашил брезент на губы.

Чтоб даже не смеялся. Но послушай, ночь,
Ещё не сдохло замусоренное сердце.
Я налепил на его раны рваный скотч,
И чую звук его летящих терций.

Аортой чую – уже близок срок.
Со рта сорву провощенную прошву,
Как комиссары и ваганты, сплуну кровь
И пропою о будущем и прошлом!

Сонет запаха Армагеддона

Эти мхи на камнях для тебя вызревают с безвременья,
Эти камни хранят для тебя синеву необъятных небес,
Чтоб узрел ты, как рухнут зениты в полдень отмеренный,
Разбивая миры в серебристую, колкую взвесь.

Звёзды гаснут и пахнут. Их запах, пыльный и кремневый,
Ты вдохнёшь с клокотаньем в груди, словно раненный зверь.
И завоюешь, поняв: аромат незаросшего темени –
Это тоже поодаль стоящая вечная смерть.

Вдоль по венам пятнают нас шрамы. Чумные отметины!
Каждый яростный выдох – ядовитая тёмная смесь,
Испокон мы греховны. Испокон мы насильем беременны.

И как гибель миров в каждый протяжный надрез
Бьёт кровь едкая тех, кто, повиснув хищно со стремени,
Бросал на конь в галопе своих беспорочных невест.

Муза

И в полночь смолкли мироздания голоса –
Небес и дня очередная тихая кончина...
И Муза красноглазая усталилась в глаза –
Бесплодная блудливая крольчиха.

ЗАТАЁННЫЕ НАДЕЖДЫ

Рассказ

Я снимал квартиру на набережной близ речного вокзала. Мне не хотелось делить её с кем бы то ни было, пусть она и обходилась теперь много дороже. Я больше не выносил никакого соседства, посторонний человек не позволял расти во мне тому странному миру, который я, двадцати двух лет, обнаружил в себе накануне. Мир этот пугающе быстро разрастался и манил в увлекательное путешествие вглубь себя.

Каждый вечер я гулял по набережной от речного вокзала до белой шестиколонной ротонды и обратно. Тихие пассажиры прогулочных теплоходов не привлекали моего внимания, рыбаки понуро следили за поплатками, на скамьях сидели молодые мамы, присматривая за своими детьми. Праздные люди были сами по себе, они говорили о своем, восторгались отблеском заходящего солнца на воде и дышали речным воздухом. Завсегдатаи примелькались друг другу и при встрече отмечали знакомых добрым взглядом, но в разговор не вступали.

Публика в небольшом кафе, где я ужинал, была привычной. Приходили сюда в основном не очень удачливые интеллигентные люди. Если и менялись посетители, то и они обсуждали те же проблемы, пили то же пиво с водкой, закусывали сосисками с тушеной капустой, котлетами с картофельным пюре и жареной рыбой с рисом. Ещё здесь можно было отведать пирожных четырех-пяти видов, всегда свежих и вкусных необычайно.

В половине шестого там неизменно появлялся сухопарый пожилой мужчина, которого все звали профессором. Он был в темном костюме с галстуком, фетровой шляпе и роговых очках. Ни одна черта его продолговатого лица с отрешенным взглядом глубоко посаженных глаз не реагировала на посторонних. На приветствие он отвечал доброжелательно, но сухо, произносил какую-нибудь односложную фразу, по сути означавшую: прошу меня не тревожить. Наверное, строгий преподаватель, думал я.

Профессор просил рюмку коньяку, неспешно выпивал её и откусывал половину карамельки, которую доставал из кармана пиджака. Затем он заказывал несколько вареных сосисок, просил каждую порезать на четыре кусочка и угощал подьедавшихся у закуской собак. Потом возвращался к столику и с явным удовольствием выкуривал сигарету. Ровно через полчаса выпивал вторую рюмку, снова брал порцию со-

сисок и шел к собакам. И так строго три раза. После третьей рюмки он рассчитывался, вежливо прощался с буфетчицей и удалялся. Говорили, он уходит до начала музыкальной части в прибрежном ресторане, где звучала современная громкая музыка. Не любил. Оказавшись как-то за соседним столиком, я слышал, как он в глубокой задумчивости тихо произнес: «Сюда бы духовой оркестр Дома офицеров».

Почему я все это вспоминаю, более того, уделяю место в моем рассказе? Ведь ни с кем из этих людей я так и не познакомился, даже не заговорил ни разу. Наверное, они вмешиваются в мое повествование потому, что в каком-то смысле имели отношение к той женщине, которую я в один из вечеров заметил на набережной.

Она стояла у парапета и смотрела то ли на другой берег, то ли на рыбаков, а то просто на воду. Может, я и не задержал бы на ней взгляда, если бы она не переходила с места на место на короткие расстояния, да и там недолго задерживалась. Не обратить внимания на ее походку было невозможно. Осанка горделивая, мышцы плеча не напряжены, голова приподнята, сначала вперед идет стопа, затем корпус – женщина, можно сказать, плыла. Я подумал: она идет, получая удовольствие от самой себя. Проходя мимо, я отметил белизну ее кожи, очень мне симпатичную, красивые икры, утонченные и ровные, и бирюзовые туфли-лодочки на острых каблуках. Из-за пышных до плеч рыжеватых волос, почти закрывающих лицо, я не мог определить её возраст ни со спины, ни даже в профиль.

Она была в винтажном платье сиреневого цвета с отложным воротником на стойке. Такие я видел в потрепанных журналах «Крестьянка» и «Работница», оставшихся в моей новой квартире от прежних постояльцев. Временно оказавшись без книг и телевизора, я перечитал их много раз и даже изучил рисунки выкроек женских платьев на их вложениях. Глядя на неё, я подумал: сними её с высоты каблуков, она станет одного со мною роста, и решил, что эта женщина мне подходит и с нею нужно познакомиться.

В тот вечер она не повернулась в мою сторону, и я ушел, так и не увидав ее лица. На следующий день я остановился вблизи неё, надеясь привлечь к себе внимание, но не мог найти повод. Вдруг она повернулась ко мне и улыбнулась, как знакомому человеку.

– Я тоже за ним наблюдаю. Правда, он странный? – быстро сказала она и тут же отвернулась. – Рыба, я вижу, его не интересует, он разговаривает сам с собой. Ведет диалог, и сам выступает в двух лицах. Такой смешной. – Она снова взглянула на меня, вероятно, ожидая подтверждения своей наблюдательности, и на мне задержался её оценивающий взгляд.

Меня нисколько не занимал этот чудаковатый рыбак, меня удивила она: незнакомка оказалась значительно старше моего предположения –

ей было лет тридцать пять или около того. Её хрустально-зеленые глаза с черным ободком казались бездонными, чудилось, что от них идет невидимая холодная волна, и я до физического ощущения испытал её на своем лице. Но голос у нее оказался нежным, с медовым вкусом, с теплым убаюкивающим тембром. Я подумал, что и свет этих глаз, и голос плывут ко мне с волшебной поляны, где чародейные пчелы и цветы создают мёд для какого-то сказочного королевства. А под левым уголком её губ я заметил светлый шрамик в виде запятой.

Она улыбнулась, посмотрела на меня через плечо и сказала:

– Ходите кругами...

– Что? – не понял я.

– Ну, пусть не кругами. Ходите туда-сюда за моей спиной. Я всё вижу.

– Разве ходить запрещено? – сказал я, не умея ничего глупее придумать.

– Ходить – нет. Но вы прожгли мне затылок. Я же чувствую.

– Неправда, я смотрел... на ваши ноги. Туфли... Они интересного цвета. Просто привлекли мое внимание. Я думал, они бирюзовые. И походка у вас...

– Выкрутились, – сказала она и тихо засмеялась. И меня снова отнесло к волшебной поляне: я решил, что такие несмелые, но волнительные звуки можно обнаружить у полевых цветов во время дуновения ветра, если б, конечно, мы умели слышать их голоса. Я бы сказал, что она смеялась шепотом. А потом она добавила: – Хотя верю вам. Почему бы и нет?

– Верите, потому что ноги ваши и вправду красивые?

– Верю – потому что мои туфли меняют цвет в зависимости от освещения. Интересные, как вы выразились. Европа! Слышали? Может, читали? Вы книги читаете, студент? Впрочем, за студента извините. Просто рука в чернилах. Правая, вот здесь, – и она коснулась моего запястья.

Как оказалось, и рукав моего светлого пиджака тоже был слегка запачкан. Мне стало очень стыдно, и я повел себя ещё глупее, начав оттирать пятна.

– А походка... Я занималась бальными танцами. Вот я, например, – сказала она, указывая на большой плакат с двумя девушками, – так бы ногу не поставила. Сидя, я обязательно вытянула бы носочек... Почему вы замолчали? Вы что-то про ноги говорили. Продолжайте, я слушаю. Тема любопытная. Особенно для молодых людей вроде вас. – Она выпрямилась, встала напротив меня и добавила: – Смелый какой.

– Какой там смелый. Знали бы вы... Мои бесы жалко суетились, когда я стоял за вашей спиной.

– А вы мне нравитесь. Скажите, это у вас способ такой располагать к себе? Выдаете свои приемы. Обнажение метода называется, да? Собреседник верит в вашу искренность – чик! – и попадает на крючок.

– Какой там чик... Берите выше: я знал, что встречу вас.

– Как вы сказали? Даже так? Любопытно.

– Я переехал вон в тот дом. И такая тоска меня взяла. Сам себя не выношу. И никого не хочу видеть. Разве что мне нужен человек, который... которая... Короче говоря, я вас вызвал. Я вас придумал. И вызвал.

– Знаете, что, – сказала она, заметно грустнея, – я взрослая девочка и не люблю банального трепа молодых людей. Но сейчас, кажется, я готова поверить любой сказке. Что вы улыбаетесь? В этом нет никакой вашей заслуги. Просто мне очень грустно. – Последние слова она произнесла с таким усилием, как будто на них ушли все ее силы.

Я предложил пройтись по моему маршруту – что зря стоять?

– Нет, я устала, хочу присесть, – сказала она.

– Тогда сядемте за столик в кафе, – пригласил я. – Выпьем лимонаду или, если пожелаете, чего-нибудь... вина, например.

– Боже меня упаси здесь пить. Так посидим. А вы пьете, любите это дело?

– И я не пью. Иногда только. Я вроде как ещё спортсмен.

– Почему вроде?

– Бросаю. Думаю, теперь брошу.

– Так говорят курильщики или пьяницы. Спорт разве бросают? Из спорта уходят. С достоинством.

– Именно брошу. По своему желанию я не смогу из него уйти. Мне тяжело принять решение. Была серьезная травма. Полгода не занимался. За это время перечитал весь пятнадцатый отдел институтской библиотеки: философия, этика, эстетика, психология. Знаете, во мне что-то пробудилось. Можно сказать, стал другим человеком. Я вдруг понял: впереди меня ожидает что-то важнее спорта. Спорт – что? – временное занятие. Брошу. Хотя и обидно – ведь я выигрывал крупные турниры. Для себя, конечно, понемногу занимаюсь. Но главная причина – у меня нет энергии для чемпиона мира. А быть рядовым спортсменом я не желаю. Нигде не желаю быть рядовым.

– Охотно верю. Похоже, знаете ли, это на вас. И чем вы занимались?

– Борьбой.

– Я должна была догадаться. По шее, плечам, ну, и по рукам, конечно. Как это, наверное, интересно. Не бросайте, я хочу посмотреть, как вы боретесь.

– Борьбу вы и так можете посмотреть. Придете как-нибудь в институт, в зал. Пока я здесь.

– А вот и приду. Хотите, угадаю, где учиться? В политехническом!

– Нет, наш институт возле «Крытого рынка».

– А, знаю, знаю... И куда уезжаете?

– Пишу диплом. Защита. А потом – куда распределят.

– Вот как, – сказала она. – И все-таки зря уходите из спорта.

– Я не всё сказал: был еще соблазн веселой жизни. До моего переезда сюда, я жил с двумя приятелями. Это они заперли мои вещи на квартире и уехали на Кавказ. Так они пишут диплом. Думали, я с ключом ушел, – а его-то я в той квартире на подоконнике оставил. Я приходил с тренировок и находил на столе записку: «Мы в ресторане «Олимпия», или в «Русских узорах», или в «Садко». А то и с девушками заставал дома.

– Ах, вот оно что! Не устояли, значит. Так, конечно, чемпионом не станешь.

– Присаживайтесь. В ресторан пока пригласить не могу. Студент – вы угадали. Но скоро я буду богатым и счастливым. Запомните мое имя. – Я назвался и пошел в буфет за лимонадом и пирожными «корзинка». Вернувшись, сказал: – Что мы все обо мне? Ничего о вас не узнал. Итак, она звалась...

– Не поверите – Татьяной! Да, да... А за студента я извинилась. И что с того, что студент? Выглядите вы очень даже взрослым. Это из-за борьбы такой мужественный вид, я знаю. И говорите вы не как студент. Чувствуется пятнадцатый отдел. Я что, студентов не видела? Они шалопай. Так что... Ммм, пирожное просто чудо! Свежее-пресвежее! Верите, никогда здесь не была. Откуда вы знаете, что «корзинка» мое самое любимое из всех? Только не врите мне – мы с вами никогда не встречались и нечего мне заливать. Ой... – Она заметила приближающегося к кафе профессора. – Не хотелось бы с этим товарищем встречаться. Подумает черт знает что. Мой сосед по подъезду. Теперь уже не улизнешь. Сейчас скажет: графиня.

Когда профессор её заметил, глаза его на мгновение оживились, но он сделал вид, что ситуация вполне обычная, приподнял шляпу и приветствовал мою спутницу: «Графиня, доброго вам вечера».

– Здравствуйте, лорд Баттенберг! – парировала она. – Как поживает ваш манчестерский тойтерьер?

– Благодарю вас. Третьего дня немного зашиб лапу, а теперь всё хорошо. Иду вот кормить. Ждет не дождется.

Когда он пошел к буфету, Татьяна пояснила шепотом:

– Это мы так с ним играем. Хороший дядька. Во всём доме он общается только со мной. Но всё равно – допивайте свой лимонад и бежим отсюда. Я ужасно его стесняюсь. Мне кажется, он читает все мои тайные мысли.

Мы пошли по аллее набережной, и Татьяна рассказала историю профессора, которая оказалась на удивление романтической: вот уж никогда бы не подумал, что главное событие его жизни – любовь. Впрочем, она поначалу была таковой. Жена оказалась с червоточиной, со множеством кротовых нор в сердце, поди поймай ее и настрой на серьезную семейную жизнь. Неудержимая выдумщица, легкая и влюбчивая – она совсем не подходила углубленному в себя молодому ученому, уже тогда

автору какого-то изобретения к турбореактивным двигателям самолета. Возможно, её привлекли деньги, квартира на улице Космонавтов и радужные перспективы. А может, любила по-настоящему. В первое время – кто знает? – почему бы и нет. У них родился сын. А потом наш герой чем-то отравился и четыре года не мог нормально работать – лежал по больницам, лечился в санаториях, медленно приходил в себя. Вот тут и проявилась сущность легкой и влюбчивой: взяла сына и ушла к другому перспективному человеку. Когда он вылечился, она стала время от времени присылать к нему сына, а через год сама вернулась. Он всё ей простил и был безмерно счастлив, потому что любил. Так она уходила ещё раза два, а на третий исчезла. Вышло, что навсегда. Как, должно быть, ему было больно от этих потрясений. Возможно, всё это время он как-то с ней общался, но жильцы дома об этом ничего от профессора не узнали, человек-то он наглухо закрытый. Да и сын тайно исчезал во время школьных каникул. Его он вырастил и за папу, и за маму, да еще каким – тоже большим специалистом в авиационной промышленности. Сын теперь живет в столице и по занятости редко приезжает к отцу. Говорят, и мать где-то от него недалеко – чего только не разузнают сплетницы их образцового дома. А наш профессор остался один, учит студентов в своём родном институте и клянет всех, кто разрушил в стране прежний строй и порядки – это у него самое больное. «Какую страну погубили!» – скажет он, когда, забываясь, говорит сам с собой. Единственное его развлечение – это вечера в Доме офицеров, что находится через дорогу от сада Липки. Говорят, именно там профессор познакомился с будущей женой и потому так любит этот оркестр. Он садится в укромное место – знакомый Татьяна видел там его несколько раз – и грустно наблюдает за танцующими парами. Бывает, подхватит понравившуюся мелодию, начнет тихо подпевать, потом всё громче и громче, как вдруг, спохватившись, замолкает и смущенно озирается по сторонам – не заметил ли кто его оплошности.

– Да, грустная история... – я перебил Татьяну, чтобы сменить тему. – О профессоре я кое-что узнал. О вас – ничего.

– А мне уже пора, – ответила она. – Какая досада. Да и холодает. Как будто не лето, ей-богу. Хотя вечер уже. – Она протянула руку, и я её пожал. Мне почудилось, будто узкая ладонь Татьяны тает в моей крепкой руке. Не выпуская её, сказал:

– Я провожу.

– О, не стоит, – улыбнулась она. – Бурные реки, стрелы дикарей и хищные звери – позади. Дальше сама доберусь. Знаете, за время нашего разговора я поменяла о вас мнение три раза. Сейчас очередное – четвертое. – Она засмеялась тем же волнительным безголосым смехом. А уходя, добавила: – Это оценка, между прочим. Можете занести её в свою амбарную книгу очарованных вами женщин... Или разочаро-

ванных. Какое там соотношение? Выберите сами, в какую строку меня записать. Пока, пока.

С аллеи она поднялась по ступенькам и зашла в первый подъезд дома, напротив которого мы стояли.

Мне она понравилась. Но оставил ли я о себе хорошее впечатление? Может, она говорила со мной от скуки, от того, что по каким-то причинам ей сегодня некуда было деться. Может, ждала мужчину, а он не пришел. Или я всё-таки смог ее чем-то заинтересовать? Ну, это вряд ли. Женщины с такими глазами редкость, я общался с ними – они гордые и неприступные, знают себе цену, во всяком случае, эта дамочка не про меня. Ничего о себе не сообщила, даже не сказала, что сможем ещё раз встретиться. А намек на амбарную книгу – это она о чем? Воображаю, за кого меня приняла. А куда, если на то пошло, мне записать ее оценку? Какая она?.. Задала задачу. Должно быть, посмеялась надо мной. И зачем я выдал такую глупость, что придумал ее, вызвал? Мальчишество! Досадная оплошность! Хотя... ну и пусть! И вообще: она много меня старше, и у нас ничего бы не могло получиться. Правду сказать, не было никакого поражения и отставки – зачем себя принижать? Я пишу диплом, скоро уеду домой, и мне всё равно, что обо мне подумал случайный человек.

Я ушел к себе с твердым намерением не искать с ней встречи. Не пойду больше гулять – и всё тут. Да и длительные прогулки теперь для меня роскошь: много работы по дипломному проекту, отстаю от графика. Однако не удержался и уже на следующий день отправился на набережную. Я ходил около двух часов вдоль парапета, где её встретил, но она не появлялась. Зато появился профессор, и надо же было мне оказаться на его пути. Впервые он посмотрел на меня – посмотрел с интересом, глубоко и с любопытством заглянув в глаза. Мне стало приятно, что такой важный и строгий человек мною заинтересовался, хотя и по причине от меня не зависящей. Я удлинил маршрут, но не настолько, чтобы не заметить ее появления. Прошел ещё час, а Татьяны все не было. В её отсутствие мне скучно стало ходить из стороны в сторону, более того, понял: не смогу больше гулять по набережной без неё. Я почувствовал себя обманутым, униженным и обкраденным.

На следующий день в институте я встретил маленького ушастого Савву, своего однокурсника, и он пригласил меня пожить у него какое-то время. Общительный Савва не мог долго оставаться без собеседника, а от него съехали двое ребят, с которыми он делил двухкомнатную квартиру. Я согласился, потому что он был отличник, но взял с него слово, что будет мне помогать. Савва легко принял мое условие и потащил к себе в далекий Заводской район, к самому черту на другой конец города. За пять дней я сто раз пожалел, что перебрался к нему. В его квартиру наведывались бездельники нашего курса за такой же помощью, и заканчивалось это шумной пьянкой. Каждый приходил с бутылкой коньяка

(Савва пил только коньяк, помаленьку, но регулярно) и дешевой закуской, в то время не принято было платить за услуги в учебе. Считали: выпили с ним – и довольно с добродушного Саввы. Удивительно, он мог работать в любой степени опьянения, а под большим градусом становился только внимательнее. На мое недоумение он отвечал: «Да привык, это уже мое нормальное состояние». Он в два счета вывел меня в финальную часть моего диплома, мне оставалось, как он сказал, только окультурить, что он накарябал. Утром я собрался было уйти, но Савва, с вечно повязанным на голове цветастым платком и карандашом за ухом, воскликнул:

– Как! Ты разве не знаешь, что я родился в двенадцать часов пятьдесят с чем-то минут? А когда это случилось? Ровно двадцать один год назад! Дата в некотором роде круглая. Полное совершеннолетие. Так что никуда, голубчик, ты не уйдешь. Я и запасы кое-какие сделал. Сейчас сестра придет, тетка – они все сделают как надо. Ребята подтянутся. Самое главное – невеста моя будет. Познакомлю.

– Поздравляю, – сказал я. – Я-то зачем? Посидите своим кругом, по-родственному. У меня и подарка-то нет.

– Какой еще подарок? Ты сам подарок. Чемпион! Да еще всесоюзный! А то мои думают, я с пьяницами только вожусь.

– Неудобно как-то. Но подарок за мной.

– Умоляю, что за мешанство? Короче: говоришь моим, что ты мой самый лучший друг. Ну а я твой. И вообще, ты мой должник. Такого диплома, как у тебя, даже наш доцент не напишет.

С этими словами он достал из моей спортивной сумки вещи и небрежно разбросал по квартире. Зубную щетку, мочалку, бритвенный прибор вернул в ванную комнату. Мне стало стыдно и – что делать? – пришлось остаться.

Вскоре появились старшая сестра и тётя с четырьмя большими сумками. Сестра такого же типа, что и Савва. Все схоже: рост, вес, форма лица, живые круглые глаза, и если бы не её длинные волосы, то она точь-в-точь ещё один милый, обаятельный Савва.

– О, – воскликнула она, – я узнала! Савва о вас рассказывал. Вчера, по телефону. Спортсмен, да? Штангист! Силища!

– Лозя, – крикнул Савва из спальни, – что такое ты городишь? У штангистов уши в состязании не участвуют. А посмотри, какие они у него – поломанные! Борец он. Самый что ни есть первый чемпион.

– Ой, простите! Верно... – согласилась Лозя.

И тетя высказалась:

– Очень приятно познакомиться. Лозя как сказала о вас, ну так я, знаете, обрадовалась! Теперь мы с сестрой за Саввушку спокойны. Те ребята, прямо скажу, чересчур шустрые были. Понимаете же меня? А вы такой положительный! – Савва высунул из-за двери спальни голову и кивнул мне за их спинами: мол, что и требовалось, дело сделано.

Тётя тоже была на них похожа, разве что старше на три десятка лет. Обе приветствовали меня как любимого ими старого знакомого. Какие сердечные люди, подумал я. Вот бы научиться этому – радоваться каждому человеку независимо ни от чего. Наверное, у них весь род такой, а вот я сложный и не очень веселый человек. Но что об этом горевать, лучше помочь людям с сумками и отнести продукты и торт в кухню. В одной зазвенели бутылки, на что Савва, выходя из спальни, сказал:

– Мы не будем дожидаться закуски, примем по чуть-чуть. И нечего там шипеть, имею право, – крикнул он в сторону кухни возмущившимся женщинам. А мне сказал, ожидая солидарности: – Так легко дожить до официальной части, правда?

В этот самый момент появился его двоюродный брат – сын только что вошедшей тётки. Это был уверенный в себе темноглазый парень в строгом синем костюме с выверенным пробором в напомаженных волосах и красивыми ухоженными усиками. «Милый друг» – я дал ему прозвище героя известного мопассановского романа, потому что представлял того авантюриста именно в облике вошедшего молодого человека. В его кожаном портфеле было пять бутылок грузинского вина. Ещё у него была небольшая джинсовая сумка, указывая на которую, он произнёс:

– Мой дорогой брат, здесь все, что приблизит тебя к яхтам, девушкам и носкам без дырок. С ними ты будешь неотразим в любом обществе. Ну, и кое-какие безделушки от моего большого и чистого сердца... Не перебивай – что у тебя, прости господи, за недержание... Короче! А вот этот кинжал – оружие доблестных черкесов. Оно не какое-нибудь там сувенирное изделие, а самое что ни есть настоящее, боевое. Мне его друг-черкес подарил по случаю моего блистательного дебюта в «Гамлете». Он считал, что Гамлет непременно должен ходить с черкесским кинжалом. И был недалек от истины. Что-то черкесское есть в моем герое. А в тебе, мой дорогой брат, ничего такого нет и в помине. Поэтому тебе нужно хотя бы какое-то время поддержать эту благородную вещь у себя. Кто знает, вдруг поможет. Мне помогло. Береги его, как... Я потом заберу. – Савва снял со стены давно бездействующие часы и повесил кинжал. Кузен продолжил: – Вообразите, двести лет назад его рукоятку сжимала рука храброго воина. Интересно-то как: настоящего воина! Ну, довольно. Теперь мое величество готово есть, пить, общаться с красивыми девушками и произносить тосты... – С его появлением стало шумно. Савва настаивал на своем «по чуть-чуть». Тетя ласково укоряла: этим он перебьет аппетит и себе и другим, а ещё – разве не стыдно перед невестой? Но имениннику, сделавшему жуткую гримасу, покорилась.

Нам быстро нарезали огурцы, помидоры, сыры, колбасы, отварной говяжий язык, украсили веточками зелени и искусно разместили всё это в лоточках эллипсоидной формы. Я подумал: кто-то из женщин имеет

прямое отношение к кулинарному искусству и сервировке. Оказалось, обе работают в ресторане. Уже были разложены по тарелочкам принесенные с собой сложные салаты, готовилось жаркое, кролик в сметане с молодым картофелем, подходили цыплята табака с хрустящей корочкой, а четыре жирных карпа ожидали, когда для них освободится конфорка газовой печки.

– Честь имею, – представился двоюродный брат Саввы, – Айзик! Артист столичных, а также областных драматических театров. – Он легонько скользнул рукой по блестящему пробору, поправил красный, в горошек, галстук и добавил: – А Савва дело говорит. Идемте – вмажем.

Мы устроились на краешке стола, чтобы не мешать женщинам. Разливая коньяк, Савва пояснил, почему Айзик сказал «театров» во множественном числе.

– Это потому, что он работал во многих театрах. Отовсюду его... как бы это мягче... его просят. Одним словом, репертуары отечественных театров ему не подходят.

– Нет, это потому, что я ищу новые формы. Я всегда хочу углубиться в роль, – сказал Айзик, уже обращаясь ко мне. – А вы, Савва, злобный карлик и хам. Точнее, хамёк. И такой, знаете ли, с самого голубого вашего детства. Пусть и товарищ об этом знает. Он поверит – у него честные глаза.

– Да, не то, что у тебя, – парировал Савва.

– Жаль, что сегодня я обязан произносить тосты и пить за вас. Но заметьте: делать это я буду без всякого удовольствия! – сказал Айзик.

– А что я такого сказал? Ваше дарование не умещается в предлагаемые вам роли! И что это за «хамёк»? Нет такого слова в словарях.

– Теперь будет! Кстати, хорошая мысль насчет словарей. Об этом надо позаботиться. Я намерен вас обессмертить, – заявил Айзик.

Неожиданно они расцеловались непринужденно, по-братски, и мы выпили.

– Ну что, дуэлет в середину? – спросил Савва.

– А как же иначе, мой милый? – сказал Айзик. – Плохое настроение нужно душить в зародыше – сильными, загорелыми, волосатыми руками!

Савва тут же наполнил рюмки, мы снова выпили, закусили. После второй рюмки коньяк меня с непривычки пронял. А еще я не мог понять, когда братья играют, а когда говорят всерьез. И почему они вдруг перешли на «вы»? Но раз, думаю, они обнялись и поцеловались, то недоразумения закончились. Но тут Айзик спросил меня:

– Как такой солидный товарищ, как вы, с ним дружит? Обратите внимание на его вид. На голове какая-то идиотская повязка! А что означает карандаш за ухом? Он что, так и будет с ним ходить? Парнишка Чингачгук. Или лучше – Чук и Гек, прости господи. А еще лучше «Чунга-Чанга» какой-то. Торжество, можно сказать, уже началось – ну, раз

уже я здесь. Сейчас придут гости, невеста, сказали, будет. А он до сих пор в затрапезном виде. Я в его годы Гамлета играл!

– И доигрался, – ответил Савва и побежал переодеваться.

– Давайте выпьем, пока его нет, – сказал Айзик. – А то при нем, что ни отправляй внутрь, всё идет мимо желудка.

Мы выпили по третьему разу. И тут время ускорилося. Савва, одеваясь на ходу, несколько раз пробежал мимо нас на лоджию и обратно в спальню. Старательными женщинами стол был вскоре накрыт. Не устроенными остались хлеб и ваза с фруктами, и мы с Айзиком долго колдовали, куда бы их определить. Затем посчитали число ожидаемых гостей, количество стульев в зале, табуреток в кухне, плюс три верных места на диване, и, если пододвинуть к нему стол, – разместить можно всех. Тётя и сестра попросили ради бога о них не беспокоиться, за стол они не сядут, лишь бы нам было удобно.

В этот момент в квартиру шумно ввалились возбужденные молодостью и здоровьем две девушки и два парня. Они начали смеяться еще за дверью, видимо, кем-то из них брошенной шутке. Одна девушка – блондинка, с красивыми длинными ногами – ростом выше своих друзей, поэтому нетрудно было догадаться, которая из них невеста Саввы. Другая – точно искусно сделанная куколка, с отточенными чертами белоснежного лица. «Ну прямо миниатюрная японочка», – сказал я Айзику. Как только она переступила порог, у нее зарделись щеки с ямочками, будто попала к нам с мороза. Оба парня смешливые, рыжие, губастые – вполне могли бы сойти за братьев, если бы, как потом оказалось, не разные фамилии и разные города проживания.

Все начали говорить разом и много, неизвестно о чем и зачем – нельзя было ничего разобрать. Однако гости быстро и легко расселись, вручив перед этим подарки и помыв руки. На почетный мягкий диван хотели посадить Савву с невестой, но они его уступили нам с Айзиком – ни он, ни она не дотянулись бы до блюд с низкого дивана. Это наблюдение озвучил Айзик, по-видимому, мстительно отвечая Савве за неподходящий его таланту репертуар отечественных театров. Все были радостно возбуждены и никто не обнаружил колкости в его словах. Айзик произнес приветственное слово. Он попросил гостей есть, пить, веселиться. Пожелал старшим здоровья, младшим быть достойными старших и всем унести с сегодняшнего вечера наиприятнейшие воспоминания.

Мне стало неловко, что один я без подарка, и решил сейчас же купить Савве дорогую электрическую бритву, которую видел в одном из ближайших магазинов. Он хотел её, об этом мне было известно. Деньги у меня имелись, родители за день до этого прислали на празднование защиты дипломного проекта. Я сказал, что мне надо срочно позвонить, но Айзик выделил только семь минут, чтобы я добежал до телефонной

будки, стоящей на углу нашего дома, переговорил и вернулся до истечения времени. Иначе последует суровое наказание, которое они будут придумывать в мое отсутствие. Всем эта идея понравилась. Один из рыжих парней снял с вешалки Саввино сомбреро, попросил присутствующих писать на салфетке способ моего наказания и передавать ему. Надо было торопиться, не в моих правилах осуществлять фантазии из чьей-то глупой и пьяной головы. Но, как только я взялся за ручку входной двери, в квартиру позвонили. Открыв дверь, я увидел Татьяну.

Надо сказать, я её не сразу узнал. Стоящая передо мной женщина в джинсовых брюках и куртке, больших солнечных очках и сумочкой за плечами, ничем не была на неё похожа. Но что-то держало меня в сомнениях. Я смотрел на незнакомку почти минуту, и всё это время молчал – не спрашивал, кто ей нужен, по какой надобности пришла, а потому не торопился приглашать. А еще раздражали крики из гостиной, мол, зря ты так легкомысленно тратишь время – пощады не будет! Но почему этой женщине не оказаться очередной гостьей Саввы – мало ли, кого он еще пригласил. За большими и совершенно непроглядными стеклами очков невозможно было с уверенностью распознать знакомые черты. И она ничего не говорила, только улыбалась. Не может быть, чтобы Татьяна сюда добралась? Это просто невозможно! Она запала мне в душу – вот и мерещится. А если принять во внимание действие коньяка, то других объяснений моим галлюцинациям и не нужно.

– Вы к Савве? – спросил я.

– Так меня пригласят войти или как? – спросила она, не отвечая на прямой вопрос. И даже тогда я не узнал её по голосу. Я посторонился, давая ей пройти, и закрыл дверь.

– Эй, там, на шхуне! – крикнул Айзик.

А дальше пошла виртуозная игра, какую я редко видел даже у выдающихся актеров. Впрочем, это и нельзя было назвать игрой, до такой степени он был органичен в каждом образе – а их он, чередуя, подал нам сразу несколько. Айзик спросил:

– Что там за шум? Кто пришел? Ну что вы там стоите, как у архиерея на именинах! Я ничего не вижу! Позовите Вия! Хотя бы дайте в прихожей свет, невозможно работать! А вас, Балаганов, я уволю к чертовой матери! – сказал он, обращаясь ко мне с напускной сердитостью.

Я узнал, откуда эти реплики, и решил ему подыграть:

– Я думал... я думал... – начал я робко.

– Ах, вы думали? – убедительно возмутился Айзик и подмигнул мне. – Вы, значит, иногда думаете? Вы мыслитель. Как ваша фамилия, мыслитель? Зиновьев, Пятигорский, Мамардашвили? Вам куда было велено идти? Молчите, молчите! Правильно: встречать нашу бабушку из Мариуполя! А вы до сих пор не покинули пределов квартиры. Ладно, черт с вами, командуйте парадом! Кто с вами? Вводите! Должно

быть, кто-нибудь из «Геркулеса». Савва, ты приглашал сегодня коллег из «Геркулеса»?

За мной в гостиную вошла Татьяна, и мы оказались у стола.

– Боже мой, какая фемина! – воскликнул Айзик. Он пригласил гостью сесть рядом с ним: – Сюда, пожалуйста, на почетное место. За товарища не беспокойтесь, он здесь свой. Признаюсь, не терплю соперников. Тем более, когда они слонтяи. Раньше я убивал таких из рогатки! Но суровые законы демократии связали мне руки. Нет, знаете ли, прежнего энтузиазма в наказании нарушителей закона.

– Ах, – сказала Татьяна, – я вся какая-то угловатая, вся какая-то... но стоит мне появиться где-нибудь, как все начинают ревновать меня ко всем.

– Ну что вы, разве я похож на старого глупого мавра? Вам удобно? Вот и хорошо. – Айзик взял левую руку Татьяны и с нежностью поцеловал. Он выпрямился, помолчал немного, осматривая стол, и продолжил: – А тебя, Савва, я просто обязан полюбить с этой минуты. Я подарю тебе за это каурую кобылу, ту, которую, ты помнишь, я выменял у Хвостырева, и золотую печатку к часам. Пожалуй, пристегну к ним щенка – того самого, ну я тебе его показывал, брудастого. Смерть как люблю этого мордаша, но что делать, придется расстаться. Нет, нет, не отказывайся, я настаиваю. Ты оказал мне судьбоносную услугу в столь знаменательный день. Ценю. Это очень благородно с твоей стороны. Вот и невеста твоя здесь. И я здесь живу. Однако как тебе не совестно, софрон ты этакий: имея такую знакомую, ты до сего дня ни разу не вспомнил о брате, который тебе роднее родного и который – не за столом будет сказано – немножко да не женат. Но теперь не может быть сомнений – женюсь, какие тут могут быть игрушки!

– Прекрати, дай людям поесть, – перебила мать.

– Виноват, – сказал он, – не спорю, так нельзя. Вы правы, мама, я должен сделать официальное заявление! – Он встал во весь рост, несмотря на неудобство из-за тесноты, и торжественно произнес: – Товарищи, революция в моей жизни, о необходимости которой все время говорили отец и мать, братья и сестры, близкие и приближенные, дальние и удаленные, а также зарубежные родственники, свершилась! Ура, товарищи!

Все так дружно и громко крикнули «ура», что, возможно, жители всех семи подъездов нашего дома вздрогнули, если они были дома.

– Лозя, – приказал Айзик, – неси прибор для гостии и бокалы для хванчкары и кинздмараули! – Он нагнулся и достал из портфеля две бутылки вина. Сказал, чтобы она откупорила их сейчас же. Указывая на бутылки, он спросил меня: – Кстати, уважаемый, вы случайно не из этих?

– Нет, я как раз вон из тех, – кивком головы я указал на кинжал.

– Однако. Как мир тесен, – сказал Айзик.

Ребята вызвались помочь Лозе, но Айзик их остановил:

– Голуби вы мои сизокрылые, не беспокойтесь. Лозя открывает винные бутылки лучше любого из нас. А вы, мамаша, – обратился он к матери с поклоном, – благословите своего непутевого и многострадального сына! Что моя жизнь, в сущности? Нищее детство и отрочество, полуголодное студенчество, угар застойных лет, а теперь вот – тревожная перестройка, да еще с ускорением! Негде обогреть свое сердце, не к кому прислониться в минуты душевной невзгоды. Кто я такой был до этой самой минуты? Ничего не значащий червь мира сего. Но свершилась мечта – она сама пришла! Был бы жив отец, как бы старик порадовался за сыночка. – Мать смутилась, махнула рукой на сына и пошла в кухню, а у сына неожиданно выступила слеза. – Простите, издержки профессии, – сказал он, доставая платок.

Тем временем я любовался знакомым мне светлым шрамиком в виде запятой у губ Татьяны, которую не заметил в темном подъезде. Я почувствовал в ней что-то очень мне родное, будто знал и любил ее много лет. Я был горд тем, что эта красивая женщина имеет хоть какое-то отношение ко мне.

Айзик опустился на диван и попросил руку гостыи. Сначала он поцеловал левую руку, затем попросил правую, потом снова попросил левую. Гостыя послушно и кокетливо подносила их поочередно к его губам. Признаюсь, я вспыхнул от ревности. Не то чтобы эта была ревность, но в те свои годы я не терпел пренебрежительного к себе отношения. И не позволил бы этого ни ему, ни тем более ей – ведь она, надо полагать, приехала ко мне. Даже я не держал её руки, а тут с ними так вольно обращается посторонний человек.

– А теперь прошу тишины, – объявил Айзик. – Имя, слушаем имя прекрасной незнакомки!

– Не поверите – Фемина! – коротко и уверенно ответила гостыя и сняла очки. С улыбкой, которая угадывалась в темных впадинах на концах ее губ, она обвела присутствующих добрым взглядом. Все смотрели на Айзика. Казалось, у него остановилось дыхание.

– Да, настоящая Фемина! – сказал он. – Однако... Но, дамы и господа, подоспел тост за именинника. Видите ли, на меня как предводителя дворянства возложена почетная обязанность вести сегодняшний стол. Скажите, Фемина, что вы предпочитаете: вино с насыщенно рубиновым цветом, со вкусом красных ягод, с оттенками карамели, розы, фиалки, трампам-пам, прошу пардон, или же другое – с цветом переспелой вишни, такое... ммм... обволакивающее, такое, знаете ли, бархатистое, с нотками сливы, граната, трали-вали, пардон еще раз, ну и, допустим, ежевики? Бог мой, это же настоящая поэзия! Майский день, именины сердца. Согласитесь, народ, который создал такие вина, иначе как чародейным не назовешь. Однако мы отвлеклись. В задачнике спрашивается: какое вино вы предпочтете?

– Конечно же, то, которое трампам-пам, если оно готово пойти с сыром в кино. Ну и трали-вали тоже, если оно не откажется дружить с мясом, – не растерялась Фемина.

– В такие лета и уже такие сведения! – воскликнул Айзик. – Я должен вам сказать, что в вас большие способности. Учитесь, Балаганов! А вы свои семь минут так нелепо потратили. Мои янычары жаждут крови – вам не повезло! Где шляпа? Каждому, как говорится, свое! Вынос тела состоится...

– Не-ет, отдайте его мне, – театрально взмолилась длинноногая девушка. – Зачем ему пропадать без пользы? Савва занят, вы себе даму уже нашли, а у меня аллергия на рыжих. Так что для меня он в самый раз. Я заколдована и несчастна – никто замуж не берет.

– Что за разговоры?! Кто смеет указывать королю?! – возмутился хозяин стола. – Савва, у нас есть в королевстве свободная темница?

За меня вступилась Татьяна:

– И в самом деле, не нужно линчевать безвинных людей. Прошу вас отменить экзекуцию. Ведь это же он, ваше величество, обманул злого волшебника, вызволил красавицу из темного подземелья и привел сразу же к вам. И даже не коснулся ее руки.

– И то верно, – сказал Айзик. – Да еще какую! Находчивую, учтливую, с умом и добрым сердцем, одним словом – Шахерезаду. Прощаю! Я даже поощрю его! Но потом. А сейчас, прошу прощения, я должен вернуться к своим обязанностям. Итак, милостивые государи и милостивые государыни, если приподнять завесу жизни моего подзащитного, то становится весьма очевидным, что...

– Как ты меня нашла? – спросил я Татьяну. – У меня в голове не укладывается.

– Как нашла? Шла, шла и случайно увидела твой институт. Ты же говорил, что он возле «Крытого рынка». В вестибюле увидела огромный стенд с поздравлением тебя и еще какого-то велосипедиста, и ваши фотографии. Под стендом стояли девчата, спросила их, где можно найти того героя, который борец? Они не знали, но указали на двух парней, которые спускались по лестнице. Те и сказали, где ты теперь живешь. Повезло же мне сразу, они оказались с твоего курса. Адреса назвать не смогли, но очень живописно объяснили, как сюда доехать. Назвали, значит, остановку, от нее по аллее до первого поворота, потом направо до пивного бара, от него через дорогу панельный дом, на углу которого телефонная будка с разбитыми стеклами. Третий подъезд, пятый этаж, на площадке – квартира справа, с дверью, обитой коричневым дерматином. А говорил, бросил борьбу. Обманщик.

– Так это давнишние соревнования, зимой было дело, – пояснил я. – Теперь лето. Все заняты – стенд обновить некому. Лучше подумаем, как отсюда выбраться. Я пытался еще до начала, но...

В этот момент к нам повернулся Айзик:

– А ведь я предупреждал, что не терплю соперников. Вот закончу дела и начну карать. – И продолжил: – Так вот, господа присяжные заседатели: подзащитный мой не виноват, у него столько достоинств, что в его же интересах о них сегодня не упоминать. Лучше пусть скорее наступит день, когда мы сможем делать взносы в его честь и в честь вот этой, с позволения сказать, живописно молчащей скромной девушки. Ура, товарищи!

– Только не кричите, ради бога, – опередила мать Айзика. Она неслась жареных карпов и лимоны, и все принялись освобождать под них место. Потом добавила: – Сначала хорошенько поешьте, а уже потом пейте. А то головушки закружатся.

Все затихли на несколько минут, пробуя блюда. Только теперь к нам пришел аппетит.

Длинноногая предложила сменить тотальную застольную церемонию на музыку, чтобы они могли потанцевать. Её поддержали. На что Айзик сказал:

– Времена пошли: подданные не хотят жить по-прежнему, они хотят демократии и низложения короля. Учтите, я без борьбы не сдамся. – Но танцы объявил.

Мы встали из-за стола, тут и я, беря Татьяну за руку, сказал Айзику:

– Нам уже пора. Пока не поздно мы хотели бы проведать одного человечка.

– Какого такого человечка? – спросил Айзик. – Ну-ка, скажите – к кому едете? А главное – зачем? Как будто визит нельзя перенести на завтра. Да вы сами не будете рады, и очень опешите, если думаете там найти доброе вино и хорошую компанию. – Он повернулся к Татьяне и, переходя на шепот, сказал: – Обратите внимание, как смотрит на меня этот злой черкес. Я вызвал бы его на поединок, но мы в разных весовых категориях. Я не хочу быть убитым в разгар представления. Хоть вы что-нибудь скажите! По глазам вижу, что не хотите уходить.

– Не имею права, ваше величество, – сказала Татьяна. – Я вообще фольклорный элемент. Я из фей, что живут на набережных. Он меня выдумал и вызвал к себе. Я и...

– Материализовались, – помог Айзик.

– Точно, – подхватила Татьяна. – Так что спрашивайте с него.

– А я тайн своего волшебства не выдаю, – сказал я. – Мы должны уйти, человечек ждет!

– Так вот, где таилась погибель моя, – сказал Айзик. Он опустил голову и достал сигареты. – Я должен был догадаться. Кинжал! Зачем только я его принес? Сам же и навлек на себя беду. Как это вы сказали: он вас вызвал, так? А я, получается, вызвал его. А он возьми и... Увели

девушку! Прямо из стойла увели. Мне ничего не остается, как распустить армию и отбыть в Урюпинск. В изгнание!

Я искал свои вещи, мешая танцующим, а они были аккуратно сложены женщинами в спальном комнате. Попрошался с гостями, извиняясь за вынужденный уход, крепко их обнимал и почему-то обещал вернуться, хотя и не уточнил когда. Вышел на балкон, где в одиночестве курил Айзик. Его лицо в тот момент мне показалось усталым и печальным – такими, подумал я, бывают лица у актеров в гримерке, в коротких перерывах между выходами на сцену. И, вместе с тем, это лицо выражало что-то важное и глубокое. Мне почему-то стало жаль его, даже хотел сказать ему что-то приятное и ободряющее. Но он опередил меня: грустно улыбнулся и пожелал удачной защиты дипломного проекта. А потом меня позвала тетя Саввы и вручила нашу с Татьяной долю торта в какой-то картонной коробке с ручкой из фиолетовой ленты.

Мы спустились по лестнице бегом, точно нас могли догнать и принудить к продолжению вечера. Мы обернулись пару раз – на балконе по-прежнему стоял Айзик. Такси, конечно, не найти, но нам повезло: когда мы выбрались на трамвайную линию, один из последних в ту ночь вагонов, громыхая, шел в нашем направлении. В салоне находилась одна пожилая пара, но она сошла через две остановки, и мы остались одни. Почему-то мы не сели.

– Подумать только: я вышла тебя разыскивать. Ты удивлен? – спросила она.

– О, мы уже на «ты», – сказал я.

– Ты первый так ко мне обратился. Еще за столом. Ты пьян и ничего не помнишь.

– Удивлен – не то слово. И нисколько я не пьян.

– Подожди, не в этом дело. Я, правда, нарочно не выходила на берег. Целых два дня. Хотела тебя помучить.

– Я мучился, поверь.

– Честно? Поклянись!

– Не увидеть мне солнца до самого утра.

– Не смейся. Ты не представляешь, как я жалела! А тебя целых пять дней не было. Говорила себе: дура я, дура, зачем только я все это устроила?

– Устраивать ты мастерица. Скажи, зачем кокетничала с Айзиком, руки давала целовать? Он от удовольствия чуть тебя не проглотил.

– Затем, что ты вредный. А почему ты меня одну оставил? Я ведь говорила, как мне плохо... Боже мой, что я несу? Все рассказываю. Ты считаешь меня легкомысленной?

Я взялся за горизонтальные поручни так, что Татьяна оказалась заключенной между моих рук. Трамвай разогнался и грохотал старым корпусом, заглушая слова. На левой моей руке покачивалась коробочка

с тортом, на правом плече висела сумка с вещами. Какое-то время мы молчали и смотрели друг другу в глаза, но неожиданно для самого себя я прильнул к ее губам. Она схватила меня за лацканы пиджака, вероятно, намереваясь оттолкнуть, но не сделала этого. Я чувствовал, что Татьяна растерялась и не знала, как поступить. Она не отвечала мне, а только разрешала себя целовать. Я ловил на её губах остаток возбуждающего винного аромата, вспоминал розы, фиалки, трапам-пам с нотками сливы, граната и еще какие-то трали-вали Айзика. Меня снова понесло на поляну к чародейным пчелам, и я думал, что они, должно быть, берут нектар не только с цветов, но и с уст таких красивых женщин сказочного королевства, как Татьяна. В этот момент я ощутил ответное движение её губ, и за эту её стыдливую попытку разделить со мною удовольствие был ей благодарен.

В наш район трамвайного пути не было, мы сошли как можно ближе к нашим домам, и пошли пешком, держась за руки.

– Знаешь, – сказала она, – на чём я погорела в первую нашу встречу? На твоём взгляде. Ты время от времени смотрел вдаль. У парапета, а ещё в кафе. Не на меня – а за мою спину, куда-то вдаль. И глаза твои становились грустными-грустными. Такой милый, думала, такой беззащитный. Что он там видит, о чем думает? Тебя не было со мной в тот момент. Тебя тогда не было на земном шаре.

– А я просматривал набережную, шерстил – нет ли там феи поприличнее.

– Вот все вы такие! – Она легонько бьет меня по плечу.

– Но как ты Айзика положила на лопатки! Его же приемом. Фольклорный элемент... Меня распирал смех. Надо же такое выдумать! Фемина!..

– А ты заметил, как он ловко входил в образы! Голоса так искусно менял.

– Я заметил, что он тебя заметил. Не смейся!

– Каурюю тебе, Савва, говорит... кобылу, что выменял у... у Хво... Хвост... Хвостырева... дам, говорит... и... – Татьяна смеется, не может остановиться. – Я сначала не поняла. Думаю: что он несет? Какая кобыла? Какой Хвостырев? И поверила, знаешь! Ой, умираю – не могу!

– Да... и печатку в придачу... золотую... и щенка...

– Да... мордаша... Мамардаш... шви... Зинов... Пя... горский... брудастого...

– Вот и невеста твоя здесь...

– И я здесь живу...

– Уф, над чем смеемся?... Глупости какие-то...

– Почему глупости? Классика! А это: благословите, мамаша... революция, о которой... свершилась... Ой, в нас смешинка попала.

– Это от вина. Не допили, значит.

– Или перепили... А он интересный, этот Айзик. Так натурально играл. Скажи.

– Не скажу. Ты не очень-то. Играл он! Этак и я его обыграю, согласись он бороться. Тогда я посмотрю, какой он игрок.

– Ну, всё. Не могу больше! Давно так не смеялась. Даже под ребром заболело... Ой, что-то я проголодалась. Постеснялась там поесть.

– А у нас кусочки от праздничного торта. Думаю, что это мешает моей руке? Надо бы честно поделить трофеем. Я свою долю уступать не намерен.

– Кто бы сомневался. Можем кинуть жребий, кому все достанется. Хотя жалко студента. Черт с тобой, пойдем ко мне пить чай. У тебя, небось, и чая приличного нет.

– Чай как раз есть, приличный. Нет приличного общества вроде тебя. Но сейчас я хочу ледяного... Хочу продолжения праздника. По дороге забегу в «Волну». Я только захвачу алмазы, я их в гостинице оставил.

– Не нужно брать шампанского, у меня есть. Тащить ещё.

– У тебя есть – это есть у тебя. Не встревай, не женское это дело. Да и тащить тут – два шага.

– Черт возьми, как приятно, когда мужчина разговаривает как мужчина, – она почти поет эти слова и пританцовывает.

– Повод имеется. Диплом почти готов, мелочь какая-то осталась. Эх, Савве не успел электробритву купить. Все из-за тебя, между прочим. Надо будет вернуться.

– Надо будет... Хочу петь и танцевать. Трампам-пам.

– Эх, сейчас бы разломленных крабовых голяшек, сваренных на пару с соленым желтком утиного яйца!

– Садизм какой-то... Хорошо, если краб ушел из жизни с восторгом... Петь и танцевать. Трампам-пам. Жалко краба...

– Не придирайся – это я вычитал в кулинарной книге.

– Тогда прикажи подать мне морского окуня с имбирем, зеленым луком и соевым соусом... Хочу в классики играть. Кстати, ты читал «Игру в классики»?.. Эх ты, студент. Конечно, не читал.

– Кажется, и я проголодался.

– У меня дома шницели из телятины, уже готовые. Почти австрийские. Такие, знаешь, красивые, важные. Ну, подумай: какими еще им быть? К ним картофельный салат, грибочки в сметанном соусе. Выловлю, думаю, беглеца в миллионном городе и приведу домой. Накормлю насильно. Кажется, дождь будет. Небо закрыло. Чувствуешь ветерок? Беги уже за своим алмазами. «Волна» скоро закроется.

Шампанского я взял две бутылки и еле уместил в сумку. Пришлось вынуть черновики дипломного проекта и сунуть под мышку. Благо, мы почти у дома. Через пять минут мы уже были в квартире Татьяны.

– Э-э, не туда! Мыть руки и сразу на кухню, – сказала Татьяна, когда я по ошибке направился в гостиную. – Это была шутка, приглашать я тебя не собиралась. Что-то я не сообразила...

– Спасибо за доброе слово, за ласку. Приободрила ты меня, – сказал я, не скрывая обиды. – Это значит: особо не располагайся, да? Чай хотя бы выпьем?.. Может, ты просто стыдишься неприбранной комнаты?

– И не надейся. У меня всегда прибрано. Я одна живу, – сказала Татьяна. – Просто хочу, чтобы ты не оставлял меня одну на кухне. Ну и... держал бы себя в руках. А руки у тебя сильные – справишься. Открывай уже бутылку. Вот я достала свою, она холоднее. Говорю же: у меня всё готово. Разогрею только.

На шум пришла соседка. Я слышал, как они разговаривали в прихожей. Сначала соседка сообщила, что Татьяну искал новый жилец сверху, затеявший ремонт: тот хочет, чтобы они вскладчину поменяли проржавевшую между их квартирами водяную трубу. Тот якобы просил передать, чтобы утром Татьяна не уходила, не встретившись с ним. Потому соседка и пришла, а то они со Славкой уже легли и... почти смотрели телевизор. Они обе засмеялись после «почти смотрели телевизор». А когда соседка узнала, что Татьяна не одна, то перешла на полусшепот.

– Как?! Ты что, Тань? Это на тебя не похоже. Шутишь! – удивлялась соседка.

– А я, Ленок, сейчас сама на себя не похожа, – отвечала Татьяна, и обе приглушенно смеялись.

Татьяна пригласила соседку за стол и та, скорее из женского любопытства, согласилась. Я в это время разламывал шоколад, прикупленный к шампанскому. У соседки уже горели глаза, когда она переступила порог кухни.

– Здравьете, я на минутку. Елена! – Протянула руку. – Очень приятно. О-о, шампанское! С удовольствием. Славка будет меня потом облизывать.

Особенно был заметен красивый овал ее лица с мило заостренным подбородком. Взгляд под нитками бровей выдавал женщину, желающую нравиться всем и всегда. Лицо и шея белые, руки нежные. Она все время поправляла велюровый халат в области груди, мне кажется, неосознанно привлекая к ним внимание. Известие, что она еще минуту назад была с мужем в постели, и они «почти смотрели телевизор», придавало Елене какую-то порочную привлекательность. От шницеля она отказалась: только глоток шампанского – и домой. Она не хочет нам мешать.

– Ленок, ты не мешаешь, – поспешила сказать Татьяна. – Что тебе такое вообразилось? В гостях нам дали по куску торта и мы решили выпить чай.

– Ну да, конечно. Заливайте! Ни торта, ни чая не вижу. Вижу батарею шампанского и богатую закуску!

И только тогда я вспомнил, что освободил руку от коробки с тортом в вестибюле ресторана. Перед тем как идти в зал за шампанским, оставил ее на полке пустого гардероба, а уходя, конечно же, о ней забыл. Что было делать, не возвращаться же за нею? Впрочем, и Татьяна недолго разубеждала Елену в ее догадках.

Мы выпили три раза, открыли вторую бутылку. Я узнал, что они теперь коллеги: одна из них нашла работу другой в проектном институте. Кто кому – не помню. Оказывается, Татьяна заведует отделом технической литературы в том институте. Они обсудили начальство, график отпусков, премиальные, нового соседа сверху, а уходя, Елена еще раз поздравила меня с окончанием учебы, поцеловав в щеку на глазах у изумленной Татьяны. Она тут же ответила в шутовском тоне:

– Я вам не мешаю? Нет, я ничего – пожалуйста, пожалуйста. Продолжайте. Просто Славку жалко: он вот уже целых сорок минут почти смотрит телевизор в полном одиночестве.

Снова посмеялись над «почти смотрит телевизор», и Елена ушла, явно не желая покидать нашу компанию. Как только мы остались одни, Татьяна сказала:

– А теперь! – Она подняла указательный палец. В задачнике, как говорит Айзик, спрашивается: почему я не пустила тебя в гостиную! Тсс! Берем наши бокалы, бутылку, не забыть шоколад, салфетки на всякий случай, выключаем здесь освещение и тихо-тихо уходим. Осторожно – не упади, до прибытия в пункт назначения не будет видно ничего.

Гостиная нас встретила едва заметной игрой цветных лампочек, поочередно загорающих по всей комнате, и медленная мелодия на космическую тему. Татьяна перешла на шепот:

– Перед тобой диван – садись. Рядом столик. Можешь на него поставить бутылку. И бокал, если захочешь.

Мы сели. Молчим.

– Мы должны говорить шепотом? – спросил я. – Кого боимся разбудить, кошку?

– У меня нет кошки, – отвечает. – Тут другое. Тсс! Только тихо. Смотри.

Она отключает лампочки и включает другое освещение. В дальнем углу загорается объект, похожий на камин. Я на минуту впадаю в мистическое состояние. Вглубь камина идет дорога. По сторонам – замки, сторожевые башни. Где-то видны гномы. Выше них застыли в полете сказочные существа: феи, ведьмы, драконы. Дорога уходит в лес, под своды густых и мрачных деревьев. А наверху – ночное небо с мерцающими звездами. Я хотел было подойти ближе, но Татьяна удержала: «Не сейчас».

Она взяла бокал, приглашая и меня сделать то же самое. Мы выпили. Сказала, что свет ей поставил однокурсник, мастер по этой части,

а камин – ее изобретение. В дни тоски и невыносимого одиночества она садится перед волшебным камином и уносится в сказку. Она вообще много что умеет. Сидеть в отделе технической литературы не основное ее занятие. Она умеет искусно оформлять квартиры, красиво обустроить усадьбы, дачные и садовые участки. Эта профессия везде уважаема, но почему-то у нас не принято обращаться к таким специалистам. Но желающие все-таки есть. А началось просто: помогла друзьям с ремонтом квартиры и дачи в стиле, который она им рекомендовала. Результат увидели их многочисленные знакомые, те рассказали другим – и она стала получать заказы. Дизайн – это именно то, для чего она рождена. Но государство не считает ее вправе этим заниматься и получать деньги. И один раз она чуть было за это не пострадала. Заказчик отвез ее на свою дачу, чтобы она осмотрела участок, сделала наброски, предложила варианты. Затем пригласил в дом, чтобы она нарисовала свое видение и сообщила, во что ему обойдется ее услуга, солгав, что в мансарде жена с детьми вешают занавески. Она рисовала, а в это время хозяин накрывал на стол, мол, не отпустит без угощения. А уже через несколько минут, когда она отказалась пить коньяк, он пытался затащить её в кровать, в борьбе она поранила губу – вот тут остался шрамик – о замок его спортивного костюма. Она не помнит, как вырвалась и выбежала на пустынную улочку в изорванной кофте, со сломанным одним каблукком и кровоточащей губой. А тот кричал вслед, что если только пикнет о произошедшем, то посадит её за незаконную деятельность – не знает она, с кем имеет дело. Подобрал её дачник на мотоцикле с коляской и довез – спасибо ему – до самого дома.

Что? Почему не замужем? Второй вопрос в задачнике: почему я не замужем? Она была замужем. Да. Правда, давно. Как говорится, на заре туманной юности. С ним ничего не получилось, он был славным, но слабым человеком. Даже детей не смогли родить. Вероятно, он был в том виноват, наверняка он. Она уверена, с ней в этом смысле все в порядке, но... почему-то не получилось у нее и с другими, потом уже, когда развелась с мужем. Других было не так много, но были. Всего двое... нет, трое, с мужем – трое. С этими она встречалась короткое время, и всегда это были какие-то случайные встречи, чтобы могло получиться. Но... хотя... как могло получиться, если ни один из этих людей ей не нравился. Это важно: человек должен нравиться, чтобы родить от него ребенка. Она не выносила кислых запахов мужских тел, то были не ее запахи. Только после разрыва с ними она поняла, что ей не нравилось ни как они одеваются, ни как разговаривают – её организм сопротивлялся зачать плод от чуждого ей мужчины. Бывало, она не хотела, чтобы они оставались в её квартире на ночь, а шли бы прямо среди ночи, откуда пришли. И все. Больше никого не знала, даже близко к себе не подпускала. Знаешь, а теперь страх появился: а вдруг в ней дело? И возраст...

Слышишь? Ты слушаешь?.. А то бы остался, а? Разве здесь нет работы? Да сколько угодно. Ты быстро поднимешься, я знаю. Я сделаю тебя самым счастливым человеком на свете! Не веришь? А давай поспорим. Я очень хочу, чтобы ты был со мной. Всегда. Ты смотрел бы вдаль своим таинственным взглядом и рассказывал мне, что там – за морями-океанами – видишь. А я в это время смотрела бы на тебя. Я могу смотреть на тебя часами, годами... столетиями. И мы бы никогда не умерли. Люди умирают поодиночке, они умирают, потому что друг другу чужие, так себе – случайные знакомые. А мы бы друг друга любили и стали бы бессмертными. Только я могу сделать тебя счастливым. Разве ты этого не понял? Глупышка, ты ещё не разбираешься в женщинах. На твоём месте я ухватилась бы за такую, как я, и ни за что бы не отпускала. В моих сокровищницах несметные запасы любви. И я никого не поила из этих волшебных кувшинов. Ни одного мужчину. Не нашелся такой. Я готова отдать тебе все. Слышишь?.. Молчишь. Веришь, я вижу в темноте, как кошка. Господи, до чего же мне нравится твой взгляд. Ты как будто смотришь в запредельность. Ведь так можно смотреть только на то, что не имеет ни очертаний, ни границ... Я говорю серьезно. Как никогда. Ты нужен мне, слышишь? Иначе стала бы я тебя искать? Да ни за что на свете. Никого. Никогда.

Я онемел от волнения, как будто не было долгого и сблизившего нас поцелуя в трамвае. Я держал в руках податливую руку Татьяны, ощущал на себе ее дыхание, даже чудилось, что слышу стук ее сердца. Сверкнула молния – я успел запечатлеть ее растерянный взгляд и влажный блеск приоткрытых губ. Ветер залетел в обе открытые форточки и вздул занавески, как паруса на боевых фрегатах. Он качнул люстру, пошарил в углах, затем ворвался в кухню и на минуту пропал. Вернулся он с новой силой: ударом открыл оконную створку, уронив на пол коробку с карандашами, смёл со стола салфетки и бросил к моему лицу кончики Татьянинных волос, пахнувшие предгрозовой свежестью...

Большую часть времени, оставшуюся до защиты дипломного проекта, я проводил в институте на консультациях, гулял с друзьями, ходил в кино. Мы виделись с Татьяной только вечерами. Пару раз мы устраивали застолье с Еленой и Славкой – один раз Татьяна их пригласила, потом они нас позвали. Не забыть эти вечера, наполненные остроумными шутками и беспричинным смехом. С тех пор в голове сидит выражение «и когда мы почти смотрели телевизор». Навестили мы и Савву в его квартире. Я отнес ему электрическую бритву, извинившись за задержку подарка. Он смутился, покраснел, передал бритву оценить своей невесте, которая оказалась в тот вечер у него. В квартире была чистота, которую там давно не видали. Надо сказать, пили мы только чай, и Савва время от времени виновато смотрел на меня, мол, сам понимаешь, в оборот, заразы, взяли. Потом они приходили на набережную прогуляться. Его

невеста, которую я нарек «японочкой», и тогда была немногословна. Ели в кафе мороженое, лорд Баттенберг нам кланялся, а Савва записал адрес Татьяны. Вот, собственно, и все.

В аэропорту меня провожала одна Татьяна. Она храбро держалась до объявления посадки, пыталась даже шутить, а потом разревелась так, что я долго не мог её успокоить. У пропускного пункта из пассажиров оставался я один. А она всё смотрела на свои руки и говорила, что обронила все свои надежды. Она так их берегла, держала ото всех в тайне, но ничего не сбылось. «Что это? – подумал я. – Как бы с ней не случилось чего». Но мое молодое сердце ничего не чувствовало. Я знал: и мое пребывание в этом городе, и люди, с которыми я там познакомился, всё это временно. Я устал за эти пять лет. Неустроенность, отсутствие домашнего уюта и постоянный страх не окончить институт, подвести родителей – истощили мои душевные силы. Мне хотелось домой – скорее жить свою настоящую жизнь.

Моя история могла бы на этом закончиться, потому что, кроме одного письма, Татьяна ничего мне больше не присылала. Недели, примерно, через две по приезде домой я получил письмо, в котором она просила не обременять себя скорой женитьбой, а пожить немного для себя. Вполне возможно, что она меня в ближайшее время кое-чем удивит, хотя и не знает, как к этому отнесусь. Но, как бы там ни было, это принесет мне счастье, не сейчас, так потом, когда-нибудь. Я ответил, что как раз-таки свадьба уже намечена, приглашу обязательно. Ещё через две недели я послал телеграмму с приглашением. Какой же я был глупец! Конечно, не было ни поздравления, никакого другого ответа.

А я ей писал: через два месяца, через полгода, писал по письму каждый год, потом на десятилетие окончания института, на двадцатилетие – писал ей, как своим однокурсникам, но ответа не было.

Как ни странно, мне ни разу не удалось попасть на встречу с выпускниками в город моего студенчества. Все было недосуг, да и никогда встреча с прошлым не приносила мне радости. Прошлого нет, а если оно и существует где-то, то не в том уже виде, в котором нам запомнилось. Нет смысла с ним встречаться – оно не приносит ничего, кроме разочарования.

Я попал туда через двадцать семь лет. После того как семейная жизнь пошатнулась, после осознания, что ни в ком из родных – ни в жене, ни в детях – не имею близкого сердцу человека, а ещё после двухнедельной депрессии и лежания на даче подобно затонувшей галере. Я собрался и поехал за билетом в город моей юности и корил себя всю дорогу, что эта мысль не пришла мне раньше.

По прибытии я снял номер в гостинице, принял душ и направился к Татьяне. Было сухо, но ветрено. Солнце уже не грело, и люди его попросту не замечали, ожидая дождей и скорого похолодания. На звонок

в дверь вышел светловолосый подросток в спортивном костюме. Он сказал, что я, наверное, ошибся, здесь такая не проживает. Да, сами они живут давно, он был ещё маленький, когда переехали сюда. Я извинился и позвонил в соседнюю дверь – в квартиру Елены и Славки. Открыли не сразу, и я хотел было уйти, думая, что никого нет дома, как вдруг за дверью зашевелились. Потом ещё с минуту на меня смотрели в глазок, я это чувствовал. Наконец, замок щелкнул и появилась женская голова с взлохмаченными волосами. У женщины было какое-то перекошенное лицо и явно что-то не то с левым глазом – он был опущенный, как и вся сторона лица. Уж очень недоброжелательно глядел этот глаз, хотя, возможно, женщина никак этого не хотела. Она продолжала меня осматривать, не пытаясь выяснить, что мне нужно. И вдруг меня кольнула догадка – не следы ли это некогда мило заостренного подбородка, который затерялся на располневшем лице? Я его обнаружил. Неужели это она?

– Лена?.. Это ты, Елена? – спросил я.

– Я, кто ж еще? – ответила она без тени радости или удивления в голосе. Ни одна черточка её лица не дрогнула. – А я вас сразу признала. Совсем не изменились. И как это людям удается?

– Скажешь тоже. Не завидуй – ничего нам не удается. – Я указал на соседнюю дверь, спросил: – А Татьяна... Что Татьяна?

– Подождите внизу, на аллее. Я спущусь, – сказала она, не меняя ни каменного выражения лица, ни холодного тона в голосе.

– Елена, а почему ты называешь меня на «вы»? – спросил я.

– Мне как раз за молоком, – продолжила она, как будто не слышала моего вопроса. – Только я долго собираюсь, учтите, – и захлопнула дверь. Я сказал вдогонку: «Привет Славке», но вряд ли она услышала.

Я спустился, вышел на аллею. Думал, сяду на скамью, эта дама, как я погляжу, и в самом деле соберется не раньше чем через час. На скамье справа, в сторону ротонды, сидела шумная молодежь. Ближайшая скамья слева, в сторону речного вокзала, была занята древним стариком с инвалидной тростью. Отходить далеко было нельзя, я мог не заметить появления Елены. Так постою, решил я, буду смотреть на реку. Я так давно её не видел.

Елена появилась минут через десять, с завернутой в газету то ли коробкой, то ли небольшим альбомом для фотографий, то ли книгой. Махнула рукой, мол, идите сюда. Сказала:

– Поверили, что буду долго собираться? Что мне собирать: надела шапку, куртку и вперед.

– Ну, мало ли... – ничего путного я не нашелся сказать. Но меня она не слушала.

– Даже ноги ни во что приличное не вставишь, отекают. На меня давно никто не смотрит. А мне всё равно. Пойдемте.

Елена посмотрела на меня, не поворачиваясь, искоса, я снова видел только её левый глаз. Было что-то презрительное в этом взгляде по отношению ко мне. Она молчала.

– Мы в магазин? За молоком? Погода у вас замечательная! – сказал я.

– Ничего замечательного. Эта погода говорит: скоро я вам покажу кузькину мать. Холода вон обещали, дождь со снегом. Короче: у нас мало времени, я рассказываю, что касается вас, а охи-вздохи, пожалуйста, у себя там. Вы где остановились, в гостинице? И не перебивайте меня. Без того, знаете, с трудом подвожу мысли к языку. Сегодня еще слава богу. Так вот: умерла Татьяна, двадцать лет назад умерла. Дочке...

– Как! – я остановился.

– Вот так! Идемте, идемте, мои молоко ждут. Значит, дочке было шесть или семь лет, в школу мы её собирали, это я точно помню.

– У нее дочь?

– Вы какой-то не слава богу! И что с того? Не знаете, откуда дочери берутся? Да, дочь. А вы как хотели? Я просила, между прочим, не перебивать.

– Хорошо, я больше не...

– Сгорела она быстро. Мы ничего толком и не поняли. Мать с братом приехали. Но в больнице с нею была я. Мать простуженная, вся больная, её не допустили. Эх, Таня, Таня, какое сердце. Всегда ласково меня называла... Леноч, Леноч... а сама уходит уже. Доктор осмотрел и пошел к себе. По лицу его было все понятно. Я зачем-то вышла из палаты, буквально на пару минут, и слышу оттуда непонятные звуки. Бегу обратно. Матрац сместился. Видимо, она хотела встать, да где взять силы. Таня бьет по сетке, по каркасу кровати, да так бьет – в кровь разбила руку. Леноч, говорит, позови доктора скорее, я умоляю! Нет, Таня сказала «скорее, я умираю». Я побежала за доктором, он курил на лестнице – я туда. Я, говорит, уже ничего не могу сделать, но пойдёмте. Когда мы вернулись, Тани уже... Никогда не забуду эту руку в крови... и ее открытые... бездонные... безумно красивые глаза. Ей было только сорок. Не сделал счастливой её волшебный камин. А сколько надежды на эту жизнь она таила в себе, не рассказывала никому.

– Елена, почему не написали мне об этом? Разве трудно было? – спросил я.

– Знаете, как мой внук отвечает, когда его ругаешь, что он то или это не сделал? Команды, говорит, не было. Вот и мне команды не было. Таня говорила: придет – расскажешь все, не придет – не беспокой, у него своя, настоящая жизнь. Она часто повторяла эту фразу, про настоящую жизнь. Не от вас она её слышала, нет?

– Не знаю, не помню. – Я не мог дальше идти. Сказал: – Мы не могли бы где-нибудь присесть?

– Некогда мне присаживаться. Славка ногу подвернул, лежит. Капризничает, как маленький. Каши вот попросил. Ему за семьдесят, он же много меня старше. Помните, наверное. Так вот, дочку они забрали к себе в район. Квартиру сдали студентам, я присматривала и аккуратно высылала им деньги. Потом её решили продать – глупо, конечно, ребенок ведь растёт. Не мое это дело. Брату понадобились деньги в его бизнесе, вот и продали. Племянницу он обеспечивал хорошо, тут я ничего не скажу. Но, знаете, дети быстро растут, девушке уже больше нужно, чем девочке. Она училась на заочном отделении и в сессию жила у меня. А у кого ещё? Таня мне как сестра была. Дочка её стала, я вам скажу, красавицей – не насмотришься. Мамины глаза, волосы, даже ходит как мама, а все остальное... в остальном... в общем, нормально. Пока не окончила университет, она торговала на улице бананами, апельсинами, да. Подрабатывала. Это там, в районе. И как-то приезжает в университет заграничный молодой ученый. Целый барон, понимаете, наследник богатого рода. А сам с виду простой ученый, приехал к нам зачем-то. Правду сказать, я не совсем поняла, кто он. Родом из Италии, живет в Швейцарии, работает в Германии. Чтобы мы так жили... Вот они в университете и познакомились. Так себе – шапочное знакомство. Она сессию сдала и к себе уехала. А он возьми и поезжай туда, искать ее. Выспрашивает, ищет, ищет – и на тебе, находит за лотком. Апельсины-мандарины, привет из Абхазии. Думаете, его это смутило? Нисколько. Говорит, выходи за меня замуж, умру на месте, если откажешь. Премилый парень, были они у меня. Чуть не забыла, вот вам подарок от меня. На память. Все-таки Танина дочь. Куча её книг у меня осталась. Она хотела бывшим однокурсникам раздарить, но не все приехали на встречу. За эту книгу она получила какую-то европейскую премию, молодежную. За дебют, говорят. За переведенную, конечно, книгу. Откуда у нее талант, не пойму. Инженеры все. Она её ночами писала, когда жила у меня. Какое это трудное дело, скажу. Я впервые такое наблюдала. Напишет слово, встанет, походит, ляжет, снова встанет, еще чуток напишет, и плачет, плачет... Плакала без конца, пока писала эту книгу. Думала, умом тронется девочка. Вот и наш магазин. Я на минутку.

Большую часть рассказа о дочери Татьяны я прослушал, на что мне это? Но подарок взял, протянул руку и взял машинально. Дальше мне тяжело было слушать Елену. Захотелось уйти, остаться одному, осмыслить потерю человека, которого двадцать лет как уже нет в живых, а я узнаю об этом только сейчас. Смотрю на набережную – как будто моя первая встреча с Татьяной произошла вчера. Думаю, попрощаюсь с Еленой и пройду немного.

Появилась Елена, спросила:

– И не посмотрели, что там завернуто?

– Я после посмотрю, – сказал я, – в спокойной обстановке. Тревожно как-то на душе, Елена. После ваших-то рассказов. Хочу пройтись немного.

– Как знаете. Что, и не проводите даже? – спросила она, читая надпись на пакете молока. – Уф, думала, жирное взяла. Нам жирное молоко ни к чему.

Горше всего на свете было видеть в моем состоянии её каменное лицо.

– Да, конечно, – сказал я. – Провожу.

– Как-то я видела в городе вашего друга, Савву. Он был с дочерьми. Вылитые японки. У него что, жена японка?

– Не знаю. Что-то было в ней от них, это правда. Но дочерей я не видел.

– А дочери самые настоящие японки по внешности. Савва какой-то проектный институт возглавляет. Забыла, как называется.

– А вы откуда его знаете?

– Приходил к Тане со своим другом. Нет, братом. Артистом. Гуляли тут. Потом он не раз здесь появлялся.

– Кто, Савва?

– Нет, артист этот.

Мне стало еще хуже, чем минуту назад. Так вот в чем дело. Елена не зря о нем заговорила. Теперь понятно – за что-то она хочет расковырять мою рану.

– Елена, вы хотите сказать, что между ним и Татьяной...

– Я ничего не хочу сказать. Просто говорю, что было.

– То есть... дочь... его? Айзика?

– Станный вы! Я откуда знаю?! Может, его. А может, она выставила этого артиста куда подальше. А может, и вовсе не пускала к себе. Говорю – гуляли здесь. Таня закрытый человек была.

Ах, Савва, гадкий, маленький сводник. Теперь понятно, почему он взял у Татьяны её адрес. Разумеется, чтобы привести к ней своего брата. Тот, поди, от Саввы не отставал. Воображаю, каким был тот спектакль с участием профессионального артиста. Камин, говоришь, гномы, ангелы и феи. Что ж, во всяком случае, всё встало на свои места. Скорее, скорее прочь отсюда. Слава богу, вот и подъезд. Холодно благодарю Елену, прощаюсь, ухожу. Нет, я почти убегаю. Она что-то говорит вслед, но я не разбираю её слов. И слышать её не хочу. Оказываюсь на аллее, там, у скамеек, урна – туда и брошу её подарок. А затем никаких прогулок по памятным местам, а прямо к землякам – напиться. Надо же, руки дрожат. Столько лет я носил в себе мечту об этой женщине. Я поступил гадко, что там говорить, а она – ну не век же ей меня ждать, у неё своя жизнь, настоящая. Бог мой, кого я упрекаю – умершую! Сводит горло. Не хватало еще расплакаться. Я не плакал с двенадцати лет, а такое ощущение, что не удержусь. Но почему так больно?! Черт, во

сколько же слоев завернут этот подарок, изорвать на мелкие кусочки и выбросить в мусор. Урна там, рядом со стариком. Это, оказывается, книга. Ну да, она же о книге какой-то говорила. А я думал... черт его знает, что я думал. Вырываю листы, засовываю в карманы, не сорить же прямо здесь, скоро доберусь до урны. Нет, надо остановиться, выровнять дыхание, да, так лучше. Смешно будет, если расплачусь на виду у прохожих. Татьяна дочь написала книгу, ну да, европейская премия. Ребенок-то в чём виноват. Я правильно сделал, что остановился, стало намного легче дышать. Так можно и сердечный удар получить. Это всё неприятности последних лет. Надо делать глубокие вдохи-выдохи. Ну а как посмотреть текст – он вроде ничего. Написано поэтично, ярко и выпукло, как сказал бы мой учитель. Успокоюсь немного и пойду. Ребенок ни при чем. Название «Затаённые надежды», «посвящается моей матери». Мать – святое, умница. Вот почему она много плакала, когда писала книгу. Это что же, отсутствует фотография автора? Нет, что ли, фотографии? Теперь книги печатают как попало. Да нет, просто листы склеились. Вот и фотография. Да, вижу – волосы матери, вижу – глаза матери. Глаза и волосы матери... минутку... а в остальном... Я повторяю слова Елены. Не может быть! Как! Да это же я! Глаза и волосы матери – а все остальное я! Совершенно я! Это ведь я на фотографии. Только у девочки длинные волосы и глаза изумрудные, а в остальном – я! Елена, ведьма, что ей стоило продолжить фразу после «а в остальном» и всё по-человечески мне рассказать. Думаю, она и дочери ничего не сказала обо мне. Команды, говорит, не было. Как это не было? Именно что была команда: поручено же ей было всё мне рассказать, если приеду. Дочь – вылитая я! Именно таким я был, когда окончил институт. Из книги выпадает листок, подбираю, на нем адрес, её телефоны. Я плачу в голос, слезы застилают глаза, не вижу, куда ступаю, быстрее бы добраться до скамейки. Уже недалеко, нащупываю её, точно слепой, сажусь. Хочу смотреть и смотреть на её лицо, я не успел толком его разглядеть, слезы быстро сделали мои глаза невидящими, ну да, не плакал с двенадцати лет, сколько всего накопилось.

– Что вы плачете, молодой человек? – говорит старик, к которому я подсел. – Сегодня такое солнце. Посмотрите, как оно играет на листьях. Красиво-то как! Почему-то никто их не замечает. Жалко. Эх, сюда бы еще духовой оркестр Дома офицеров!

Диана КАН

Диана Кан родилась в 1964 году. Окончила факультет журналистики МГУ и Высшие литературные курсы Литературного института им. Горького.

Работала журналистом и редактором в Оренбурге, Самаре, Москве. Активно сотрудничает со многими изданиями и интернет-сайтами России как поэт и журналист. Член Союза писателей России с 1995 года.

Автор множества книг и публикаций. Живет в Оренбурге.

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде
Себя невольно чувствуешь поэтом.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая выюжные узоры.

Завет Берды, мятежной слободы,
Назло всем новомодным экспертизам
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

Дух бердяшей, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.
Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озорвал воистину по-царски.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная недаром

Яик-реку строжайше нарекла,
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, Уралом.

«Какое ж тут смирение?» – спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячелетние мечты
О русском счастье, что всегда некстати.

Вдоль по камушкам Кама бежала –
Своенравная песня-река.
В Волгу вовсе впадать не желала –
Мол, я ей не простушка Ока.

Я раздольнее, шире, древнее...
Кто первое – открытый вопрос.
Кто во мне усомниться посмеет?
Кто в меня не поверит всерьёз?

Говорила Оке, говорила –
Не роднилась бы с Волгой-рекой.
И объятья её отклонила,
Впредь оставшись свободной Окой.

Что бы проще? Сбежав от истока,
Суверенный блюсти интерес.
И небес лучезарное око
Отразив, разливаться окрест.

Но сестрица не вняла совету,
Восприяла совет за навет...
Эй, откликнись, Ока моя, где ты?
Песня, волжская песня в ответ!

Что тут думать и сетовать долго,
Волгу лютой захватчицей клясть?
Проложу-ка я русло под Волгой,
Чтоб в объятья её не попасть!

Чёрный ворон поможет мне в этом.
Каркни, милый, как выйти на свет!
Коли ты не родился поэтом,
То греха в злобном карканье нет.

Раздвигая волною камня,
Кама глубже под землю пошла...
Но в заветное это мгновенье
Каркнул ворон, увидев орла.

Каркнул ворон от страха и злобы
Перепутав, кто грязь, а кто князь.
Из земной потаённой утробы
Вышла Кама и – с Волгой слилась.

Это ж надо такому случиться!
Голубая печаль глубока.
Обнимается с Камой сестрица –
Вдохновенная Волга-река!

До часу рожденья тихи,
О славе мечтая едва ли,
В душе вызревают стихи –
Беспечные дети печали.

Они появляются в срок,
Что Господом Богом назначен.
И между лирических строк
Ликуют вселенные, плача.

И смотрит на строчки поэт,
Как смотрит Творец на творенье:
«Откуда взялось ты на свет?» –
Не в силах унять изумленья.

На распахнутом настежь просторе
Город мой, белокаменный князь,
Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубясь.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам – повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
«Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?..»

Но и он себе ведаёт цену:
Хоть не будет трезвонить о ней.
Горделивый, строптивый, надменный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.

Татарник да вишарник –
Заброшенная дача.
Не будь неблагодарным,
Взгляни на мир иначе!

Всяк в этом мире сущий
Своей свободой дышит –
Сорняк дикорастущий,
Что опекаем Свыше.

Всё, битое судьбою –
Не скопище заброшек,
Включая нас с тобою
И всех бродячих кошек.

Вишарник в небо рвётся.
Татарник небом дышит.
И пьяный бомж смеётся,
Закусывая вишней.

Плохой погоды у природы нету!
Так отчего, зачем и почему
Я здесь со страхом ожидаю лета,
С тоскою смертной – зимушку-зиму.

От жданок беспросветных сердце стынет
Который год, который век подряд.
Но вовсе не погода – резкий климат
Виной всему, синоптики твердят.

Резка и я – чего скрывать? – бываю.
Но и опять погода ни при чём!
Повинность здешних предков отбываю
Железным плугом и стальным мечом.

И мне до остального нету дела:
Судьба такая и удел таков –
Пашу-ратаю отчие надель,
Попутно отбиваясь от врагов.

Повинность эта – древняя казачья –
Уральских гордых голубых кровей –
Захлёбываться горьким व्यюжным плачем
В степи глухой, что выжег суховой.

Соратник, друг, товарищ, враг
Парадоксально рады встрече.
Наш поэтический сходняк –
Содружество противоречий.

Хоть назовут потомки «съезд»
Товарищей заклётых стаю,
Здесь никого никто не съест:
Поэт поэта понимает.

Грустим, хохочем, пьём вино,
Витийствуем, исходим желчью...
Мы все равны. Нам всё равно –
Хотим утешиться, да нечем!

Не каждый тут друг другу мил,
Но держим небо, как атланты:

Посильно каждый – в меру сил
И в силу своего таланта.

И в том, кто сердцем изнемог,
И в том, кто пребывает в вере,
Одновременно, видит Бог,
Живут и Моцарт, и Сальери.

Мир озарён прощальной улыбкой
Ультрамарина, что целует просинь.
Кармином, охрой, киноварью пылкой
Поделится аксаковская осень.

Здесь пурпура и терракоты встреча,
Что сходятся в лесах стеной на стенку.
Но никакого нет противоречья
В прощальном буйстве красок и оттенков.

И так щедра осенняя палитра
Волшебного аксаковского слова,
Что как тут обойдёшься без пол-литра...
Дождя животворящего грибного?

Всю жизнь рифмуя розы и морозы,
Всю жизнь воюя с собственной судьбой,
Я не унижусь до презренной прозы,
А, значит, не унижусь пред тобой.

Перед тобой, дарившим вдохновенье.
Перед тобой, ушедшим в злую мглу.
Перед тобой, мой непутёвый гений,
Хвалу воспринимавший, как хулу.

Любовь и кровь пожизненно миксуя
И раскрыляясь на сквозных ветрах,
Господне Имя не тревожа всеу,
О сокровенном как сказать в словах?..

Буксуя на житейских бездорожьях
И матом кроя брENNую тщету,
Назло всем тем, кто жизнь мою итожит,
Остаться поэтессой предпочту.

Лариса МАРЕМКУЛОВА

АВТОР VS ПЕРЕВОДЧИК

Автор против переводчика: кто кого

В переводческом деле есть парадокс: чтобы тебе давали работу, нужен опыт. Чтобы получить опыт, нужна работа. И как выбраться из этого тупика? Первый автор, который доверит тебе свое произведение – кто он? И насколько велика будет его роль в процессе перевода?

У меня нет готовых и однозначных ответов на эти вопросы. Есть только собственный опыт, который нарабатывался годами и маленькими шажками. Возможно, он проиллюстрирует тему сегодняшней статьи.

Новичков никто не любит

Жестоко, но правда. Каждый писатель или поэт ищет опытного переводчика и готов заплатить дороже, зато с гарантией. Хотя об оплате говорить еще рано, важно, чтобы автор согласился хотя бы посмотреть в твою сторону. Итак, история номер один – о том, кого не надо переводить никогда.

На свой страх и риск, еще будучи студенткой, я перевела подборку стихов одного автора, которого и по сей день считаю одним из лучших наших поэтов, если не сказать самым лучшим. Однажды мне посчастливилось встретить его в нашем общежитии, он пришел к знакомым. И ему сказали, что вот эта девочка переводит его, не желает ли взглянуть. Ответ был хуже ушата холодной воды: «Ты что, считаешь, что русский язык знаешь лучше, чем родной?». И все. Даже не глянул. Своим полудетским умом я тогда поняла, что этого автора я никогда в жизни переводить не стану, даже если попросит. Он, правда, так и не попросил...

Еще один случай с автором. Это была одна из первых поэтесс с большими претензиями и самомнением. Стихи были легкие, так называемые «женские». Принесла я ей свои переводы. И тут начался разбор по косточкам: это слово стоит впереди, а должно идти вторым, а этого слова у меня вообще нет... Скажу коротко: не состоялось. Ну и хорошо.

О чем это? Иногда приходится стучаться в закрытые двери, и какая-нибудь да откроется.

Когда открылась дверь

В те благословенные времена, когда существовал Литфонд, а Союз писателей хорошо финансировался, начинающим переводчикам поручали делать подстрочные переводы. Не бог весть что, но заработок какой-то

перепадал. Главное, накапливался опыт, а что еще главное – авторы узнавали о нашем существовании. Плоды скромного «чернового» труда отправлялись в столицу маститым переводчикам, прикормленным в каждом издательстве.

Мне повезло, наверное, больше других. После института я в силу разных причин долго оставалась без работы, занималась детьми и хозяйством. Меня разыскал председатель Союза писателей Адам Шогенцуков, светлая ему память. СП тогда интересовался судьбой выпускников Литинститута, которых он же отправил учиться на переводчиков. Адам Огурлиевич привез мне рукопись новой книги для подстрочника. Потом еще работу прислал, уже других авторов. Мне нужно было только приезжать в СП, сдавать работу и получать гонорар, кстати, неплохой по тем временам.

А однажды Шогенцуков сказал: «Мне понравилось, как ты перевела мою повесть. Немного подработай, и я отошлю в Москву в издательство». Спустя время с огорчением сообщил, что принять мой перевод отказались. Причину скрывать не стали: у нас есть свои переводчики, которых нужно кормить.

Так что все еще было впереди.

Мораль: если ты новичок, не пугайся никакой работы. Хорошие подстрочники тоже хлеб, и они помогают набить руку и часто приоткрывают двери.

Если тебя не находят – найди сам

Немного наглости никогда не повредит. Если автор не идет к переводчику – переводчик пойдет к автору и предложит свои услуги. А еще лучше – принесет переведенную без спроса вещь. Редко у какого автора не дрогнет сердце, когда он увидит свое произведение в готовом виде на другом языке, в данном случае на русском.

В свое время я предприняла такой ход, и не с кем иным, а со знаменитым и обожаемым мною Борисом Утижевым. Просто взяла из журнала его пьесу «Грушевая роща» и перевела. (Кстати, пьесы, сценическая, живая речь – нет ничего лучше для языковой практики! Но это из другой оперы.) Так вот, перевела, отпечатала на машинке два экземпляра и отнесла автору. Не найдя его в редакции «Луашхьэмахуэ», отправилась в театр, где он ставил очередной спектакль. Молча выложила перед ним пьесу. Он сперва не понял, потом изумился и громко произнес: «Уэллэхьы «Кхъужьейбэр зэридзэкIам!» («Она перевела «Грушевую рощу»!»)

С этого началось наше творческое содружество. Дальше пошли новеллы Бориса Утижева, большая пьеса «Князь Кушук». Но уже по заказу автора.

Подарки судьбы

Каждый изданный перевод – это подарок. Каждый хороший автор, доверивший тебе свой труд – тоже подарок. А самый большой подарок – это слова автора, довольного твоим результатом.

Я не могу пожаловаться на невнимание авторов. Но на всем долгом пути я получила три таких подарка, равных которым не бывает.

Однажды ко мне вернулась моя рукопись – мой подстрочник повести Адама Шогенцукова – тот самый, что отвергли в Москве больше тридцати лет назад, – и перевод московской переводчицы Лебединской. На экземпляре перевода рукой Адама Огурлиевича было написано: «Неудачная попытка переделки подстрочника. Не годится к изданию!». Это была повесть «Свет в окне». Обе папки принесла мне дочь писателя Нина Адамовна Шогенцукова со словами: «Папа всегда хотел, чтобы это сделала ты...» И книга вышла. Она особо дорога мне как память о дорогом человеке, сделавшем мне такой подарок и во многом определившем мою творческую судьбу.

Я много переводила Мухамеда Кармокова, светлая ему память... Не скажу, что это был мой любимый автор. Но именно он сказал фразу, которую я никогда не забуду. Мы обсуждали будущий перевод третьей книги «А тополя все растут», и Мухамед Мухажирович сказал: «Мне все равно, делай с книгой что хочешь. Главное, чтобы это делала ты». Высшая степень доверия, которую я вряд ли заслуживала...

И еще один подарок сделал мне незабвенный Борис Утижев. Он ушел из жизни, оставив после себя огромный вакуум... Спустя время после его безвременного ухода ко мне пришел незнакомый мужчина и представился племянником Бориса. Это был Хасан Журтов. К печати готовился сборник избранного Бориса Утижева. Оказалось, что этот великий, удивительный человек был еще и провидцем. Он знал, что не будет жить долго... В его бумагах была найдено письмо, где он составил список своих произведений для сборника с оговоркой: на случай, если потомки решат издать книгу после его смерти. И в том списке отдельной строкой значилось: «Все, что перевела Л. М. (я)»... Никто и никогда не делала мне таких драгоценных подарков.

Я желаю молодым талантливым переводчикам найти своих авторов. А авторам – помнить, что новичок новичку рознь. Доверяйте молодым, ведь именно их имена зазвучат завтра в литературных кругах, и возможно, именно к ним в скором времени вырастет очередь из желающих препоручить свое произведение.

*Светлана ШХАЛАХОВА,
театровед, заслуженный деятель искусств Республики Адыгея,
член Союза театральных деятелей РФ,
член Союза журналистов РФ*

НЕПРОСТАЯ ОПТИКА ПОЭТА И ДРАМАТУРГА ЗАРИНЫ КАНУКОВОЙ

О поэзии Зарины, а может быть и обо всем ее творчестве, трудно сказать иначе, чем сказано переводчиком ее стихов, российским поэтом Георгием Яропольским в предисловии к сборнику «Тонкие связи»: «Во-первых, З. Канукова (или ее лирическая героиня, если угодно) лишь отчасти пребывает в земном, материальном мире, «данном нам в ощущениях», равно как и в конкретном, «текущем» мгновении. Не зная ограничений ни в пространственном, ни во временном плане, она с легкостью принимает в свой мир совершенно недоступные другими способами участки вселенной, хотя и нельзя утверждать, что ей это однозначно в радость:

*Что за пора пришла?
Скажите, Бога ради!
Невидимую грань
я вдруг пересекла:
что было впереди,
теперь осталось сзади,
смотрю с той стороны
зеркального стекла.*

Во-вторых (что, впрочем, тесно связано с первым), З. Канукову не меньше (если не больше) занимают события в собственном духовном мире, нежели то, что происходит вовне. Она не из тех, кто пишет на злобу дня, не из тех, кто воспринял призыв писать лишь о том, что доподлинно знаешь, и в равной мере чужда как бытописанию, так и декларативности:

*Довольствоваться окоемом,
который виден наяву?
С мирком расставившись законным,
на встречу с вечным и огромным
я в сновиденьях уплыву.*

В-третьих, она обостренно ощущает свое родство со всей вселенной, что, опять-таки, было бы невозможно, если бы не выполнялись первое и второе условия:

*Едва пробудившись, заходятся в зове
лесистые горы вокруг,
а я откликаюсь, ведь жизнь наготове,
живое живому есть друг.*

*Да, жизнь в моих венах вот так же струится,
как в жилках скалы и листка,
подернута рябью из строчек страница,
как озеро или река.*

*К себе приникая внимательным слухом,
застыла вселенная вся.
Я – часть этой силы, близка с нею духом,
мир вместе со мной родился».*

Эти мысли большого поэта взяты в предисловие к этой статье о драматургии Зарины Кануковой, потому что и в этом жанре срабатывают те же принципы, о которых пишет Г. Яропольский в связи с ее поэзией. Это и есть женская оптика Зарины.

Зарина Канукова – известный, сложившийся адыгский поэт и драматург. Сегодня можно говорить о ее пьесах в частности, и о драматургии в целом. В статье ставится задача анализа одной из наиболее заметных ее драм – пьесы-триптиха «Жили-были и всегда», и выявляются особенности мира героев автора, закономерности постановки драматического конфликта, раскрытия характеров, национальные особенности авторской драматургии, а также точки соприкосновения с современной российской драмой.

Зарина занимается драматургией достаточно давно, с начала 2000-х годов, когда еще работала заведующей литературной частью Кабардинского государственного драматического театра им. А. Шогенцукова. Тогда в ней проснулся интерес к драме как театральному жанру, и первые пьесы были написаны для этого конкретного театра. Необходимо сказать о том, что в период ее работы в театре З. Канукова восстановила репертуар Кабардинского театра, начиная с момента его основания в 1937 году до первого десятилетия 2000-х годов. Таким образом, благодаря ее систематизации, выстраивается история театральных постановок по оригинальным пьесам кабардинских авторов – по сути, история кабардинской драматургии в ее практической реализации. Это пьесы П. Шекихачева, З. Кардангушева, Х. Теунова, А. Шогенцукова, А. Шомахова, Х. Карданова, А. Шортанова, Ф. Балкаровой, А. Кешокова, М. Шхагапсоева, З. Аксирова, А. Шитова, Х. Сохова, А. Махова, Х. Шекихачева, П. Кажарова, М. Кармокова, Б. Утижева, З. Налоева и других.

Обратившись к написанию пьес, Зарина Канукова продолжает традицию адыгских авторов. Многие проблемы ее драм тематически перекликаются с творческими поисками драматургов старшего поколения и, прежде всего, с жанром семейной драмы.

Пьеса «Семья Наго» («Нагъуэ и унагъуэ») была поставлена в Кабардинском театре, спектакль имел успех у зрителей Кабардино-Балкарии, был показан в 2010 году на театральном фестивале «Наш кавказский меловой круг» в городе Майкопе Республики Адыгея.

«Одна из задач, которая сегодня стоит перед национальным театром – постановки современных пьес. Спектакль «Семья Наго» по пьесе Зарины Кануковой показал Кабардинский драматический театр им. А. Шогенцукова. Театр повел непростой разговор о распаде современной семьи, о предательстве и конфликте поколений. Здесь очень просто и естественно рассказана история матери и ее взрослых детей – трех сыновей и дочери. Два сына уже обременены семьями, но браки их нельзя назвать счастливыми, оба на грани развода. Третий сын вернулся из тюрьмы, куда попал, приняв на себя чужую вину. Дочь тоже несчастна. Они случайно оказались под крышей отчего дома, который невестки хотят продать. Сюжет строится вокруг этого события, в которое оказываются втянуты все герои», – писала в статье «Круг, в который всегда можно войти / II Межрегиональный фестиваль адыго-абхазских театров «Наш кавказский меловой круг» российский театральный критик и театровед, член жюри фестиваля, заведующая литературной частью Московского Театра сатиры Нина Карпова в № 7-127/2010 журнала «Страстной бульвар» (www.strast10.ru/node/1000).

Необходимо отметить, что уже тогда многие темы, творчески интересные Зарине Кануковой, были намечены и заявили ее как талантливого молодого автора. Семейная драма, показанная открыто и жестко, с одной стороны шокировала, с другой – заставляла задуматься о том, настолько ли в нашем народе еще тверды семейные опоры, устои, ценности. Персонажи пьесы, вышедшие из «лихих девяностых», потерявшие многие человеческие качества, вульгарно пытались заявить о своем праве на «красивую жизнь», как в рекламе. И для этого они не собирались себя ни в чем ограничивать.

Многие вопросы, поставленные драматургом в том материале с максималистской жесткостью, находят свое продолжение в других пьесах Зарины. В частности, в пьесе «Жили-были и всегда». Прошло более десяти лет, как была написана пьеса «Семья Наго», многое поменялось в жизни адыгского общества. Многие были подвергнуты сомнению, объективной оценке, жесткой критике. И с новой пьесой, кажется, пришло новое поколение.

Но кажущееся новым на первый взгляд поколение, генетически связано с предыдущим – эти современные герои, фактически, продолжатели

тех же конфликтов, что и в первой драме. Просто они уже прожили какую-то часть жизни, у них родились дети, и все вместе они переключались в новую реальность, где изменились условия их существования. Кто-то из родителей тех персонажей сегодня Старик и Старуха, кто-то из их детей – Сын, наркоман, кто-то из их дочерей не хочет бросать больную мать – Женщину, поэтому и не способна устроить свою личную жизнь. Их родители, которые несправедливо поступали в 90-х, оставили в наследство детям неуверенность, страдания, гипертрофированное чувство долга, невыполненное ими. Карму.

Эти две драмы монтируются в единое полотно, поэтому им уделяется особое внимание.

Кроме них, З. Кануковой написаны пьесы «Сезон яблок» («Мы 1 эры-сэильхэ»), «Победители» («Къэзыгъэзэжьхэр»), «Мост» («Лъэмьж»), САРИЯ.

В свое время будет сделан разбор и этих произведений. Сегодня речь пойдет об одной пьесе.

Фольклор, миф и структурные парадоксы в пьесе-триптихе «Жили-были и всегда». Сказки в обратном порядке

Это пьеса-триптих, где в трех частях, не связанные, казалось бы, между собой общими интересами, герои с различными возрастными и социальными характеристиками проживают не связанные единым временным порталом события, рассказывают простую житейскую историю, определяя три возраста и выявляя три типа конфликтов.

Показательны названия миниатюр и последовательность частей: «Старик и Старуха», «Отец и Сын», «Мужчина и Женщина». Именно так в небольшой по объему пьесе автор выстраивает человеческую жизнь. Так Зарина располагает ценностный ряд жизни, основные ее события, основные сюжеты. Начиная как бы с конца – с закатного вечера человеческой жизни стариков, дорабатывающих свою программу, через отца и сына подходит к главной странице жизни, к той, через которую жизнь может и должна продолжиться. К любви.

Показателен предподсыл к пьесе: «Безымянных героев не связанных между собой сюжетов объединяет потребность любить и быть любимыми». И удивительно, что к любви мы подходим только в финальном сюжете.

В первой части действуют, правильнее сказать, тихо проживают, Старик – 80-ти лет и Старуха – его ровесница.

Основной прием здесь, и он несколько выбивается из общей стилистики повествования, он – сказочный, аллегорический. Персонажи как будто вышли из фольклорного портала. Их внешне неторопливые, наполненные внутренней экспрессией диалоги обращены к событи-

ям и ситуациям прошедшей жизни. Они пытаются через туманную завесу будущего посмотреть лики прошлого, вызвать их к жизни, пообщаться с ними, вернуть их и провести вместе с собою в завтра. Этот временной портал призрачен, он – скорее миф, нежели явь. Но эти две одинокие души, забытые в «сказочном лесу» между явью и сном, между былью и вымыслом, потерявшие ощущение времени, вызывают не только чувство одиночества и безысходности, но и легкую, добрую улыбку. Этим двоим есть, что вспомнить, о ком говорить, чем гордиться, чему улыбаться... Возможно, автор достигает такого эффекта за счет особой стилистики, ритмических повторов. Герои как бы возвращаются все время к сказанным перед тем фразам, чтобы не забывать: помнить имя родного человека, задавать вопросы об одном и том же и получать односложные, ненавязчивые, простые ответы. Здесь ни у кого нет задачи (да и сил) энергично и с напором доказывать свою истину (этим отличается современный мир). Люди берегут покой друг друга.

И все-таки за внешним спокойствием действия первой части скрывается подтекст – другая, активная внутренняя жизнь:

Старик. А мы где живем?

Старуха. А мы в жизни живем.

Старик. Мы из жизни? Мы живые, получается?

Старуха. Ну да, мы живем в жизни, значит, живые.

Старик. Нет, не так. Мы не из жизни.

Старуха. Это почему же?

Старик. Потому что мы не выходим к живым, в жизнь, наружу. Мы тут сидим взаперти, ты мне сказки рассказываешь, как маленькому.

Старуха. Это потому, что мы постарели. Пока силы были, мы к людям выходили.

В экспозиции задаются основные приемы автора, которые проходят через миниатюру: раньше мир был сказочно добрым, и они радовались людям, но с годами герои все больше уходили в свой внутренний мир и замыкались, пока не оказались запертыми вдвоем в этой комнате. Они сидят взаперти (внутри) и не выходят «к живым, в жизнь, наружу». Но, если вчитаться и вдуматься, то в подтексте – понимается, что настоящее – внутри. И это не только зона комфорта.

У Старика и Старухи есть желание выйти, общаться с кем-то, но нет сил. Речь идет не о физической старости, не о психическом истощении, не о медицинской патологии. Здесь – иное. Это страх перед миром, в котором оказаться в одиночестве можно гораздо быстрее, чем жить в гармонии у своего очага.

Сказка, раскручиваясь, превращается постепенно в триллер, теперь выйти можно только тогда, когда все будут дома: «Все дома, каждый вечер все дома. Мы можем каждый вечер выходить...».

Следующая тема – история про деревню Невидаль – продолжение авторского сказочного приема. Невидаль – это та даль, которая ожидает Старика и Старуху. Через ее образ Старуха пытается примирить Старика с финалом жизни и примириться сама. Здесь активно работают подтексты, важно не то, о чем говорят, важно, о чем молчат. Эта деревня Невидаль – конец пути, смерть, за которой ничего уже нет. Но парадокс в том, что она же и надежда. Там закончатся все страхи, и станет хорошо. Далеко-далеко эта деревня, с нею связано продолжение жизни. Ведь пока они мысленно идут к деревне, они живы. А когда достигнут ее – это предел, за которым ничего нет.

Сказка – уход от действительности. В настоящей деревне, вспоминают герои, умер Буба. Это помнилось еще два года назад, но потом позабылось. В родной деревне, куда стремится Старик, ничего не происходит, там повсюду смерть.

А в сказочной деревне Невидаль – сказка, туда приходит из лесу Медведь.

А в родной деревне никого не осталось: померла племянница Таисия, и все остальные тоже померли: «Тошки нет, Арины не стало, за ней следом Дуня ушла, Тина. Они друг за дружкой как-то... Илья помер, бедный, не болел, ничего, взял да тихо ушел... Костя, он пораньше вроде...» – перечисляет Старуха. Она, может, и не хотела бы эту действительность описывать, открывать эту жестокую правду и тем травмировать Старика. Она пытается всеми силами увести его в мир сказки, где покой и умиротворение, где в фольклорном контексте можно остановить время и успокоить страхи.

Спокойную, размеренную речь Старухи, заданный ею темпоритм, время от времени «разрывают» воспоминания Старика. Он пытается «выйти» в реальный мир, совершить привычные действия, ритуалы, которые так важны для человека, но присел на дорожку и застрял, затекли ноги. А ведь собирался за город, хотел выйти в гараж, сесть в машину и поехать в деревню. Деревня – как ключевое слово, место силы, место счастья. Это корни, исток, начало, жизнь...

Старуха опять пытается вывести его в сказку. Продолжается рассказ о Медведе.

И опять воспоминания «разрывают» сказку. И опять врывается реальная жизнь: это наш сын продал гараж. Эта боль плохо переносится Стариком. Это ранит настолько, что он предпочел забыть об этом. В его сознании возникают и тают образы. Сын, медведь, лиса, белочка, дочь – забыл, вспомнил... Яблоки, внуки, стать в угол, звери переделали всю работу – вспомнил, забыл... «Поедем к Бубе... поедом... я не вижу твоего лица».

Старик. Слышишь? Я, перед тем как в деревню-то поеду к Бубе, хочу тебе что-то сказать.

Старуха. Что ты хочешь мне сказать?

Старик что-то шепчет на ухо старухе. Та заливается смехом.

Старуха. Скажешь тоже! Да ладно...

Старик. Ну, правда же. Я – самую видную, самую ладную отхватил.

Старуха. Так то когда было... Сейчас страшная такая...

Старик. Сейчас ты свет мой в окошке, и в душе моей свет... Лица твоего уже не вижу...

Старуха. И ты мой свет... Я-то своего лица не знаю, как твое...

Старик. А там уже какая разница – твое, мое...

Старуха. Яблочко хочешь?

Старик. Нет, давай поспим лучше.

Старуха. Давай поспим...

Обнявшись, засыпают.

Кончается сказка, кончается старый, деревенский, патриархальный мир. Та действительность, которая наступает, совсем другая. В какой-то степени, она связана с прошлым, но ее механизмы действуют иначе.

Мы не знаем, кто эти люди, из какого они народа. Это и не важно. Потому что идет обобщение общечеловеческого масштаба. Жизнь проживают и старятся все. Но по каким-то, только нам, адыгам, понятным нюансам отношений, особым знакам можно предположить, что эти люди могут быть близкими и нам по роду.

Структура пьесы выстраивается по принципу обратного действия, которое должно привести к логике начала с логики конца.

Маргиналы второй части

Здесь действуют Отец – 60-65 лет и Сын – 20-25 лет. Горожане.

Начало миниатюры не предвещает, казалось бы, ничего сложного. Отец собирается на торжественное мероприятие. Его пригласили на старое место работы, откуда он ушел на пенсию, для вручения грамоты почетного работника транспорта. Спокойная ситуация утреннего разговора между отцом и сыном постепенно начинает разрушаться из-за постепенно нарастающего напряжения между ними. Это происходит не вдруг, не сразу. Эти двое просто продолжают свой, ставший уже обыденным, разговор, от которого оба устали. Слово за слово, и ты уже втянут в сложный мир натянутых отношений.

Отец. Ты сможешь. Ты же можешь, как все!

Сын. Только не начинай, не говори со мной так...

Отец. Я просто рад. Два месяца. Без отравы этой, без дружков, пропади они... И дальше сможешь, справишься.

Дальше – больше. Ломается медленный, поступательный ритм экспозиции и начинается наступательное движение действия. Это уже не

та доброжелательная атмосфера взаимопонимания между этими двумя персонажами. Реплика за репликой втягивает в напряженную драматическую ситуацию. И открываются «скелеты в шкафу».

Становится ясно, что эти два человека, даже не родные по крови, обречены совместно проживать под одной крышей в память об одной единственной женщине, которая одному была матерью, другому – любимой женщиной. Эти двое, оставленные ею после смерти, в память о ней вынуждены заботиться друг о друге. Особенно Отец, старающийся удержать Сына от употребления наркотиков. Из-за этой пагубной страсти умерла мать, в чем вольно или невольно упрекает его Отец. В свою очередь, Сын также не прощает Отцу упреков, которыми тот изводил его мать при жизни за то, что она не родила ему ребенка.

Эта внешняя фабула житейской и, к сожалению, банальной ситуации ничего не внесла бы нового в тему пьесы, если бы не особый ее подтекст. Именно в подтексте звучит трагическая нота обреченности этих двоих: не только боль и обида друг на друга, не столько желание выяснить отношения, сколько долг держит их рядом друг с другом. Долг Отца перед любимой женщиной, которой он перед смертью дал слово вылечить Сына от его пагубного пристрастия. Долг Сына, который также дал слово матери, находящейся на смертном одре, бросить это занятие.

По мере раскрытия характеров этих людей становится ясно, что чувство долга гипертрофировано еще и чувством вины, которое изнутри «взрывает» душу каждого. Не может быть покоя.

Авторская позиция не дает никаких дополнительных «зацепок» для придания объема этим характерам. Сухие слова, действия без особых ремарок, – о многом можно только догадаться самому. Вот эта лаконичность стиля, сдержанный темпоритм, выяснение отношений почти без эмоций создает атмосферу полного бессилия и безысходности. Смена ритма работает здесь как бы в унисон с сердечным ритмом: сердце стучит то часто, то наступают перебои, а потом – спазм и все замирает... и снова готово повториться это же состояние. Эти двое вымотали друг друга. У них уже почти нет сил изменить ситуацию. Здесь и просьбы, и обещания, и клятвы, и ненависть, и боль, и истерика, и желание покончить со всем этим...

Только сон Отца, в котором к нему пришла умершая жена, ломает жесткость структуры своей мистикой. Отец не сразу понял предупреждения, высказанного во сне женой. Только убедившись в том, что Сын вновь вернулся к своим друзьям и ворует их последние деньги – его пенсию, он взрывается. Сын прячется от него и запирается в ванной.

Отец. Тебе мало мучений? Мало, да? Заново все хочешь? И мне, и себе ад устроишь опять? Обещали тебе дозу? Или сразу, сразу тебе?.. Открой дверь, я сказал! Вышибу ведь, своих позову, вынесем тебя с этой дверью.

Дверь не поддалась, в ответ молчание. Мужчина сник, сел под дверью.

Эх, сынок, сынок... С матерью твоей я говорил всю ночь, и она, мне показалось, радовалась. Ты же два месяца продержался. Такой ад прошел... А мама твоя... Она оттуда все видела. За тебя вот порадовалась. И за меня тоже. Мне так показалось... Она привычку такую имела, когда чем-то довольна была, руку – в бок и бровь – в дугу. Вот такой мне привиделась вчера ночью... Я ей говорю: вот, мне звание дадут и, значит, к пенсии прибавку. А там, глядишь, сын лечение закончит, в себя придет, работу ему найдем... Она мне улыбается, улыбается, и что-то тихо говорит тихо-тихо. «Пускай» вроде сказала. Я отвечаю: «Пускай так пускай». Она лоб так поморщила, еле я расслышал: «Не выпускай». Я тогда не понял, о чем она. А оно вот так, о чем... Она при жизни-то упрекала меня, что я грубоват с тобой. Пару раз упрекнула. Я потом старался, как мог, помягче. Хотя надо было, наверное, строже. Мальчик все-таки. Она тебя баловала слишком. Любила очень. Чувствовала, что неладное может случиться, пыталась возле себя удержать. Во двор даже одного не выпускала. Так они в школу пришли. Тебя заприметили почему? Тебя именно. Воронье над птенцом собралось, накрыло чернотой своей. По венам пустили отраву. А кому они так пустили – считай, вычеркнут из нормальной жизни. И обратной дороги нет. Но я матери твоей обещал... Она так меня просила... И помягче с тобой чтобы я... И чтобы спас... И вот опять ночью сказала: «Не выпускай». А я не сразу понял. Я-то думал, уже забрал тебя у вороньей стаи, больше дорогу к ним искать не будешь. Двадцати им нет, а они черные изнутри, морщинистые все... Словно тени, на живых и не похожи. А помирают в муках каких. Я сам видел... Тебя, скелетика моего живого, я сколько раз держал, в судорогах да муках. Меня будто нет уже самого – я боль твою пока проживал, сердце мое огнем выжгло и золой оно стало.

Всех забыл, всех оставил, родню, друзей. Тебя по врачам водить и дома с тобой сидеть – вот и все мои дни.

«Вылечи его, вылечи, пожалуйста... Не бросай, не бросай... У него никого нет...» – все твердила твоя мать, так и завещала... И вот ночью пришла ведь, сказала: «Не выпускай... Воронье в подворотне накроет...»

А я поверил, что обратно человеком стал. Выпустил. Думаю: пусть поймет, что доверяю. А он... Хлеб купил, сдачу принес... Старика обрадовал... А сам ждал, когда я уйду...

«Не выпускай... Не выпускай...» Выпустил!

Этот отчаянный монолог важен в структуре пьесы, он характеризует обоих персонажей. Важен этот монолог и для полного раскрытия этой семейной драмы. Потому что этот отчаянный крик Отца рождает новую идею. Ту идею, которая объединит этих двоих на борьбу с вселенским злом – наркотиками, наркодилерами, бандитами. Это та идея, которая

поможет им преодолеть чувство разобщенности по отношению друг к другу, соединит их в семью и даст надежду.

Многое проясняется. Деньги, которые взял Сын, еще не потрачены на наркотики, Сын не успел «сорваться», у него еще ясная голова, он всего лишь встал перед выбором. Он и сам еще очень даже сомневается, Сын возвращает деньги отцу. Выбор сделан. Конфликт вскрыт. Сказаны неприятные, но нужные слова, брошены упреки и подозрения, обострено до предела чувство вины, которое для каждого из них на проверку становится важнее их отношений, продолжения и смысла их жизни. Приходит понимание того, что здесь каждый увлечен своими личными переживаниями, открыться в которых им помогла эта острая и болезненная ситуация скандала.

Здесь необходимо сказать и о том, что, говоря об отношениях внутри семьи, вскрывая болезненные темы, находя свои, особые подходы к раскрытию родовых завязок, зацепок и драматических конфликтов, находя методы к их раскрытию, Зарина Канукова глубоко понимает и чувствует национальную природу адыгского характера, его особую ментальность с устойчивыми культурными установками. Трудно назвать сегодня адыгского драматурга, так мастерски владеющего языком, понимающего природу семейных отношений и владеющего методикой раскрытия этих конфликтов, как З. Канукова.

А далее предлагается открытый финал. Эти двое, как на войне, объединились против враждебного мира. Они полны решимости помочь себе и друг другу избавиться от страхов, от привычек, ведущих к полному краху, готовы создать новое сообщество. Это и есть новая идея по преодолению жизненных катастроф. Может быть, этим маргиналам повезет, и они вернуться в человеческое сообщество. Два звонка в дверь – пришли люди, принесли награду. Сами. Ушли. Отец и Сын остались одни. Звонок в дверь.

Кто это?! Может дружки, может кто-то другой.

«Сын. Говорил я тебе, иди, опоздаешь...

Отец. Если бы вышел, точно опоздал бы, навсегда...

Стучат в дверь. Стук громче и громче.

Стучат два сердца. Тихо-тихо».

А это уже иной ритм. Это иной темп. И сердца бьются не вразнобой. Может быть...

Старо, как мир. Мужчина и женщина

А вот здесь уже приходим к самой классической ситуации. В третьей части – мужчина и женщина. Мужчине – 35–40 лет, Женщине – 30–35 лет.

Их отношения. Тема сколь актуальная всегда, столь и банальная. Казалось бы, что такого можно сказать нового. Автор удивляет своей особой женской оптикой и здесь тоже.

Эта миниатюра тоже про долг, про исполнение этого долга, про жертвенность. А также здесь сильнее, чем в других частях пьесы, проявляется национальный подход к культуре отношений.

Долг дочери перед больной матерью ставится выше личных отношений с любимым мужчиной. Причем ситуация доводится до абсурда, когда вдруг понимаешь, что этим двоим договориться не так сложно. Но между ними ставится препятствие – недопонимание, невозможность услышать другого и быть услышанным. Преодолеть это им ни в одиночку, ни вдвоем невозможно. При этом ясно, что препятствие искусственное, его, по сути, и нет, если найти в себе силы, мудрость, психологическую возможность обсудить ситуацию. И договориться.

Мужчина предлагает варианты решения проблемы Женщины с больной матерью. Становится известно, что он всячески пытается помочь. Приобретает необходимые лекарства, делает еще какие-то необходимые вещи. В конце концов – любит Женщину и ждет ее решения.

Она ухаживает за тяжело больной матерью. Ради того, чтобы не расстраивать ее, Женщина жертвует своим временем, своими чувствами к дорогому ей Мужчине, жертвует и его чувствами. Но мать не вылечивается, отношения с Мужчиной под угрозой расставания. А Женщина настолько увязла в своих переживаниях по поводу исполнения дочернего долга, что не желает даже принять саму мысль о том, что можно хотя бы обсудить возможные варианты изменения ситуации во благо всех.

Мать и ребенок – серьезная привязка. Именно она, эта пуповинная связь, не дает Женщине выйти за устоявшиеся нравственные категории. Это гипертрофированное чувство долга разрушает жизни кругом, само оставаясь при этом целостным. Чувство ответственности перед больной матерью сильнее всех остальных чувств.

Мужчина стремится как-то объяснить ей необходимость жить своей жизнью – не только жизнью матери. Он начинает рисовать ее портрет, чтобы как-то задержать ее у себя, чтобы начатый им разговор не прерывался, и они смогли разобраться вместе.

Так же, как и в других миниатюрах, здесь обнажается конфликт. Несмотря на всю безвыходность их ситуации, выявление конфликта – уже серьезный шаг на пути решения их проблемы. Поэтому этот метод так важен для автора. Здесь ненавязчиво проходят линии тонкостей национальных отношений, культуры отношений. Мужчина уважает мнение Женщины и старается подвести ее к верному решению исподволь, в результате логических размышлений, а не давления. Женщина выше своего личного интереса ставит долг по отношению к родному человеку. Для нее не выполнить его равносильно личностной гибели, потому что

она не сможет справиться с чувством вины. И в то же время эти двое не могут принять совместное компромиссное решение. Это так похоже на драматические взаимоотношения внутри адыгских семей, где всякое самостоятельное решение каждого ее члена должно соразмеряться той ответственности, которую, по неписаным законам бытия народа, несет человек.

Зарина Канукова, как и в других миниатюрах пьесы, не навязывает своего мнения. Она не утверждает ничьей правоты, она не осуждает ничьей позиции, она как бы ставит зеркало, в которое можно посмотреться и увидеть многое. Ей, как автору, не нужно впрямую доминировать. В этом ей помогают своими поступками и размышлениями герои ее пьесы. Находясь как бы в свободном пространстве, это тоже один из драматургических приемов автора, имея абсолютное право выбора, своими рефлексиями в монологах и спорами в диалогах, герои сами ищут и находят свои выходы. В этом и заключается авторская позиция, что она выявляет конфликт и бросает в его эпицентр человека.

В миниатюре «Мужчина и Женщина» конфликт завязан достаточно жестко и дает не совсем ожидаемую развязку.

Женщина. И сегодня, и до этого, и пока ты рисовал, я должна была подумывать и дать ответ...

Мужчина. Портрет я помню, как начал рисовать. Но чтобы просил дать ответ ... не помню. И портрет такой вот получился...

Мужчина протягивает лист, женщина берет в руки рисунок.

Мужчина. Нравится?

Женщина. Да.

Мужчина. Возьми тогда.

Женщина. Ты отдаешь его мне?

Мужчина. Отдаю. И... тебе пора домой. Сегодня ты задержалась у меня.

Женщина. Сегодня, да...

Мужчина. Твоей маме хуже ведь стало...

Женщина тихо выходит, мужчина закрывает за ней дверь. Тут же стук в дверь. Мужчина открывает – на пороге стоит она.

Женщина. Я вернулась

Мужчина. Ты, наверное, что-то забыла.

Женщина. Да, я забыла сказать, что последнее лекарство, что ты достал для мамы, помогло, оно оказалось очень хорошим...

Мужчина. Не бойся, я вас не оставлю. Если не выйдешь замуж за меня, все равно буду помогать. Но сегодня ты впустишь меня к своей матери и познакомишь с ней.

Женщина. Сегодня?

Мужчина. Сегодня.

Зарина Канукова верит в человека, в то, что он найдет верный путь, даст верный ответ на поставленный вопрос. В этом заключается гума-

нистический пафос ее драматургии. Но это уже остается за пределами конкретной драмы. Пусть каждый найдет ответы для себя сам.

Читая пьесы Зарины Кануковой, я думала вот о чем.

Мировая драматургия открыла и разработала множество сюжетов и жанров. Прошла по множеству фабул, обнажила и открыла перед людьми множество конфликтов, проявила разные человеческие характеры. Что сегодня заставляет нас вновь обращаться к ним, давно открытым истинам, и искать свои пути в современном мире. Это вопрос, на который сложно ответить однозначно. Можно искать логику, рассуждать о творческом поиске, желании выразить свое время или выразить себя и так далее.

Совершенно очевидно, что Зарина Канукова ищет свой путь. Она ничего не навязывает, не дает рецептов для улучшения жизни. Она просто позволяет своим героям жить, мучиться, бунтовать, конфликтовать – жить ярко и горячо. Может быть, это неправильный путь, – подумает кто-то. Тут ключевое слово – подумает.

«Жили-были и всегда» – так ведь называется пьеса-триптих. Они, ее Старик и Старуха, Отец и Сын, Мужчина и Женщина, ТАК жили-были. Искали смыслы, любовь, покой. Что-то нашли, обрели, а что-то – утратили, потеряли...

Это современные герои, или антигерои, или персонажи. Но они нужны нам. Потому что пока мы не ответим на многие поставленные в пьесах вопросы, мы можем притормозить в своем развитии и застрять «на холостом ходу».

Сейчас время таких героев, время пьес Зарины Кануковой. Недавно в книге «Антология кабардинской драмы» Шаковой М. К. (2012 г.) автор определила именно ее как надежду и достойного продолжателя традиций адыгской (кабардинской) драматургии: «Много надежд возлагается на то, что продолжит заниматься драматургией поэт Зарина Канукова, из-под пера которой в адыгскую литературу вошли пьесы «Мост» и «Семья Наго» («Куэдк1э узыщыгугъ хьун драматургыу адыгэ литературэм кьыхыхьаш «Лъэмыж», «Нагъуэ и унагъуэ» пьесэхэр зи 1эдакъэ кьыщ1эк1а усак1уэ Къаныкъуэ Зарини»).

Ко всему сказанному можно добавить то, что сегодня Зарина Канукова – единственный молодой профессиональный драматург среди адыгов, серьезно занимающийся развитием этого жанра, пишущий равно успешно на русском и кабардинском языках.

Римма ШОГЕНОВА

НА ЗАКАТЕ ДНЯ

Повесть

Осенняя изморось накрыла землю холодным ковром. Время от времени порывы ветра разметывали ее покров, подобно серебристым бусинам, и открывали взору истинные цвета обмякшей от стужи травы. Своевольный ветер с легкостью обламывал стебли сухостоя и раскидывал по оврагам и рытвинам, снова подхватывал и тут же, потеряв интерес, ронял в размякшую почву. Но ослабевшие корни растений уже не питали погибающие стебли, и они тихо умирали. Стояла поздняя осень, и с каждым днем менялась картина мира.

А в небе хозяйничали свинцовые тучи. Они то застывали над землей тяжелой крышей, то приходили в движение и, сталкиваясь, издавали пугающие звуки, и тогда сверкали молнии и гремел гром, столь необычный в это время года. Венцом всему становился ледяной дождь, который тут же разливался мутными ручьями и пронимал до костей случайных прохожих, нечаянно оказавшихся на улице в этот непогожий час.

Пшизабий не обращал внимания на дождь и холод, он спешил домой, к своей любимой Сакинат. Ничего, что промок весь, у него есть верное средство от холода – любовь жены. Пять лет, как они поженились, а все как будто вчера было, так же свежи и радостны их чувства. Дорога к дому казалась сегодня особенно долгой, и вовсе не потому, что лил дождь, просто соскучился по любимым глазам, по мягкому голосу и теплым рукам.

Их любовь укрепили двое чудных детишек – кудрявая Хураца, которая сейчас побежит ему навстречу с криком «папа пришел», и совсем еще кроха Ладин, посапывающий в своей колыбельке. Предвкушая встречу, Пшизабий улыбнулся и прибавил шаг. Подумал о матери, которая ждет его и всякий раз встречает так, будто не видела целый век. Она прожила трудную жизнь, муж без вести пропал на войне, и вся жизнь ее стала сплошным испытанием. Но она не ожесточилась, не сетовала на тяжкую долю, сына подняла.

Дождь сегодня распоясался, льет без удержу, хлещет по лицу, вышибая из глаз беспричинные слезы. Наконец-то он дома. Распахнув дверь, Пшизабий вошел в дом. С него ручьями стекала вода, будто его окатили из ведра. Он развел руками, словно извиняясь, переводя взгляд с матери на жену, потом на детей.

– Папа пришел, папа! – Сидевшая на теплом приступке печи Хураца вскочила и закружила по дому. – Давайте кушать все вместе!

Не успел Пшизабий перевести дух, как на него навалились двое поджидавших незнакомцев, сшибли с ног и скрутили руки.

– Что такое, объясните, что случилось! В чем я провинился? – крикнул обессилевший от неожиданности мужчина. – Пустите же!

– Там тебе все объяснят, – только и ответили незваные гости, туго связывая ему руки.

– Дайте мне хоть переодеться, весь день под дождем, – просил Пшизабий, – дайте с семьей поговорить.

Наконец он понял, что с пришельцами ему не сладить, и обратился к матери и жене:

– Не бойтесь, может, обойдется все. Время сейчас такое. Разберутся и отпустят, я уверен. Не знаю, что происходит, в чем меня обвиняют. Надеюсь, скоро увидимся. А если не вернусь – затяните пояса потуже и берегите себя и детей.

Заголосила Мамирхан, подкошенная нежданно свалившейся бедой:

– Несчастный мой единственный сын, кто же нам горе накликать, да разве ты хоть кому-то перешел дорогу? За что же это?! – Вслед за ней заплакали испуганные дети, Сакинат взмолилась вслед мрачным людям, уводящим ее мужа:

– Вы люди или нет, не видите горя матери, детей малых, скажите хотя бы, в чем его обвиняют?

– Мама, папа, я есть хочу, куда вы? – заплакала еще громче Хураца, но никому сейчас не было до нее дела. Черные люди бесцеремонно затолкали Пшизабия в машину, так и не дав ему переодеться в сухое. Он только беспомощно оглядывался на свою мать, жену, которые бежали вслед за машиной.

Свекровь с невесткой стояли, обессиленные и беспомощные, они слышали, как плачет девочка и трехмесячный младенец, но у них не было сил выйти из оцепенения и вернуться в дом, к детям. Они смотрели и смотрели на дорогу, на которой простыл след страшного автомобиля. Дождь все не стихал, словно стараясь поскорее смыть отметины случившегося этим холодным вечером. В доме наперебой плакали дети, их крики смешивались с шумом дождя за дверью и эхом заполняли опустевшую улицу. Дети не знали, что их отца везут в тюрьму, они просто хотели, чтобы все было как надо – чтобы мама с папой были дома, приласкали их и накормили ужином.

В ушах Пшизабия все еще стоял плач и мольбы матери и жены. Уволившие его от дома ехали быстро, видимо, желая поскорее управиться с делами в этот непогожий вечер. Их вовсе не занимало, что одним шагом они растерзали в клочья счастье семьи, которая только начала вставать на ноги. И ведь как просили их женщины – эти люди так и не сказали,

в чем его обвиняют. А может, они и сами не знали или им неинтересны были такие мелочи. «Там узнаете», – вот и весь ответ. Всего два слова безразличных, а крышу дома сносят.

Прошли дни, потом недели и месяцы в ожидании. Пшибазий продолжал сидеть в тюрьме, и ему так и не предъявили никакого обвинения, не объяснили, по какой причине оторвали от семьи и малых детей. Несколько раз попадались жалостливые охранники, которые соглашались тайком переслать письмо его родным. Потом счет пошел на годы. Менялись охранники, менялись места заключения. И следы без вины осужденного терялись. Хотя и суда никакого не было. Время такое было после войны, посадили – и все тут, значит, было за что. А подробности знать человеку не обязательно.

Рано овдовевшая Мамирхан вырастила сына одна, а когда он обзавелся семьей, пошли детки – мать уже поверила было, что судьба наконец-то смилостивилась над ней, и чувствовала себя счастливой. Недолго же, оказывается, ей выпало радоваться. Если удавалось получить от сына весточку, сердце матери немного успокаивалось – значит, жив, и слава Аллаху. Они с невесткой затянули пояса потуже, как сказал в день ареста Пшибазий, и продолжали жить, заниматься домом, растить детей. Отчаяние не убивает, а труд – тем более, эту горькую науку Мамирхан усвоила уже давно. Сакинат работала в колхозе, как и все, хозяйство и дети были на свекрови.

Пшизабию тоже ничего не оставалось, как смириться с долей узника. Но разве можно с этим смириться, когда никакой вины на тебе нет! За какую провинность он проводит жизнь в заточении, в то время как его бедная мать, которая и так нахлебалась за годы вдовства, вынуждена оплакивать горькую долю сына, а его молодая жена и малые дети остались без заступника и кормильца? Когда он вспоминал о любимой Сакинат, его сердце сжималось от тоски. Как счастлив был он в те дни, когда спешил домой после работы, зная, что встретит его с улыбкой его красивая, его ласковая Сакинат... Перед глазами вставали образы детей, на которых ему не дали нарадоваться, и тогда в голове зрели отчаянные мысли о побеге. Однако Пшизабий понимал, что это невозможно, надо дожждаться суда, а там... время покажет. Но когда же? Годы идут, а ничего в его участи не меняется.

Сакинат ни капли не сомневалась в невинности мужа, она верила, что справедливость одержит верх, и все разрешится. Мать же неустанно обивала все пороги, пытаясь узнать, где ее сын и что с ним. Нашлась добрая душа, которая под большим секретом сообщила, что Пшизабия содержат в моздокской тюрьме. Как на крыльях поспешила она домой.

– Сакинат, доченька, радуйся! Я узнала, что наш Пшизабий сидит в Моздоке.

Сакинат была счастлива – Моздок, это ведь недалеко, пусть не рядом, зато не Сибирь. Она засуежилась, приготовила еду для передачи и отправилась в путь. С собой взяла Хурацу – пусть отец увидит, как она выросла! Пошли, надеясь, что попадетсЯ какая-нибудь попутка. А если и нет – что ж, дойдут пешком. Любовь и надежда придают силы! Кто сейчас разъезжает на машинах, все ходят пешком. Правда, в такой дальний путь мало кто рискует выходить.

Дочка время от времени жаловалась на усталость, и тогда они оставались передохнуть. Мать давала девочке немного еды и воды, сама старалась не есть и побольше сберечь для мужа. Сакинат была уверена, что приготовленная ее руками еда придаст ему сил.

Попутная машина им так и не встретилась. Измотанные и голодные, они, наконец, дошли до Моздока, нашли и тюрьму, защищенную колючей проволокой. Это хорошо, что не высокой стеной, так хоть есть надежда, что Пшизабий может их увидеть.

Обширная территория тюрьмы находилась в открытом поле за окраиной городка и вся была обнесена колючей оградой. Присмотревшись, Сакинат заметила вдалеке ворота и направилась туда. Она не сводила глаз с тюремного двора, надеясь увидеть среди массы людей своего мужа. Двор был полон сложенных штабелями бревен, видно, где-то здесь находилась лесопилка или мастерская, где трудились арестанты. В тот день Пшизабий, то ли выбившись из сил, то ли задумавшись о своей судьбе, лежал наверху бревенчатой кладки. Сакинат с одного взгляда, не видя его лица, узнала мужа. Казалось, язык присох к гортани, сердце так заколотилось, что она невольно прижала руки к груди. Слезы полились ручьями, и она не успевала их вытирать вмиг намочившим платком. То ли ветер запустил горстью песка в лицо, то ли пелена перед глазами – вновь и вновь вглядывалась в долгожданное видение, и ей казалось, что это обман зрения. Хотела крикнуть, но из груди выходил лишь негромкий, разом осипший голос:

– Пшизабий! Мой Пшизабий! Ты слышишь меня, душа моя? Ты спишь? Проснись, вставай поскорее, я тут, рядом! – Сакинат шла вдоль колючей ограды, держа за руку дочку и не переставая окликать своего мужа. – Я знаю, что это ты, слышишь меня? Вставай скорее, подойди к ограде как-нибудь!

Ветер доносил до слуха голос любимой, словно глядя его по лицу ее словами, и он боялся открыть глаза, чтобы не исчез этот прекрасный сон. И в то же время что-то толкало его: «Встань, Пшизабий, проснись!». Наконец он поддался этому зову и сел, взглядом отыскивая ту, которая, казалось, привиделась ему во сне. И он увидел ее, свою Сакинат, которая глядела на него, держась рукой за колючую ограду. Он застыл на месте от обуявшей его радости, ему показалось, что он родился во второй раз – ведь только в такой день можно получить столь неслыханный подарок!

При всей строгости режима супругам разрешили свидание. Наверное, им помогла сила любви, которая разгорелась в их сердцах с новой силой. А может, вид женщины, пришедшей издалека пешком с ребенком, вызывал жалость. Им позволили побыть вместе тут же, в открытом поле при тюрьме. Муж с женой сидели, обнявшись, и молчали, забыв все слова, которые приберегали для этой встречи, и холодная земля казалась им мягкой периной. Маленькая Хураца словно понимала, как сильно родители соскучились друг по другу, и не мешала им, только тихонько сидела на коленях у отца. А он время от времени переключал свое внимание на дочку, гладил ее по головке и приговаривал:

– Какая же ты у меня большая, какая умница, что приехала папу навестить! – и снова прижимал к себе Сакинат, боясь, что вот-вот их снова оторвут друг от друга.

Еда из родного дома, пусть и остывшая давно, казалась ему райским кушаньем. Отец, мать и дочка поели вместе, и казалось им, будто они дома, за своим столом, а не в этой пустой моздокской степи. Вот, значит, как мало человеку нужно для счастья – чтобы любимые люди были рядом. И мало, и много. И оба сейчас молили Бога об одном – чтобы он вновь соединил их и больше не разлучал.

А время, отпущенное благосклонными охранниками, неумолимо уходило. Убегали последние минуты, и Пшизабий обнимал поочередно то жену, то дочку, то обеих сразу, и сердце у него болезненно щемило при взгляде на них, таких незащищенных. Но делать нечего, приказу охраны надо подчиняться. Пшизабий встал и вернулся за ворота, сплетенные из колючей проволоки. А мать с дочерью смотрели ему вслед, им не хотелось покидать даже такое угрюмое место, потому что здесь находился родной человек. Но делать нечего, Сакинат вытерла слезы себе и ребенку, перевела дух и пустилась в обратный путь. Старалась думать только о хорошем: состоится наконец долгожданный суд, и Пшизабия, конечно же, отпустят домой, а сейчас она должна поскорее вернуться к малышу, обрадовать свекровь хорошими вестями...

Мамирхан и в самом деле немного успокоилась, когда невестка благополучно вернулась и рассказала о встрече с Пшизабием. Значит, жив и здоров ее единственный сын. Надо набраться терпения и ждать. Ничего другого не остается. Надо внуков растить, снохе помогать в домашних делах. Вон какие чудные дети подрастают, кудрявая Хураца и крепыш Ладин. И Сакинат у нее добрая да хозяйственная – таких поискать.

Сакинат и в самом деле была работящая и покладистая. Выросла в большой семье и была подмогой матери во всем. Отец погиб на фронте. Будучи средним ребенком в семье, Сакинат вместе с матерью поднимала и старших, и младших детей. Именно ее мать считала своей опорой, словно не дочь это была, а сестра, на равных с ней тянущая на себе все тяготы семьи. Ее замужество мать восприняла как удар, словно дочь

должна была всю жизнь оставаться при ней. А теперь, когда зять сидел уже не первый год непонятно по какому обвинению, она не упускала случая сказать:

– Выйдет он живым из тюрьмы, не выйдет – одному Богу известно.

Гуашакара не скрывала своего недовольства дочерью, которая живет со свекровью, хотя никакой надежды на возвращение мужа нет. А дочь ее и слушать не желала.

Но вот состоялся суд, на который было столько надежд. Пшизабию вменили какую-то невнятную вину, суть которой он даже не понял, и осудили на десять лет. Это подкосило его, лишило надежды, которая так долго грела его и придавала сил. Теперь далеко, очень далеко отодвинулся тот срок, когда он надеялся вновь увидеть свою семью, обнять мать, жену, детей любимых. Иногда приходили и вовсе мрачные мысли, что он никогда уже не вернется ним, и жизнь его кончена.

Едва Гуашакара узнала эту новость, она тут же принялась обдумывать, как бы поскорее забрать дочь домой. Оно и понятно: старший сын женился и отделился от матери с молодой женой. Теперь Сакинат снова могла бы стать правой рукой матери – взять на себя все заботы по дому, по уходу за младшими детьми. На семейном совете так и решили – вернуть ее как можно скорее. Но когда об этом решении сообщили Сакинат, она вышла из себя и даже повысила на родню голос, что было вовсе на нее не похоже:

– Вы что, совсем с ума посходили? Что за чушь вы говорите? Прекратите немедленно!

Но сторона матери и не думала смириться. Узнав, что за снохой собираются прийти ее братья, Мамирхан призвала на помощь старика Нуха, старшего в роду. Пришли целой компанией во главе со старшим братом Сакинат Арканом. Разговор пошел жесткий, на повышенных тонах:

– Если вас беспокоит, что Мамирхан останется одна, мы оставим ей внуков, а сестра – она наша, и мы ее забираем домой. Только знайте, что мы намерены поделить имущество. Все, что есть в хозяйстве, заработано руками Сакинат, и без доли оставлять ее не позволим.

– Негоже такое говорить! – так же жестко ответил Нух. – Это ее семья, дом Сакинат здесь, ее супруг перед Богом и людьми, слава Аллаху, жив. Это что же, если наш брат попал по навету в тюрьму, ему еще и подножку делать, добивать, так, по-твоему?! Прекрати эти постыдные разговоры, ты в нашем доме находишься, и свои дела мы привыкли решать сами!

– Я сказал, что заберу сестру, значит, заберу, понятно тебе, Нух? И нечего решать судьбу нашей сестры. Ты лучше подумай о том, кто десять лет проведет за решеткой!

Мамирхан все это время не вступала в перепалку, лишь слушала, уронив седую голову на грудь. И думала о своей злосчастной судьбе.

Пока муж был на фронте, верила, что он вернется живым, и это помогало ей не упасть духом, к тому же она растила сына. Но муж погиб на войне. Вырос сын, стал опорой ей, женился на той, которую полубил всем сердцем, и сноха попалась мягкая и ладная – и снова Мамирхан воспрянула духом. Родились двое чудесных внуков – и она почувствовала себя счастливой, решила, что свою чашу горя она уже испила. Не тут-то было. Посадили сына ни за что, но и тут она заставляла себя жить дальше и верить в справедливость, и помогала ей в этом ее добрая Сакинат и детки, которым нужно было отдавать все силы. И вот теперь пришел этот человек с ужасным именем Аркан и хочет разрушить остатки ее семьи...

Наконец старая женщина подняла голову и обратилась к невестке:

– Сакинат, душа моя, моя единственная опора, не слушай никого, подумай о своих детях. Это их дом, их двор, не лишай их отцовского очага, расти их здесь, в роду. Сколько мне еще осталось, дождусь ли сына – не знаю. Живи, как хочешь, будь хозяйкой, а я тебе помехой не буду, при всех клянусь, помогать стану чем могу, только не уходи. Ведь твой супруг не умер, хвала Аллаху, он вернется, не дай ему зайти в опустевший дом.

Сакинат разрыдалась:

– Мама, я не хочу уходить, я хочу жить с тобой и детьми. Но меня никто не спрашивает, все за меня скроили и сшили! Что мне делать? Разве обо мне кто-нибудь думает?

– Не тебе решать! – прикрикнул на нее брат. – Ты возвращаешься к своей матери, вдове, помогаешь ей растить младших детей, да ей и самой уход нужен. Нечего тебе в этом доме делать с чужой старухой. Если тебе ее так жаль, оставим ей одного из детей. Вон Хураца может уже по хозяйству помогать, полы подметать. Пусть живет с бабушкой. А Ладин еще маленький, от него пользы мало, пусть при матери будет. Мы не станем запрещать им видеться, так что друг от дружки не отвыкнут. А подрастут – сами решат, как им дальше быть. Если же ослушается, мы с матерью поклялись отказаться от Сакинат до конца своих дней, не пускать ее на порог родного дома и не ступать на ее порог, даже если она умрет.

Против таких жестких речей старый Нух не нашел больше слов. Аркан же потер руки, затем молитвенно провел ими по лицу в знак того, что разговор окончен и дело сделано. Вышел во двор и решительно подогнал к порогу запряженную волами арбу – делить имущество семьи.

Было ясно, что нагрывавшие незваные гости никого не собирались слушать. Они так решили – и все тут. Семья увозит свою дочь и сестру домой, и ее согласие на то не требуется. Сакинат заливалась слезами от жалости к свекрови, к себе и детям, к семье, которую рушили на ее глазах. Ей стыдно было, что брат вот так бесцеремонно вторгся и перебирает их небогатый скарб. Было бы что брать. Хотя в то время любая

вещь ценилась, будь то старое покрывало, настенный холщовый коврик, матрас. Из супружеской лагуны Сакинат забрали единственную железную кровать, постельное белье, поделили посуду, столы и стулья, итогом набралось кое-что, чтобы наполнить подводу. Бедное сердце женщины обливалось кровью, ничего бы она не хотела более, только бы ее оставили в покое, чтобы она могла стать крышей для своих детей и престарелой свекрови. Но ее мать Гуашакара и брат решили иначе, и перечить она не имела права.

– Что поделаешь, дочка, – только и сказала Мамирхан, – если мужа над тобой нет – ты как лишняя вещь, и каждый за тебя решает, выбросить тебя или прибрать к рукам. А если сына нет в доме – видно, всякий может указывать, как тебе жить. Нет у нас с тобой сегодня никакого права жить, как хотим. – Она обняла изнемогшую от слез невестку. – Твоя родня приняла неправоное решение, себе в угоду. Смирись, будешь приходить с малышом Ладином и навещать нас с Хурацей.

Сакинат уже не могла ответить, она обессилела от горя. Под грозным взглядом брата взяла на руки мальчика и села на подводу. Хураца тоже села на приступок, чтобы проводить мать и брата до дороги. Она еще не вполне осознавала, что через несколько минут расстанется с ними.

– Я буду приходить, – на прощание пообещала Сакинат дочери. – А ты слушайся нану, помогай ей.

Сейчас и мать, и дочь верили, что так и будет. Что они расстанутся на время и будут видеться, когда захотят. И не подозревали, что на самом деле все обернется иначе, и дальше их пути разойдутся. Этот день Хураца сохранит в памяти на всю жизнь как самый печальный, когда над их счастливой семьей закатилось солнце, и жизнь погрузилась в сплошной туман. Когда нарушили ту нить, на которой держится мир – на любви и близости детей и матери. Теперь им всем оставалось одно – страдать и терпеть.

А пока маленькая Хураца не понимала, что мать уходит из семьи, а сама она остается круглой сиротой – без отца и матери, без брата. Потом она будет иногда корить мать в том, что она ее бросила. Но сейчас сидела на приступке подводы, смотрела на мать и радовалась, не думая о том, что через несколько минут она должна будет спрыгнуть и бегом вернуться к бабушке...

Дальше жизнь потекла так, как того хотелось матери Сакинат: дочь снова была при ней, тянула на себе домашние заботы, опекала младших братьев и сестер, работала, как все, в колхозном поле, а что заработает – отдавала матери. За передовой труд ее часто премировали подарками и грамотами, все это тоже Сакинат передавала в руки матери.

Мамирхан не могла смириться с тем, что семья ее, и без того немногочисленная, разбросана волей злых людей. Сын в тюрьме, сноху отобрали, детей разлучили. Наконец она решилась и пошла в Гуашакаре

с твердым намерением – забрать малыша Ладина, чтобы хоть дети не разлучались. А тем ребенок Сакинат был только помехой, ведь он тоже требовал ее внимания, отвлекая от прочих домашних хлопот. Так что они вовсе не возражали и легко отдали Ладина бабушке. У Сакинат, как водится, никто и не спрашивал. Она покорно принимала свою долю, родных совсем не волновало, что она тоскует по своим детям и мужу, что она жалеет свекровь, и вообще хотела бы жить своей жизнью. Бедная женщина и не посмела бы поделиться своими переживаниями с матерью. Да она бы и не поняла ее. Более того, Гуашакара не разрешала дочери ходить к детям. И приходилось Сакинат ускользать к ним с поля, выбрав удобный момент. Работавшие с ней прикрывали ее, чтобы матери никто не донес и бригадир не заметил ее отсутствия. Быстрым шагом она пересекала поле и русло реки между двумя ближними аулами и почти бегом добиралась до дома, откуда ее забрали силой. И на бегу ухитрилась помочь по хозяйству: то стенку побелит, то одеяло простегает, одежду детей стирает и погладит. Хураца хорошо подросла за это время, и мать при каждом удобном случае распускала ей длинные волосы, мыла голову и красиво заплетала косы. В такие счастливые дни ей казалось, что она не расставалась с детьми.

Ее частые отлучки с поля все-таки не остались незамеченными. Бригадир Кербеч давно заглядывался на молодую женщину, которая теперь была, как он считал, совершенно свободна. И если она нет-нет да сбежит с поля и пробирается к селу одна по безлюдным местам – что стоит перехватить ее где-нибудь в кустах? Его жадные похотливые глаза следили за ней, и пару раз он даже перегораживал ей дорогу, но она ускользала. В отличие от родных и этого бессовестного бригадира, Сакинат не переставала считать себя замужней и хранила верность супругу, она была полна решимости дождаться его и снова зажечь счастливой семьей. Десять лет – ну что же, они пройдут, а может, мужа освободят досрочно, ведь он ни в чем не провинился!

Свекровь ждала ее прихода с нетерпением и всякий раз радовалась ей, как родной дочери. Умудренная жизнью женщина в письмах даже не заикалась о случившемся. Ее сыну, без вины виноватому, и так тяжело приходится в заключении, а тут еще напиши ему, что Сакинат ушла к родным, оставив ее с детьми, – как он это переживет? Мамирхан сама была неграмотная, и письма под ее диктовку писала соседка, которой она доверяла и знала, что лишнего та не напишет. Но мир, как говорят, не без «добрых» людей. Наверняка его счастьем завидовали многие. И теперь нашлись такие, кто послал Пшизабию письмо без подписи, где сообщалось, что его жена ушла из семьи и живет теперь в родительском доме. Для него это было ударом. Он и подумать не мог, что его ласковая Сакинат так с ним поступит. И со стороны ее родных он не ожидал такого предательства. И теперь жизнь его в неволе стала особенно

тягостной, лишенной всякой надежды на возвращение былого счастья. Дни тянулись теперь особенно долго, он замкнулся в себе еще больше, и лишь изредка его согревал лучик надежды, что все еще поправимо, что вернется он домой и заберет Сакинат домой, и заживут они с детками и матерью счастливо, как было до того рокового дня. У Пшизабия появилась новая привычка: он сочинял песни-гыбза о своей несчастной доле, сам же придумывал мелодию к ним и напевал про себя. Как ни странно, это успокаивало его, как будто он излил свою тоску в словах кому-то очень близкому. Песни эти были о том, как он, ни в чем не повинный, оказался в неволе. Окутав путами лжи, отняли у него счастье и семью. Напевая про себя, пытался он понять, в чем его вина, кто копал под него. Получив недобрую весть об уходе жены из семьи, он горевал еще сильнее, но все же не терял надежды, что когда-нибудь закончатся испытания. Строки песни сами лились из его души, и в такие минуты он свято верил, что придет день, когда он освободится из неволи, вернется домой и воссоединится с любимой женой. Надо продержаться все эти годы – ему, невинно оклеветанному и осужденному, и ей, которую силой заставили покинуть дом и детей...

А бригадир все не устал преследовать Сакинат. Мог очутиться рядом с ней в любую минуту – в поле во время работы, по дороге к дому, у колодца – везде. Бригадир – вольная птица, ему работать не надо, может разезжать где угодно. А бедная Сакинат сжималась от страха и стыда – долго ли женщину опорочить, да и злых языков хватает. Иной раз она думала: а не приложился ли Кербеч к тому, что случилось с Пшизабием? Но доказать это было невозможно. Никто не считал нужным объяснять причину ареста ни семье, ни самому осужденному. Все происходило под покровом тайны. Так всегда бывает, когда и объяснять-то нечего...

– Ну кто мужа ждет битых десять лет? – не унимался преследователь. – Может, твоего Пшизабия уже и в живых нет! Мы же взрослые люди, хватит от меня шархаться.

Сакинат не отвечала на подлые речи бессовестного ухажера и только проклинала его в душе. А ведь он приходится дальней родней ее мужу, негодяй!..

Так шли годы, срок освобождения Пшизабия приближался. Сакинат терпеливо ждала того дня, когда вернется ее любимый, и они заживут прежней счастливой жизнью. Больше смерти боялась она запятнать свое доброе имя, которое она так берегла, запятнать не по своему легкомыслию, а по злему умыслу бесчестных людей. Она должна встретить своего мужа такой же чистой, какой он ее оставил. А между тем многолетние преследования со стороны Кербеча продолжались. Зная, что от него можно ожидать чего угодно, Сакинат старалась реже попадаться ему на глаза, опасалась ходить одна. Настал день, когда она усадила перед собой свою мать, младших братьев и сестер и сказала:

– До сих пор я делала для вас все, что могла, помогала старшим, растила младших. Вы распорядились моей жизнью, как хотели, не спрашивая моего согласия. А теперь пора и обо мне подумать вам всем. Ведь я замужем все еще, хотя ты, мать, и старшие братья мои не считают это важным. Вернется Пшизабий – тебе, мать, и сыновьям твоим держать перед ним ответ за ваш грех. – Сакинат впервые говорила так серьезно и твердо, и родные были даже ошарашены, что она подала голос. – Мои младшие братья и сестры подросли и могут помогать матери. Мне тоже нужна помощь. Кербеч преследует меня, проходу не дает, все ищет случая, как бы замарать меня, чтобы к возвращению мужа у меня не было пути назад, в семью свою. Оберегайте меня от него, не оставляйте одну. Я ходила и буду ходить к моим детям и к свекрови. А вы провожайте и встречайте меня. Если понадобится, буду оставаться там на ночь. А вы потом приходите за мной, и возвращаться будем вместе.

На этот раз ей никто не стал перечить. Младшие по очереди встречали и провожали ее – кто на поле и с поля, кто в дом мужа и обратно. Теперь уже никто в семье не попрекал ее тем, что она бывает у свекрови. Сакинат могла остаться там и на ночь, и на несколько дней, если нужно было закончить какую-либо работу по хозяйству. Мамирхан не могла нарадоваться такому счастью – ведь ждать осталось совсем немного, а вместе любое испытание переносится легче.

Хотя такие перемены вовсе не радовали двоих старших братьев Сакинат и их жен. Они давно уже видели в ней свою батрачку, рассчитывая, что она и дальше будет служить им верой и правдой и растить их детей. Спорить с решением Сакинат они вроде бы и не смели, но при этом не упускали случая сгрузить на нее самую тяжелую работу в своем хозяйстве.

Дети достаточно подросли и понимали, что происходит в семье. Когда приходила мать, они бежали ей навстречу и вели в дом, боясь выпустить ее руки, словно она могла убежать. Хураца была уже тринадцатилетним подростком, малышу Ладину исполнилось уже десять. Конечно же, не помнил ничего, ведь он тогда лежал в люльке, и теперь не мог даже представить, как это бывает – мать и отец вместе дома. Девочка помнила тот страшный далекий день, когда в их дом нагрянули злые люди и зачем-то увели отца. Помнила, как они с мамой ездили к нему и виделись с ним за колючей проволокой.

Случившееся с их семьей и с родителями заставило Хурацу повзрослеть раньше времени. У нее и детство, почитай, на том и закончилось. Она винила во всем бабушку Гуашакару и братьев мамы. Тоже мне бабушка, думала она. Думала только о том, как бы дочь свою в служанки заполучить. А мы вроде бы и не внуки ее, она и не подумала, что нам тоже нужна мать. Нана Мамирхан всю душу нам отдавала, но ведь и у

нее силы не бесконечные, старенькая уже. Вот вернется отец – с какой совестью они посмотрят ему в лицо...

Столько лет длилось это томительное ожидание, и, как назло, в тот день, когда вернулся Пшизабий, Сакинат не оказалось в его доме, она ушла всего два дня назад. Радость свободы, встречи с родным очагом, с матерью и детьми была омрачена для него тем, что его не встретила любимая жена. Он старался улыбаться, но даже дети видели, что ему недостает еще кого-то – их мамы.

Он, конечно, понимал, что ее вины в том нет, знал, что ее едва ли не силой уволокли родственники – мать рассказала об этом в подробностях. И все же обида давала о себе знать: могла бы постоять за себя, дождаться его, не бросать его старую мать и детей, в конце концов, не убили бы ее за это!

Однако разум одержал верх над чувствами, Пшизабий превозмог себя и отправился за своей женой. Встретили его настороженно, все пытались выказать радость по поводу счастливого возвращения, помня, видимо, о своей вине. Гость засиживаться не стал. Высказал родственникам жены все, что он о них думал, правда, старался говорить не столь резко. Зачем портить отношения, все-таки родня жены. Но строго наказал им впредь в его семейные дела не вмешиваться. На сборы Сакинат не нужно было много времени. Она готова была хоть босиком уйти за ним.

Этот день показался супругам самым счастливым в их жизни. Не хотелось даже вспоминать те горькие десять лет, что прошли врозь. Оба прошли через испытания, через несправедливость – и тот, кто сидел в лагере, и та, что оставалась на воле, а на самом деле была подвластна чужой воле. Совсем уже взрослая Хураца наблюдала исподтишка за счастьем родителей и расцветала вместе с ними. Мамирхан словно забыла о своих годах, все носилась по дому, готовя все мыслимые угощения, любимые ее детьми. Еще бы, ведь ее семья, разметанная в разные стороны, теперь снова была в сборе, и большего счастья для матери нельзя было придумать.

Жизнь стала входить в свое русло. Семья воссоединилась, в очаге снова затеплился огонь. Сакинат, которая вдоволь «нагостилась» у родных, дала себе зарок не навещать их без особой причины. Но причина нашлась очень скоро. Вернулся из армии младший брат. По такому поводу принято было закатывать торжества вровень со свадьбой. Ну и как же без Сакинат, без ее умелых рук и неутомимости? Пришлось ей снова отправляться к матери. Пшизабий с детьми должны были подойти позже.

К праздничному вечеру в честь отслужившего бойца традиционно ставилось обильное угощение, забивались откормленные бараны, специально варилась махсыма. Старшие сидели за пиршественным столом и, разгоряченные хмельным напитком, провозглашали хох во славу солдата и воспитавшей его семьи. Младшие тоже веселились, танцевали и гу-

ляли, гармошка не смолкала до утра. Надо ли говорить, что хлопот по подготовке праздника хватало всем.

Сакинат должна была, помимо прочих дел, позаботиться о махсыме. Наполнив два ведра отборной кукурузой, она понесла их на коромысле к мельнице на берегу Баксана. На тропе, ведущей вниз по склону, было пустынно. Она обрадовалась: значит, очереди в мельнице нет, мигом смелет зерно и обернется.

– Вот так гости, – раздался голос из сумеречного угла мельницы. – Это как же тебя Пшизабий одну отпустил?

Это был Кербеч. Сакинат вздрогнула от неожиданности. Он подхватил ведра с зерном и опрокинул их в объемистый ковш над жерновами.

– А может, – продолжал он с издевательской ухмылкой, – ты специально заглянула, зная, что я один на мельнице?

Женщина стояла, не произнося ни слова и стараясь не выдать своего страха. Откуда ей было знать, что Кербеч теперь работает мельником, и назначили его всего три дня назад. Смоллов зерно, он поставил перед ней только одно ведро муки, явно желая разозлить ее и вызвать на спор. Но она снова промолчала.

– Половина муки осталась в жерновах! Хотела бы получить все – слушалась бы меня все эти годы! – со злостью выкрикнул мельник. В этот момент у двери раздался шаг. Несколько человек с мешками зашли на мельницу. Сакинат вздохнула с облегчением, смело забрала свою муку из ларя. Подняв на плечо ведра с мукой, она обернулась и во всеулышание сказала:

– Может, оставишь меня в покое, наконец? У меня есть муж, а если у твоей жены его нет, отдай ее другим бездельникам, таким же, как ты сам! – и вышла с победоносным видом.

– Ну, погоди, ты меня еще узнаешь! – крикнул ей вслед разъяренный Кербеч.

На званный вечер собрались гости, подошли, как уговаривались, Пшибазий с детьми. Заявился без зазрения совести и Кербеч. Он все искал случая поймать Пшизабия, чтобы без лишних ушей перекинуться с ним парой слов. Своего унижения он не мог простить, потому твердо решил разрушить счастье супругов, с таким трудом обретенное вновь. Будто мало испытаний выпало на долю Пшизабия, который доводился ему родственником. Разлучить их любой ценой, чтобы никогда между ними не было ни радости, ни счастья, ни согласия! Одержимый греховной страстью, он бы не остановился ни перед чем, и сейчас вынашивал свои грязные мысли, ненасытно лакая махсыму. Он хмелел, тело переставало его слушаться, веки сонно опускались. Но он вновь думал о своей мести и приходил в себя, чтобы любой ценой, с самыми страшными клятвами убедить Пшизабия: ему удалось уломать Сакинат, и она была с ним все эти годы. Чем больше он хмелел, тем более грязные подробности вы-

думывало его большое воображение. Она посмела унижить его мужское достоинство – так пусть теперь расплачивается всю оставшуюся жизнь!

В конце концов, его план удался. Подобравшись к стоящему в стороне Пшизабию, он, торопясь и сбиваясь, стал рассказывать ему свои небылицы. О чем именно и в каких красках он изливал свою ложь – никто не знает. Только после этого Пшизабий побелел, как полотно, и вышел из дома. Сейчас же бежать прочь из этого дома, который он и без того недолюбливал! Но надо дожидаться утра и забрать детей, их он ни за что не оставит здесь. Найдя пустую комнату, он лег на кровать. Его бросало то в жар, то в холод. Между приступами смертельной лихорадки он чувствовал обжигающие слезы на лице. Как ему дожить до рассвета, не умерев от режущей боли в сердце?

Ничего не подозревающая Сакинат хлопотала между кухней и гостями, искренне радуясь, что в их дом наконец-то пришла настоящая радость. Она порхала, обновляя стол все новыми угощениями, успевая и посуду собрать и помыть, и еду разложить. Верная себе, она все заботы брала в свои руки, стараясь не нагружать родных.

Рано утром Пшизабий разбудил детей и отправился домой, не говоря жене ни слова. Ничего странного в том никто не увидел – детям с утра в школу, вот и заторопился. Хураца заметила перемену в отце, но решила, что он просто сильно устал. Когда она собралась в школу, отец протянул ей конверт:

– Брось в почтовый ящик, когда будешь мимо идти. – Потом передумал: – Хотя ладно, я сам.

Возможно, Пшизабий побоялся, что дочка из любопытства вскрыет письмо и прочитает то, что ей не полагалось знать. Одевшись наскоро, словно боясь передумать, дошел до сельской почты и опустил конверт в ящик, чтобы его забрали с первой же выемкой. Так письмо должно в тот же день дойти до Сакинат.

А она торопилась поскорее управиться с делами, убиралась в доме и во дворе после затянувшегося торжества. Надо было успеть сделать все дела до обеда. После школы Хураца пойдет за ней, и они вместе пойдут домой. Она возьмет с собой все, что забрал ее брат, когда увозил ее насильно. Оставшуюся жизнь они с Пшизабием проживут спокойно и счастливо, и никто им теперь не помеха. И к родне своей она не скоро придет.

И для Хурацы этот день тянулся слишком долго. Едва отзвенел звонок, девочка побежала домой, переделалась и поспешила к матери. С возвращением отца все изменилось, теперь они вместе каждый день. И мама сама расплетает и заплетает ей косы, Хураце это так нравится, что она просит причесывать ее по несколько раз за день. Вот сейчас она придет к ней, положит ей голову на колени, и мама скажет: «Уже пришла, моя ласковая девочка?»

Но ее ожидала другая картина. Сакинат сидела посреди вещей, которые она успела собрать, глаза ее опухли и покраснели от слез, а в руке у нее был развернутый листок бумаги. Хураца узнала конверт, который протягивал ей утром папа. Перед глазами встало печальное лицо отца. Она-то думала, что это из-за усталости и бессонной ночи... Мать плачет, сидя посреди двора посреди тюков с вещами, и никто ее не утешает, никому до нее нет дела, как и было всегда. Девочка теперь поняла, что снова случилось неладное:

– Ну что опять, мама, что опять случилось? – И зарыдала вместе с матерью.

– Твой отец не хочет, чтобы я возвращалась, дочка... Не нужна я ему, Хураца. – Она прижала к груди свою девочку, которая единственная на этом свете понимала ее и служила отдушиной. – Десять лет назад твоего отца оклеветали и заточили в темницу. Потом силой увели от детей, не пожалели меня ни мать родная, ни братья. Только дождалась вашего отца, только вернулась в свой дом – проклятый Кербеч облил меня грязью перед мужем, а тот ему поверил, и даже не хочет выслушать моих оправданий...

В письме Пшизабий и вправду написал самые жестокие слова, какие только могли быть. Он навсегда отказывался от нее и запрещал близко подходить к его дому и к его детям. Наплакавшись, она отпустила дочку домой. Хураца возвращалась к вновь опустевшему очагу. Теперь она уже никогда не увидит свою мать, не увидит родителей вместе. Она шла домой в быстро надвигающихся сумерках, и ей казалось, что тучи сгущаются над ее головой. Не будет больше солнца в их доме и в сердцах его обитателей, не будет в нем больше звучать голос матери.

Так и расстались из-за гнусной лжи двое любящих людей, не встретившись и не объяснившись. Дети остались с Пшизабием. Сакинат снова осталась в доме матери. Теперь на ее плечи легла забота о подростках, но еще не определившихся в жизни младших братьях и сестрах, а еще и о племянниках. Родню это вполне устраивало, и все для них пошло привычным ходом.

Шло время, в жизни семьи ничего не менялось. Хураца и Ладин, выросшие без отца и матери, теперь довольствовались тем, что хотя бы отец рядом. Но они страдали, что мать не живет с ними. Не раз Хураца умоляла отца помириться с матерью, но он стоял на своем. Грязная ложь Кербеча настолько запала ему в душу, что он не хотел слушать никого – ни свою мать, ни детей, ни добрых людей, уверявших его не слушать клевету подонка. Забыть свою Сакинат он тоже не мог и продолжал любить ее всем своим существом, хоть и подавлял в себе это чувство, и оттого ему было еще больнее пережить предательство. Почему он поверил клеветнику и не хотел верить ни жене своей, ни другим людям – он

и сам не понимал. Просто не мог пережить, что такое пятно пало на его семью. Такое вот мужское упрямство.

С годами младшие сестры и братья обзавелись своими семьями, и Сакинат стала лишней в доме. Она все еще жила надеждой, что Пшизабий одумается, простит ей несуществующую вину и позовет обратно. Но это были пустые мечты. Никакого другого мужчину она не представляла рядом с собой, и потому все, кто обращал на нее внимание или звал замуж, получали решительный отпор.

Но случилось то, что случилось. Пшизабий был непреклонен в своем решении. В конце концов, он отрезал все пути назад и женился на другой. Новая жена оказалась хорошей женщиной, заботилась о детях и свекрови, стала верной спутницей Пшизабию. Лишь теперь Сакинат позволила себе поверить, что ее надежды рухнули окончательно. А поскольку родня больше в прислуге не нуждалась, в доме возникла новая забота – избавиться от Сакинат. А что, у них всегда получалось вершить ее судьбу. Захотели – отобрали ее у маленьких детей и заставили влачить на себе их хозяйство и заботу о других детях. Захотят – снова выдадут замуж. Она, конечно, надломлена страданиями, да и возраст уже подходит, зато все еще хороша собой. Как решили, так и сделали. Их доводы при выборе мужа для сестры были им под стать: не нужно ей в обеспеченную семью, пусть будет победнее, чтобы сама свою жизнь выстраивала. Нашли ей безродного, очень бедного и одинокого мужчину, с которым ей предстояло заново строить дом, налаживать хозяйство, одним словом, выкарабкиваться из нищеты. Закончилось для Сакинат одно испытание – началось следующее. Да, проклятому Кербечу не удалось заполучить столь желанную женщину, зато у него получилось разрушить ее счастье, которого она так ждала и оберегала целых десять лет..

У ее нового мужа Болата не было, что говорится, ни кола, ни двора, только комнатуха в рабочем общежитии. И родни у него не было никакой, круглый сирота. С появлением Сакинат в его судьбе все переменилось. Супруги засучили рукава и взялись обустроить свою жизнь. Вместе делали саманные кирпичи, вместе ставили фундамент дома. Через год, на удивление всем, у семьи уже стоял готовый, начисто побеленный внутри и снаружи дом. Соседи поражались неумоимости Сакинат, у которой любая работа так и горела в руках.

Они зажили спокойной жизнью, помогая друг другу во всем. И со стороны семья казалась примерной и вполне счастливой. Но что было делать женщине с тайной страстью к бывшему мужу, которая не желала утихать со временем. А когда она думала о детях, все нутро ее болезненно сжималось, и это доставляло ей невыносимые муки. В такие минуты у нее подкашивались ноги, как от непомерной усталости, и она чувствовала себя разбитой и больной. Это состояние повторялось все чаще, и иногда, чтобы справиться с ним, ей приходилось лечь в постель.

Со временем слабость в ногах и во всем теле давала о себе знать едва ли не каждый день, и в конце концов она слегла. Навещавшие сестры тайком привели к ней Хурацу. Матери и дочери не хватило бы целой жизни, чтобы выплакать свою боль. Им было о чем поговорить. Сакинат хотела знать, чем живут теперь ее дети, какие у них успехи, отношения с мачехой. А еще она хотела, чтобы ей рассказали про Пшизабия, по которому она, казалось, с каждым днем тосковала все больше. И Хураце нужно было поделиться с мамой самым сокровенным, рассказать свои девичьи тайны, которые можно доверить только матери.

Сакинат теперь жила в отдаленном селе и не могла наблюдать за детьми хотя бы исподтишка. Зато они, повзрослев, стали чаще навещать ее. Мать ждала их с нетерпением, и к их приезду у нее всегда была наготове сумка с подарками – красивыми платьями для любимой доченьки и гостинцами для сыночка. Хураца стала совсем взрослой. К ней уже сватались многие, и настал день, когда отец со всеми почестями выдал дочь замуж за ее избранника, симпатичного парня из хорошей семьи. Свекровь относилась к ней, как к дочери, любящий муж старался радовать, и Хураца на время забывала о своих тревогах и засевшей с детства в сердце боли из-за несложившейся жизни отца и матери.

Свекровь знала о тяжелом недуге Сакинат и, сочувствуя снохе, частенько возила ее навещать мать. Больной с каждым днем становилось все хуже. Она давно уже не вставала с постели и, предоставленная своим мыслям, оплакивала свою долю, жестокую судьбу, незаслуженную обиду. Все это вместе и послужило толчком к неизлечимой болезни. Ведь человек не каменный. Неправду говорят, что он может вынести все, что возложено на него свыше... Хуже всего было то, что Сакинат уже не хотела бороться, да и сил у нее не было. Ее дохаживали по очереди мать и супруг. У дочери был маленький ребенок, и ее старались оградить от этой тяжелой обязанности. В очередной приезд свекровь Хурацы заметила, что у больной совсем сошла краска с лица. И поняла, что бедняжке осталось недолго мучиться.

– Оставайся с матерью, побудь с ней, сколько захочешь, – сказала она. – А с малышом мы сами справимся.

Хураца неотлучно находилась при матери неделю. Между приступами боли Сакинат тихим голосом заговаривала с дочерью, и все разговоры неизменно сводились к одному – к Пшизабию. Жалела она и супруга своего:

– Болат тоже несчастливый... недолго же длилось его счастье... Все силы мои, всю кровь мою забрала тоска... Пшизабий...

Дочь металась между домом, ребенком и больной матерью. Привезла как-то и малыша, в надежде, что мама увидит его, обрадуется, и ей, возможно, полегчает. Но у больной не оказалось сил не то что взять

внука на руки, а даже взглянуть на него. Только слеза выкатилась из-под сомкнутых век.

И все же Хураца надеялась, что мама еще встанет. В то утро она хлопотала по дому, собираясь к матери. Было еще очень рано, когда у их ворот появился Пшизабий. Свекровь сразу поняла, что не с доброй вестью гость явился ни свет ни заря. Он не стал заходить, оба стояли молча, опустив головы. Хураца, заметив их, тоже вышла и не могла, а может, не хотела понять, отчего ее отец и свекровь так опечалились. Пшизабий все так же не поднимал головы, словно боялся взглянуть дочери в лицо. Он менялся в лице, бледнел и краснел, пытался скрыть наворачнувшиеся слезы.

– Вот оно как, дочка, – выдавил он из себя, наконец, потом помолчал, сиюсь сдержатъ слезы. Потом продолжил: – Нет больше твоей матери. Сегодня похороны. Крепись, дочка. Поедем сегодня все вместе, и мы, твои родные, и твоя семья. Ты дочь, ты взрослая, тебе надлежит постараться, чтобы все прошло по-людски. – Он резко повернулся и ушел.

Это был холодный и сумеречный день. Будто весь мир печалится вместе с Хурацей. Ей же казалось, что над ее головой погасло солнце. Сколько лет мечтала, что отец с матерью будут вместе, потом надеялась, что мама поправится. Ничего не сбылось, все пошло прахом. На родителей держались для Хурацы земля и небо. Хоть и врозь, но они были у нее. А теперь обрушилась половина ее мира.

Немногим легче было и Пшизабию. Может, ему и больше было, потому что он чувствовал, что, сам того не желая, стал причиной всех несчастий бывшей жены. Он разлучил ее с детьми, и тоска иссушила ее. Он оторвал ее от себя, послушался злых наветов – и иссякли ее жизненные соки. Пшизабий терзался угрызениями совести, виной. Но вновь упрямо говорил себе: «Не прощают лишь тех, кого любят по-настоящему». Он старался убедить себя в своей правоте, и это немного прибавляло ему уверенности.

Набравшись духа, он зашел попрощаться с ней. Она была не похожа на себя. Страшная болезнь сильно изменила ее. Но все же это была она, его любимая Сакинат. Она страдала, уходила из жизни день за днем, а его не было рядом. Злые люди сумели разлучить их, так горячо любивших друг друга.

Когда настал час выносить ее, он не стал слушать никого, сам встал под носилки, нес до самого кладбища и похоронил своими руками.

Ладин учился в другом городе и не смог попрощаться с матерью, взглянуть на нее в последний раз, погладить по лицу. Надеясь успеть, он вышел из машины и побежал по улице. Путь ему преградила похоронная процессия. Он не думал, что к месту последнего покоя несут его мать, и хотел поскорее обойти толпу и бежать дальше. Но тут

увидел среди людей своих родных. И понял все. У Ладина перехватило дыхание, и он рухнул без чувств на землю. Его долго не могли привести в чувство, потом подхватили и унесли в дом матери. Горе стало двойным при виде бедного юноши. Как могли не дожидаться его, не позволить ему попрощаться с мамой! Ведь он так давно ее не видел. Почему судьбой их семьи всегда руководила чья-то злая воля? Кто разлучил их, не дал им житья? Это были вопросы без ответа, которые мучили их всю жизнь.

Хураца была сильно напугана состоянием брата. Она протираала ему лицо влажной ладонью, давала ему глотнуть воды, и он немного приходил в себя, и тогда слезы лились по лицу нескончаемым потоком. Обнявшись, плакали навзрыд осиротевшие брат с сестрой. Он плакал молча, а Хураца вновь и вновь заводила свою гыбзу-плач:

*Вся жизнь твоя беспросветной была,
Моя бедная мама.
Как осталась ты без заступника –
Забрала тебя мать,
Забрала от семьи,
Забрала от детей,
Моя бедная мама.
Сердце твое разрывалось
Вдали от детей, от дома.
Братья отняли тебя у нас,
Сделав своей прислугой,
Моя бедная мама...*

Этой гыбзе не было конца, как и боли дочери по ушедшей матери. Отныне вся родня матери – и бабушка, и ее сыновья – были ей чужими и ненавистными. Они играли жизнью Сакинат себе в угоду, они никогда не думали ни о ней, ни о ее детях. И вот теперь они с Ладином оплакивают свою мать здесь, в чужом для них доме, где ничто не напоминает им о жизни под материнским крылом. Наплакаться бы сейчас вволю, да так, чтобы не было вокруг никого, кроме нее, Ладина и отца. Чтобы не толпились вокруг эти любопытствующие, враждебные лица, которые век бы не видать. Она бросала взгляды в окно и искала отца в толпе вернувшихся с кладбища мужчин, но не находила. И тогда Хурацу одолевало беспокойство: где он, неужели до сих пор на кладбище? Остался один у могилы мамы? Как же долго! Пусть постоит, пусть они, наконец, побудут наедине. Побудь с ней, папа, прости ее за все, хоть и не виновата она перед тобой. Пусть и она тебя простит. Благослови ее покой, попрощайся, поговори с ней. Может, она услышит твой голос и успокоится, наконец...

Пшизабий на самом деле остался один на кладбище. Он стоял над могилой Сакинат. Теперь он мог не прятать слез и излить свою душу. Разговаривал с ней, неслышно шевеля губами. Присаживался на корточки и гладил мягкую землю могильного холма. Зачем, от кого теперь скрывать, что всю жизнь сердце его принадлежало только ей, бесценной Сакинат? Как мог он отступить от нее по первому слову недруга? Где был его разум, его мужество? В том-то и беда, что проявление мужества он видел совсем в другом... Теперь он совсем один. И здесь, на кладбище, и в жизни. Его сердце опустело. Погасло его солнце безвозвратно. А светило небесное медленно уходило за горизонт, косо оглядываясь на них, словно уносило с собой в темноту согревавший его свет – любовь к Сакинат, которую у него не хватило мужества высказать ей и вернуть все назад. Пшизабий сейчас признавался себе: в жизни его только и было счастья, что дни, прожитые рядом с любимой. Как мог он рубить сплеча, послушавшись чужого человека, у которого одно было на уме – разлучить их? И получается, что Пшизабий своими же руками помог ему. А вся его жизнь, что протекала после Сакинат, была пустой и бессмысленной. И впереди его ждет такая же жизнь – пустая.

– Как же короток был век твой на земле! – говорил он себе и той, которая не услышит его никогда. – Я ищу слова, чтобы признаться: ты одна была любима мною всегда... Наша дочь так похожа на тебя, Сакинат. Теперь она для меня – память о тебе. Ты слышишь ее гибзу? Она разрывает мне сердце, лишает дара речи... Да что уж теперь плакать... Поздно. Как мог я усомниться в тебе, как мог поверить клевете?..

Он тяжело поднялся, но не было сил уйти, оставив ее одну. Нет ничего страшнее раскаяния. Особенно если оно запоздалое.

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Рассказ

Несколько лет тому назад, в середине лета, я и Гороев Хамбий, сын Мусы, решили отдохнуть и поправить своё здоровье в Балыкь башы – Жылысуу.

Необходимые вещи для отдыха собрали буквально по списку и погрузили в машину. Благо, в нашем распоряжении был новенький ГАЗ-69 Хамбия.

Хамбий научился водить ещё в 1949 году, на выселении. И с тех пор был верен своей профессии. Одно время он возил Чомая Уянаева, председателя Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР.

Надо отдать должное, с автомобилем Хамбий обращался отменно, мастерски минуя все ухабы и кочки, а в дороге с ним было интересно – он знал невероятное количество историй, всяких притч, баек... И умел рассказывать не хуже, чем водить.

Переехав речку Харбаз, уже в Тузлуке, мы издалека увидели троих мужчин, машина которых увязла в грязи. Они сильно обрадовались нашему появлению. Мы поздоровались, да заодно и познакомились, с этими крепкими белореченскими ребятами. Старшего из них звали Ньюзором. Засучив рукава, мы поспешили на помощь, чтобы вытащить машину из этого проблемного участка. Но, как солидарно заметили Хамбий и Бозиев Ньюзор, нам предстояло не только вытащить машину из этой грязевой западни, но и как-то проехать её.

С одной стороны так называемой дороги, на которой мы стояли, – отвесная скала, с другой – стоячее болото, где водоросли вперемешку с мелкой ряской выстлали пузырчатый ярко-зеленый ковер, куда не может ступить даже нога человека.

Решили взять машину на буксир. Оба водителя одновременно включили зажигание и нажали на газ. Машина дёрнулась, но колеса крутились вхолостую, ещё больше погружаясь в грязь. Тогда мы натаскали булыжников со склона и засыпали метров десять колеи этими камнями, сооружая подобие дороги. Еще одно зажигание, рывок – и обе машины шумно загудели, нарушая благодатное спокойствие округи. Доехав до коша без приключений, мы оставили машины у Жагафара, взяли у него двух коней и перевезли свои вещи в урочище Жылысуу.

Это было удивительное зрелище! Сердце замерло при виде этой таинственной, завораживающей, живописной красоты. Мощная энергетика этого места притягивала к себе удивительным образом и действовала на нас умиротворяюще, заставляя сливаться с ним в единое целое. Стоим,

обнимая взглядом величие Божьего творения и утопая в его объятиях. Созерцая эту благодатную красоту, я отчетливо понимал, насколько велика любовь Бога к Человеку. Роясь в своих размышлениях, я не мог найти ответ на мучившие меня вопросы: «Почему же люди не ценят эту Любовь, эту Красоту, этот бесценный Подарок?!».

В этот день мы так и не сумели дойти до лечебных источников. Зато познакомились с людьми, приехавшими раньше нас из самых разных уголков нашей земли, насладились первозданностью природы. И, видит Бог, такого количества термальных источников и водопадов я никогда не видел.

На следующий день мы вдоволь поплескались в кристально чистой воде горных источников Жылысуу. Мы с Хамбием и Ньюзюр со своими друзьями в числе первых пришли к геотермальной лечебной воде. Ньюзюр снял с себя одежду, и мой взгляд застыл на его шрамах. Глубокий рубец вдоль спины, а отметины на поясице просто повергли меня в шок. Я подошёл к Ньюзюру, чтобы вблизи рассмотреть шрамы на его теле.

Не дожидаясь моих расспросов, Ньюзюр загадочно-шутливым голосом говорит:

– Этот чёрный медведь так давно не видел меня, очень соскучился, крепко обнял и оставил мне на память подарок в доказательство искренней любви.

Я поддержал шутку Ньюзюра, чтобы завязать разговор.

– Оллахий, если медведь от великой любви оставляет такие следы, то пусть Аллах уберезет нас от его немилости!

Ньюзюр, человек мудрый, сразу уловил, что я хочу об этом поговорить, внимательно посмотрел на меня и плюхнулся в целебную нарзановую воду со словами:

– Давайте купаться, мы поговорим об этом позже.

После лечебных, нежаших тело и дух водных процедур мы расположились на небольшой полянке, и Ньюзюр начал свой неторопливый рассказ в кругу новых друзей:

– Я очень давно работаю лесником-егерем в охотничьем хозяйстве Белой Речки, территориально – это от Ак-суу до Сары-Тала. И живу здесь же, в конце села, в чаше леса, на кордоне вместе с семьёй. Все – жена и восемь детей, от мала до велика, помогают мне и в работе, и по хозяйству. А вообще, долг каждого человека – любить и охранять природу. Понимать, что это наше неоценимое богатство сегодня и, надеюсь, в будущем, если сумеем сохранить...

Года три назад, в полдень, подъезжает к кордону незнакомый человек с распорядительной бумагой в руке. Читаю: «Ньюзюр Шаухалович, окажите, пожалуйста, личное содействие в исполнении просьбы человека, отдавшего Вам это письмо. Нужна шкура медведя для изготовления

чучела для Московского музея. Постарайтесь обеспечить большого, дородного медведя».

Письмо, как полагается, с подписью моего начальника и печатью.

Да-а-а, думаю, задача поставлена не из легких, это говорить просто, такого медведя еще найти нужно. А правильное свежевание для полно-размерного чучела, – дело ведь совсем не шуточное...

Гость прервал мои размышления и спрашивает:

– Ну, когда едем, Ньююр Шаухалович?

– Сегодня уже поздно, да это и не баран в овчарне, которого можно легко поймать и резать. Это медведь – хозяин леса. Его надо еще выследить. Бог даст, завтра рано утром отправимся в дорогу. Сначала проедем немного на машине, а по владениям нашего будущего трофея уже придется стараться на своих двоих.

Гость выслушал меня, обещал своевременно быть на месте и уехал обратно. Мне не пришлось его ждать, уже чуть свет он стоял у ворот. Я, человек беспокойный, все приготовил с ночи, а потому, не мешкая, сели в машину и тронулись в путь. Мое оружие, как и у всех охотников, – короткоствольное ружье, его – с оптическим прицелом, очень хорошее. На случай, если охота затянется, прихватили с собой легкую палатку на двоих и провизию на два-три дня.

Мой новый товарищ, по его словам, был охотником со стажем – нет зверя, на которого он не ходил. Во многих местах охотился, но, к сожалению, в Казан-Тёбе, куда мы держали путь, он не был.

Мы переехали реку Бешенку, именно так называют её местные жители из-за чрезмерной бурности потока после ливневых дождей или таяния ледников, а ещё она – Топурак-суу из-за её глинистости. Проехали километра четыре вдоль берега реки, а дальше направились своим ходом, навьюченные рюкзаками. В дороге мой спутник задавал так много вопросов, что моя голова шла кругом.

Ближе к полудню, на территории Бурки, мы заметили медведя, благодушно лакомившегося дикими грушами. Он был еще совсем молодой. Наверное, только-только вышел в самостоятельную жизнь. Я бросил в его сторону камень. Молодой медведь отпрянул метров на десять от дерева, встал на задние лапы и начал разглядывать нас с некоторым вызовом, словно хотел сказать, что без боя не сдаст свои позиции.

Петр словно читал мои мысли:

– Ньююр Шаухалович, это совсем ещё молокосос, нам не подойдёт.

Мы все ещё находились в поле зрения медвежонка, когда он, довольный собой и своей победой, вернулся под дерево и продолжил свою беззаботную трапезу.

Прошло еще какое-то время, когда мы уже потеряли надежду на успех сегодняшнего дня, вдруг, откуда не возьмись, появилась медведица, косолапо топавшая навстречу нам по каменистой ложбине со своими

двумя медвежатами. Она устремила на нас тревожно-пристальный взгляд, угрожающе фыркнула и увела своих медвежат прочь.

Мы тоже продолжили свой путь, дошли до родника, напились холодной живительной воды, перекусили, отдохнули. Уже после полудня прошли ложбину до самого верха и, остановившись на каменистой возвышенности, в бинокль внимательно рассмотрели глубокий овраг. С его южной стороны густо темнели заросли высоких кустарников смородины – их можно назвать смородиновыми деревьями, так как они достигали высоты более двух с половиной метров, – ежевики и малины. Здесь, поближе к нам, виднелись небольшие островки полян. С севера – густой сосновый бор.

В этот день успех и удача обошли нас стороной. Измученные поисками, мы засветло определили место для ночлега, разбили палатку и прилегли, рассчитывая просто отдохнуть, но неожиданно провалились в глубокий и сладкий сон.

Рано утром умылись, собрали вещи и решили перекусить. Но не успели дотронуться до еды, как наше внимание привлек неожиданный шум, нарушающий безмятежность леса. Камни, задевая друг друга, катились и скакали по склону, это был настоящий обвал. И тут же мы увидели, как из-за высоких густых многолетних зарослей ежевики выдвинулся огромный кавказский темно-бурый медведь, здоровый, как бык, под полтонны. Я не верил собственным глазам и думал: «Неужели он такой огромный или мне кажется?»

Смотрю на Петра вопросительно и спрашиваю:

– Ну как?!

Петр стоит, как вкопанный, и удивляется не меньше меня:

– Ньюзор Шаухалович, я в жизни... в жизни... такого медведя не видел!

Зверь, не догадываясь, что находится под прицелом, стоя на задних лапах за густыми зарослями кустарников смородины, срывал ягоды и жадно ел их. Был он спокоен, наверняка ощущая себя единственным хозяином леса. Шерсть медведя переливалась шелковистым черно-коричневым блеском под восходящими лучами утреннего солнца. А когда он встал на задние лапы, то глаз невозможно было оторвать от этого огромного, величественного, самоуверенного и, как мне показалось, очень гордого зверя.

Именно такого медведя мы искали, и упускать его было нельзя ни в коем случае. Решили спуститься на его уровень, потом опять подняться, выйти в овраг и оказаться максимально близко к нему. С такими намерениями, с оружием в руках, по возможности бесшумно, направились в сторону медведя вверх по ложбине. Набрали нужную высоту, остановились, присели на корточки, перевели дыхание и из-за зарослей кустарников начали наблюдать за медведем.

Хозяин леса вёл себя, как тамада за столом, который лакомится только излюбленными блюдами. Медведь уверенно хватал ветку на свой выбор, сгибал передней лапой и смаковал смородину. Между нами было не более восьмидесяти шагов. Хорошему прицелу мешали заросли кустарников, но, все же, решившись, я выстрелил. Звук выстрела эхом разнесся по всему лесу. Медведь неистово заревел и упал. Кустарники зашелестели и на мгновение замерли. Наступила гробовая тишина. Мы терпеливо ждали минут пятнадцать. Никакого движения, словно все вымерло. Тогда мы, уверенные, что медведь мёртв, решили выволочь его на открытое место. Ищем. А его нигде нет! Исчез, словно сквозь землю провалился! Ветки кустарников помяты, сломаны, а зверя нет!..

Вышли на огромный чёрный камень в два человеческих роста. А что творится по ту сторону этого гигантского валуна, мы не знали. Здесь мы допустили ошибку – разделились. Пётр зашёл на поиски медведя с нижней стороны камня, я – с верхней. Едва я, скрытый от взгляда напарника, сделал пару-тройку шагов, медведь напал на меня. Совершенно неожиданно, даже не появившись в поле моего зрения, он нанёс сильный удар передними лапами по моей спине, заряженное ружье отскочило в сторону. Кричу другу:

– Пётр, стреляй! Стреляй! Стреляй, Пётр!!! Стреляй!!!

Выстрела нет. Я сопротивляюсь, как могу. Медведь оказался в разы сильнее и проворнее меня, он не давал возможности дотянуться до оружия. Если бы я нагнулся хоть на мгновение, чтобы достать ружье, то медведь, наверняка, навалился бы и загрыз меня до смерти. Оставался живым только благодаря тому, что ещё стоял на ногах.

Знаете, за поясом у меня был настоящий охотничий балкарский нож. Мне бы отстегнуть петлю и вытащить его из ножен, но медведь рвал, метал, устрашающе и гулко рычал, то ли ревел, то ли кашлял и постоянно кидался на меня, не давая нужной мне паузы. Ни о чём не думая, скорее по какому-то наитию, когда зверь в очередной раз яростно раскрыл пасть, я засунул одну руку ему в глотку, схватил за корень его языка и начал тянуть к себе, а другой рукой обхватил огромную голову и вцепился в косматое ухо. Косолапый неистово крутил головой, мотая меня в воздухе, как воздушный шар. Видит Бог, если бы этот слюнявый язык не был бы таким скользким, то я бы имел возможность перевести дыхание и восстановить силы.

Но рука соскользнула, медведь тут же захватил клыками моё запястье и снова набросился на меня со страшным ревом, зацепил когтями скальп и разодрал лоб, кровь хлынула по лицу. В это время, на моё счастье, шапка – то ли она каким-то чудом ещё сидела на голове, то ли я или медведь подбили её с земли, – но она покатила вниз.

Медведь бросился за ней, догнав ее через метров пятнадцать, злобно накинулся, бросил на камень, наступил на нее передними лапами, захватил клыками и начал трясти, разрывать в клочья и разбрасывать в разные стороны. Пока медведь разбирался с шапкой, мой взгляд упал на заряженное, уже готовое ружье, которое находилось буквально в двух шагах. Неожиданно Всевышний послал мне силы и желание жить, я с быстротой лани схватил в руки ружье и, пока медведь выяснял отношения с моей шапкой на предмет кто прав, кто виноват, направил в него ружье, прицелился и дважды выстрелил в упор. Медведь свалился. На этот раз не было никакого сомнения, что он мертв.

Петр подошел ко мне и виновато-сочувствующим голосом произнес:
– Нюзюр Шаухалович, ты жив?.. Понимаешь, у меня все патроны отсырели.

Без слов я выхватил ружье из его рук и несколько раз выстрелил в воздух. Собрал лоскутки шапки и направился вниз в сторону села, опираясь на свое оружие.

Из-за перенесенного шока в тот момент я не чувствовал боли, но позже раны нестерпимо ныли, хоть волком вой. Боясь напугать домочадцев своим видом, я не стал заходить домой. Еле-еле добрел до слияния двух рек – Бешенки с Белой – и вышел на большую дорогу. Медведь так «разукрасил» меня, что люди обходили. С ног до головы я был как в своей, так и в медвежьей крови, вдобавок и ружье в руках. Добрел до остановки, протиснулся через толпу людей в автобус и присел на свободное место. Пассажиры, заметившие меня, выходили в переднюю дверь, словно уступали место старшему товарищу из уважения. Водитель автобуса подошел ко мне и спросил:

– Что ты за человек?

Повернув голову к водителю, выдавливаю из последних сил:

– С медведем дрался.

Водитель вежливо обратился к оставшимся пассажирам:

– Мне нужно немедленно доставить в больницу раненного, прошу вас быстро освободить салон, очень прошу. Поедете следующим рейсом.

Он сел за баранку, включил фары, не останавливаясь нигде и беспрерывно сигналив, быстро доставил меня в больницу, где и оказали медицинскую помощь. Ножницами сняли с меня кровавые лохмотья, обработали раны и наложили повязки.

Из-за потери крови, ноющих ран и усталости я был очень слаб. Заведующий отделением Кудавев Абдул-Керим с коллегами сделали все, чтобы поставить меня на ноги.

Странно, все раны зажили, а рука еще долго мучила меня. Когда я запустил руку в пасть медведю, то на запястье моем были часы, осколки которых извлекали под наркозом. Хорошо еще, что рентгеновские снимки вовремя сделали...

После операции заведующий часто шутил: «Бозиев, если вдруг захочешь стать часовщиком, то на некоторое время ты обойдешься запчастями из руки».

Только благодаря Аллаху и профессионализму доктора Кудаяева я выздоровел и вернулся домой.

– Ньююр, убитого тобой медведя видел? – спрашивает Гороев Хамбий.

– Нет, не видел. По рассказам очевидцев, его на второй день на ветках деревьев перетаскивали вниз, там еле-еле погрузили в брочку, запряженную двумя лошадьми, и увезли.

Слушатели задавали рассказчику много вопросов. И я спросил:

– Ньююр, дорогой, шапка... с шапкой-то что?

– Видит Аллах, она непригодна к ношению, но и сегодня я бережно храню её, как дорогостоящую вещь, не роняя её достоинства, почитаю так же, как и свои награды, полученные в Великую Отечественную войну. Подумайте сами, только благодаря Всемогущему Аллаху и своей шапке я остался жив. А вообще, от судьбы никуда не уйдешь. Если суждено жить, то Великий Аллах помогает преодолеть все невзгоды и трудности...

...Это был мужественный, жизнелюбивый и благородный человек. Ветеран Великой Отечественной войны, сполна испытавший всю её тяжесть, познавший тоску окопной жизни и ярость атаки, вкус своей и чужой крови... Я дружил с ним много лет. Мне хорошо известно, что по мере своих сил и возможностей Ньююр Шаухалович помогал односельчанам – старикам, бедным, немощным, вдовам. Когда в посёлке ещё не было газа, он обеспечивал их дровами, мог поделиться продуктами, деньгами.

Его уже давно нет среди нас, но одна из улиц Белой Речки носит имя Бозиева Ньююра Шаухаловича. Он ушёл, но народ, сельчане не забывают достойных людей... Мой друг и сегодня жив в их сердцах. И то, что Ньююр Бозиев – именно такой человек, я и сам живой свидетель.

Перевела с балкарского языка Лариса Ахаева

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

Творческое объединение «Литературный перекресток» создано при отделе культуры, молодежной политики и межнациональных отношений местной администрации Прохладненского муниципального района в январе 2016 года. Мы надеемся, что продолжаем традиции литобъединения «Ли́ра», действовавшего с 1949 года до начала 90-х годов. В состав объединения входят авторы, пишущие в жанрах поэзии и прозы, исполнители авторской песни, музыканты. Среди них немало культработников, преподавателей общеобразовательных и музыкальных школ, есть бухгалтеры, железнодорожники, библиотекари, студенты и пенсионеры. Понятно, что тексты наших авторов отмечены разными уровнями техники стихосложения, неравнозначностью образного мышления, концептуалистики, в целом – значительными колебаниями в понимании статуса и профессионализма поэта. Однако надеемся, что стихи участников объединения в любом случае могут быть интересны читателю, привлекут его искренностью, новизной ощущений. Простые и ясные, они несут свет добра и, безусловно, заслуживают внимания широкой аудитории.

Более четырёх лет коллектив активно участвует в районных мероприятиях, выступая со своими произведениями перед жителями сёл. На страницах газеты «Прохладненские известия» регулярно публикуются поэтические полосы участников лито. Дважды «Литературный перекресток» выходил на республиканскую сцену. В 2017 году в издательстве М. и В. Котляровых вышел первый коллективный сборник участников литобъединения «Радуга чувств».

*Ольга Ступенькова,
председатель творческого объединения
«Литературный перекресток»*

Андрей ГИМЕЛЬФАРБ

Малая Родина

Пораньше встать, сбивая с трав росу,
Пройти с косой до бисеринок пота.
Комар устроился удобно на носу
Добиться хочет от судьбы джек-пота.
Смахну его, пока не укусил,
И снова врежусь в травяные чащи.
Я чувствую прилив любви и сил,

И сердце бьётся веселей и чаще.
Рыбак проехал, мне махнув рукой.
Я пожелал ему успеха и удачи.
Над всей деревней запах трав такой,
Как будто вальс цветов, и не иначе!
На горизонте очертанья гор,
Как часовые, на посту стоят.
Я восхищаюсь ими с давних пор,
Они в себе немало тайн таят.
Восторга много есть в моём рассказе,
Хочу я жить в своём родном краю.
Пусть будет мирным небо на Кавказе,
Я славу малой Родине пою!
Мой верный пёс разбужен пастухом,
Спешит в луга скорей коровье стадо,
Промчится день, как на коне лихом...
Мне в жизни счастья большего не надо!

Иван ЕРЕМЕЕВ

В тех краях, откуда родом я

Из-за гор, не знающих о смерти,
Слаще и теплее янтаря,
Солнце входит, лучшее на свете,
В тех краях, откуда родом я.
Там увидишь, что дано не многим:
Белоснежным пламенем горя
Яблони в саду поют о Боге
В тех краях, откуда родом я.
Люди там простые и без лести,
И сосед, пусть не семья, – родня:
Дай две жизни – обе б прожил вместе
В тех краях, откуда родом я.
Повелось из старины глубокой,
Где ничто не делалось зазря:
Просто так не говорится слово
В тех краях, откуда родом я.
Будет всяко; примут руки вместе
Дерево сохи или цевья,
Дай лишь Бог не опорочить чести
Той земли, откуда родом я.

Жизнь идёт, скупа порой на радость,
Смерть идёт – слабее лишь себя.
Я умру – и частью гор останусь
Той земли, откуда родом я.

Ночь

Дехлеви, Кулиев и Басё.
Лунный диск безмолвен над Перервой.
Он – присохший к небу мотылёк,
Перед смертью трепетавший нервно.

Ночь кочует сонно на восток,
Умирая пятый раз за месяц.
Я рисую буквами её.

Пусть живёт своей неполной песнью
В клетку чернобокую листок.

Бродит тутик

Бродит тутик. Голуби пьяны.
Лужи в паутинах серых трещин.
Ветер из неведомой страны
Загребает уголь солнца в клещи.
Розы умирают день за днём,
Пенясь в увяданьи одиноком.
И, горя серебряным огнём,
Дождь кипит на жести водостока.

Я вижу по ночам с тобой

Я вижу по ночам с тобой,
Я с неба падаю
К порогу мягкою золой,
Седым-седая под травой,
О ты, земля моя!
Ты, город, спящий у реки
В орехах греческих!
Я номеров твоих гудки,

Я голос, хриплый от зари
В твоих диспетчерских.
Я – до рассвета пять секунд
С горами синими.
Я – комариных улиц зуд,
И тополей цветущих тут
Живые инеи.
Стучится снова ночь ко мне,
И без страдания,
Лечу на месяце-коне,
Держа в укутанной руке
Воспоминания.

Аминат ПАХАЕВА

Во дворе у нас сегодня
Много света и тепла!
Дело даже не в погоде,
Что весна нам принесла.

К нам приехали внучата –
Ожил весь наш дом и двор!
Тишина ушла куда-то,
Что была здесь до сих пор.

Всюду слышен детский лепет,
Детский плач и детский смех –
Слаще мёда звуки эти
И дороже кладов всех!

Разбросали все игрушки:
Мишку, зайчика, утят,
Куклу, мячик, погремушки, –
А потом... пошли гулять!

Огород, сарай, курятник –
Всё подворье обошли.
К вечеру мои ребята
Расчумазые пришли!

...Девять на часах пробило,
Крепким сном внучата спят.
Я хочу всем детям мира
Доброй ночи пожелать!

Травинка лета

Посвящение Кайсыну Кулиеву

Живу я просто, как дышу, в том нет секрета.
Я не вершина, не сосна – травинка лета.
Но «все поэты кунаки», – сказал Есенин.
А значит, мне Кайсын кунак, наш добрый гений!
Хоть разминулись мы в годах, всегда он рядом.
Касаюсь строчек кунака пытливым взглядом.
В них жизнь бурлит и что ни образ – близкий кто-то.
И в каждой строчке кунака – души работа!
Живу я просто, как дышу, в том нет секрета.
Но мы с Кайсыном – кунаки, мне важно это...

Иконы

О чём грустят в тиши иконы?
Не слышим мы их плач и стоны.
Они вбирают нашу боль.
Надежду дарят, свет, любовь.
Их потому печален взгляд.
Прислушайтесь, они кричат.
Невозмогу – мироточат.

Дома

Хоть не умеют говорить дома как люди,
Они грустят, они нас ждут и любят.

Наталья ФИЛОНЕНКО

Весна

Опять весна. Опять цветут сады
И солнца луч на струнах душ играет.
Ищу причину, а причины нет,
Её никто, никто не знает.

Тревожит все – и солнца первый луч,
И птиц неугомонный этот щебет.
И воздух этот первозданный чист.
И чувство странное, что кто-то вдруг приедет.
Все это повторялось много раз.
И вновь, и вновь, лишь почки развернутся,
Опять струится теплый свет из глаз
И хочется прохожим улыбнуться.

Татьяна ШУЛИГА

Запах солнца

Я сказала: люблю запах солнца.
Запах солнца, что ранней весной,
Выпиваю до самого донца,
Я глазами, дыханьем, душой!
Передать свои чувства старалась,
Что весной в своём сердце ношу,
А подруга моя рассмеялась,
И сказала, людей, мол, смешу!
Ну, какой может быть запах солнца?
Ну чего ты тут сходишь с ума?
Лишь открыла природа оконце,
И окрасилась в зелень трава.
И тепла настоящего нету!
Воздух, можно сказать, что сырой.
На подругу свою привереду,
Я махнула, вздыхая, рукой.
Ощущаю я клеточкой каждой,
Как идёт от земли лёгкий пар,
И люблюсь, с какой дикой жаждой,
Пчёлы пьют первоцветов нектар!
Пахнет зеленью первых листочков
И поют, разливаясь, ручьи.
На бумаге рождаются строчки,
Словно пишут их солнца лучи!

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Карина Асадулаева и Милана Апикова – выпускницы СКГИИ этого года, теперь они уже дипломированные профессиональные писательницы. Хотя обе учились у одних и тех же педагогов, они совсем разные: по кругу интересов, тематике произведений, стилистике. Но в прозе для обеих жанр рассказа является самым интересным в бел-

летристике, так как он позволяет выделить особенно выпукло тот или иной типичный случай, ту или иную сторону жизни, дает возможность изобразить эпизоды человеческой жизни так, чтобы внимание читателя было полностью сосредоточено на них.

По вопросу принадлежности к тому или иному литературному течению можно сказать, что оба автора мечтают продолжить линию классической русской прозы с ее психологизмом, вниманием к внутренней жизни героя, глубиной и широтой поставленных проблем, однако в своих изобразительно-выразительных средствах учитывают все социальные изменения двух последних веков, поэтому часто обращаются к элементам модернизма и постмодернизма. Это и пастиш, и скрытое цитирование, и приемы потока сознания, что позволяет им уловить само движение мысли, выразить сложные нюансы внутреннего состояния, которые были доселе недоступны, чтобы максимально раскрыть внутренний мир героя рассказа или стихотворения.

Их герои – это те люди, которых девушки хорошо знают: друзья, родственники, соседи, бывшие и настоящие соученики, это молодые люди, их ровесники. Однако образ может родиться из газетной заметки, телевизионной новости, услышанного случайно эпизода из чьей-то жизни и т. д. Не надо быть пристрастным читателем, чтобы увидеть в этих первых литературных образах и ошибки, и несовершенства. Надеюсь, скоро мы увидим издания, в которых Карина и Милана предложат читателю более совершенные тексты. Для этого они получили широкое гуманитарное образование в стенах СКГИИ, где, смею надеяться, прошли не только авторскую инициацию, но и стали качественно другими.

*Людмила Шауцукова,
зав. кафедрой общих гуманитарных дисциплин СКГИИ*

Плацкарт

В вагон вошла старая торговка. Смуглая женщина с жилистыми грязными руками, тяжело дыша, тащила торговую сумку, забитую всякой дребеденью. Чипсы, носки, мед. В проходах тесно, и приходится протискиваться. Душный плацкарт. Неуёмные дети скачут по полкам из последних сил. Поезд идёт из Москвы вторые сутки. Уставшие провинциалы вздрагивают на остановках. Каждый мечтательно смотрит в окно.

«В Москве в первое время сложно, потом как по накатанной!..» Попутчики ввязываются в скучные беседы, попивая чай из фирменных стаканов. Проводница беспрестанно подходит к пожилой женщине с нижней полки, беспокоясь о её самочувствии. Россошь. Миллерово.

Пассажиры, съёжившись, спрыгивают со ступенек, подбегают к ларькам, жалуются на цены и возвращаются к вагону.

Проводница просит пройти в вагоны. Слева от неё мальчик требовательно просит дедушку взять ему в киоске машинку. Дедушка пытается умирить внука, негромким голосом объясняя, что это очень дорого и они не могут себе этого позволить. Люди поднимаются по ступенькам, озираясь, мальчик рыдает и переходит на крик. Пожилой мужчина, совершенно растерявшись и не находя себе места, говорит проводнице:

– Знаете, почему беднякам *всегда* не по себе? Им *всё всегда* не по карману.

Сезонная любовь

Резким движением стряхиваю снег с капюшона, громко шмыгаю носом, пытаюсь бесшумно закрыть тяжёлую дверь.

– Здравствуйте! А у вас есть мороженое?

Снова шмыгаю. Уже чуть тише.

– Пф. Ничего, что зима?

Молчу. Не больше секунды. И повторяю вопрос:

– А есть мороженое?

Усмехнувшись, продавщица, женщина лет пятидесяти в толстой вязаной безрукавке, указала пальцем на холодильник в конце зала.

– Посмотри там, под пельменями, может, осталось что-то...

«Что-то», – буркнула я раздражённо.

И обиженно направилась в сторону холодильника.

Несколько минут я сражалась с этими самыми пельменями, отдирая примёрзшие кульки от стенок окоченелыми пальцами. Добравшись до самого дна, я нащупала парочку эскимо, изрядно придавленных и

униженных. От брикетов пахло мясом и луком. Мне стало не по себе. Я потёрла ладошки и захлопнула дверцу. Ничего не сказав, выбежала.

Вслед мне прикрикнули: «А чего ты хотела?! Зима!»

Но я постаралась не слышать. Горло обожгло внезапным потоком снежинок.

Я тяжело сглотнула и решила пойти пешком.

И с каждым шагом крепло во мне ощущение, что мою холодную любовь высмеяли. Ведь она была такой несвоевременной. Вот летом можно. И весной чуть-чуть. А сейчас забудь. А чего ты хотела? Зима.

Наши смелые тени струятся по стенам.
Ноты вяжут во рту,
Ты осторожно перебираешь их языком.
Кладу руку на спинку стула,
Голову – на руку.
Зажмуриваюсь,
Выдыхаю,
Кладу вторую на твоё плечо.
Кроткая мелодия скользит по моим ключицам
И замирает, чуть дрожа, под твоими холодными ладонями.

Я – бумажный герой этой осени,
Я – творец своих малых побед,
Но стихи мои будто бы с проседью,
И никак не ложатся в сонет.
Я хватаю листок, как вакцину,
Но небрежно рождаю строку.
За такое поэт должен сгинуть,
Но иначе пока не могу.

В любые 4:20 утра
Нам обычно никуда не пора.
И, правда, как ты его оставишь?
Трепетного мальчика меж клавиш.

Забор

Мы переехали в небольшой дом в пригороде. Соседей было мало, так как дома только строились и лишь немногие уже были заселены. То были пожилые люди, либо купившие домик под дачу, а семей с детьми проживало еще меньше. Рядом с нами в доме еще старой постройки жил один мужчина. Он всегда выглядел угрюмо, разговаривал с соседями только по делу: не проводил вечера на скамейке у ворот, мило беседуя, вместе с другими. Где он работал, я не знал, но был уверен, что это была скучная и тяжелая работа, видя, как он уставший и еще более угрюмый возвращается домой в шестом часу. А свои выходные он проводил время под своей машиной, весь в масле и с черными руками, либо не выходил из дома вообще. У него никогда не гостили дети, не устраивались вечерние посиделки с друзьями, отчего он казался мне еще более странным. Я не понимал, как мои родители, да и все соседи, общались с ним обычно, будто он ничем не отличался от них. Будто я один замечал эти странности за ним.

Как-то раз в воскресенье утром он вышел красить свой дощатый забор. И, прокрашивая каждую доску, не меняя своего хмурого выражения лица, провел у него весь день. На следующее утро, отправляясь в школу, я глядел на этот темно-зеленый забор и даже заметил, что он выглядит симпатичнее, чем раньше. Вернувшись из школы, я переоделся и, не успев пообедать, вышел во двор гулять. Меня манил этот забор.

Я подошел к нему, чтобы коснуться. Густо нанесенная краска была приятна на ощупь. Тут моя рука набрела на комок – сгусток краски. Я не мог не соскрести его. Среди инструментов, оставшихся после ремонта, я нашел шпатель. Отдирая комок, я не мог остановиться и принялся колупать всю доску настолько, насколько мне позволял мой рост. В этот момент я думал: «Ничего... Еще покрасит. Он всё равно плохой человек».

На следующий день я повторил то же самое с другой доской. И на третий день тоже. Я уже ясно осознавал, что делаю это намеренно. На пятый день доски, обезображенные мной, были покрашены. Но без капли смятения я продолжил заниматься своим делом. Я чувствовал, что поступаю правильно, наказывая этого человека, как герой из комиксов, очищающий улицы своего города от бандитов и негодяев.

Где-то через неделю я увидел, как сосед зашел к нам во двор, к нему вышел папа. Они стояли и разговаривали, и, кажется, я догадывался, о чем. Затем оба направились к крыльцу. Заглянув в дом, папа окликнул меня. По моему телу прошла дрожь, и я почувствовал легкий холод. Вмиг я понял, что всё, что творил, было не благородством, а хулиганством, будто я себя только оправдывал.

Я робко вышел к ним. Никогда я еще не видел соседа так близко. Впервые я мог разглядеть его лицо – вблизи оно казалось мягче, брови не так нахмурены, а губы не так сжаты. Теперь он мне казался не таким угрюмым и устрашающим, но по-прежнему страшно строгим. Сосед посмотрел на меня, и я знал, о чем сейчас пойдет речь.

– Зеленый – не лучший цвет для забора, не так ли?

– Нет, нормальный, – ответил я тихим голосом.

– Какой цвет посоветуешь?

– С-серый, – еще более робко пробормотал я.

– Хм... – он нахмурил брови, – пожалуй, интересное решение. Так и сделаю.

Мне было стыдно, но я не понимал, почему он не ругается, не злится, и даже наоборот – соглашается со мной.

– Может быть, ты сможешь нашему соседу покрасить забор? – вдруг вмешался папа.

– Помогу, – виновато произнес я.

– Вот спасибо! – радостно сказал сосед, он улыбнулся, и его лицо покрылось множеством морщинок. – Жду тебя завтра.

Отец направился его провожать. Я не понимал, зачем перекрашивать забор, при чем здесь я?

На следующий день отец отвел меня к соседу, тот уже ждал – с краской и кистями. Почти сразу мы принялись за работу. Он показывал мне, в каком направлении нужно красить, как макать, как прокрашивать сложные участки. Я привык к его добродушному выражению лица. Позже я уже не понимал, как мог недолюбливать его, совсем не зная, каков он? Как видел в нем злодея? А нужно было только узнать его поближе. Впервые я поменял мнение о человеке так быстро. Мир для меня стал еще интереснее.

Внутри каждого человека целый уникальный мир, и чтобы его увидеть, порой недостаточно простого взгляда.

Шрам

Помнится, как-то раз у нас было три урока, домой я пришла рано. Мама была дома, сестра в школе. А я прибежала, вдохновлённая идеей одноклассницы: она принесла карамельки из сахара, сделанные, по её утверждению, ею самой. Впрочем, это было не так уж и сложно, весь процесс она описала мне на перемене, и я решила, что для первоклассницы это плёвое дело.

А именно: нужно было взять ложку сахара, подержать её над огнём, пока сахар не растает. Полученный сироп поместить на доньшке перевернутого стакана, предварительно смазанного маслом. Остаётся

дождаться, когда сахарные медальки застынут, и можно лакомиться сладеньким.

Дома я бросила портфель в прихожей и, как есть, в форме, забежала на кухню. Мама делала генеральную уборку и находилась в это время в гостиной. Она заметила моё появление, но решила не прерываться. Я позвала её, мне очень хотелось поделиться с ней интересным рецептом, но в ответ услышала лишь: «Сейчас». А это значит, что она слишком занята и мне пора приступать к своему эксперименту самостоятельно.

Долго я с ложкой в руках смотрела на сахарницу, не решаясь начать. Но услышав звук пылесоса, я поняла, что мама будет ещё не скоро, и моя рука, будто под воздействием какой-то силы, потянулась к столу. Я черпнула сахар. Стоп. Мне ведь надо зажечь плиту. Вот мама разозлится, думала я и вместе с тем доставала спичку из коробка. Признаться, задуманное мной удалось с третьего раза. Я поспешила к столу, где меня ждала моя ложка. Приставила табурет к плите, забралась на него вместе с прибором. Все, держу ложку. Все во мне трепетало. Я не могла сдерживать улыбку, ведь была уверена, что все трудное позади, причём пройдено мной вполне успешно. Дело за малым – вылить сироп на стакан. А стакан же я не приготовила! А сахар уже закипал. Я обернулась к столу, пытаясь взглядом наткнуться на что-то вроде стакана, при этом продолжала держать ложку над огнём. Вдруг совершенно неожиданно я почувствовала адское жжение на запястье. Повернувшись к своей руке, я увидела на тыльной стороне ладони сироп, который уже застывал прямо у меня на руке. Мой крик оказался громче пылесоса, и мама вбежала на кухню.

Руку под холодную струю воды. Мама пока не показывала злости. Она пыталась меня утешить, гладила по голове и говорила, что все будет хорошо. Но я знала: сейчас она обработает мне ожог, все придёт в норму. Только тогда мама начнёт ругаться, нельзя допустить, чтобы я ещё что-нибудь натворила без неё. Но я и так это поняла, я и сама больше не хочу делать что-то без неё.

Шрам от ожога на руке напоминает мне о том, что нужно сначала убедиться в правильности своих действий, прежде чем принимать решение и поступать так или иначе. И хотя я давно уже не ребёнок, я все ещё боюсь получить «ожог», всегда полагаюсь на чьё-то мнение. Но, может быть, чтобы жить своей жизнью, полной и яркой, нужно смириться с тем, что без ожогов и шрамов не обойтись?

Задин МАРЕМОВ

О СЕБЕ, СВОЕЙ РАБОТЕ,
СВОИХ ПРИНЦИПАХ

(Воспоминания старого журналиста)

Я полностью являюсь порождением и продуктом ушедшей эпохи, Советского периода, коммунистической идеологии, которую мы впитали в себя с молоком матери, в которую верили искренне и чему служили честно и добросовестно. Одной из наших любимых песен в детстве была песня со словами:

*Мы дети заводов и пашен,
И наша дорога ясна,
За детство счастливое наше
Спасибо, родная страна!*

И более радостного, беззаботного, полного счастья периода в моей жизни, как время пребывания в колхозном детском садике и трех лет учебы в Нартанской начальной школе, у меня больше не было. Это было накануне Великой Отечественной войны. Отец, мать, старшая сестра работали в колхозе и зарабатывали на полную обеспеченную жизнь. Сестра Жану, колхозная доярка, была награждена орденом «Знак Почета» и избрана депутатом Верховного Совета КБААССР. Я, брат Гид и другая сестра, Женя, учились в школе.

На всю жизнь запомнились мне многолюдные веселые праздники, которые устраивали колхозники прямо под открытым небом на просторном зеленом левом берегу реки Нальчик. Каждая из 14-ти бригад праздновала отдельно. Так что на всем четырехкилометровом протяжении сельского выгона воздух был напоен ароматом шашлыка и пышных лакумов.

Нас, пионеров, тоже приглашали на эти торжества, где мы читали восторженным колхозникам стихи, пели песни, танцевали. Запомнились первые строки одного из стихотворений, которое я, первоклассник, читал колхозникам. Они звучали так: «Я хочу, как Водопьянов, быть страны своей пилотом, чтоб летать над облаками, управляя самолетом». Запомнились щедрость, богатство и разнообразие угощений, которые устраивались для ликующих колхозников, и особенно детей. Нас приглашали к выставленным в длинный ряд картонным коробкам, наполненным разнообразными конфетами и печеньем. Добрые дяди и тети брали у нас заранее сшитые матерями к этому случаю белые матерчатые

мешочки и наполняли их конфетами-подушечками с вареньем внутри и прозрачными, как стеклышки, разноцветными трехгранными леденцами. Если взрослым казалось, что у кого-то мешочек слишком мал, с его владельца снимали шапку и наполняли ее тоже сладостями.

Так до окончания третьего класса в мае 1941 года я не знал никаких забот, кроме учебы и посильного труда дома, в помощь работающим в поле родителям. Затем началась страшная война, и для меня на целых четыре года, а для очень многих наших ровесников навсегда, была прервана учеба в школе. В одночасье мы, 12–13-летние подростки, превратились в колхозников, которые каждое утро на рассвете по зову бригадира обязаны были выходить в поле вместе со стариками и женщинами, которые после ухода на фронт мужчин оставались главной рабочей силой. Теперь уже никто не вспоминал об обязательном всеобщем семилетнем образовании для детей. Лозунгом жизни стали слова: «Все для фронта, все для победы!». И никто, ни взрослый, ни совершеннолетний человек не мог увильнуть от работы. За малейшее неповиновение бригадиру виновный подвергался тяжелому наказанию по законам военного времени.

Тянул и я этот непосильный труд до окончания войны. В те тяжелые годы в семье одна мать оставалась главной кормилицей ее членов: отец еще до войны надорвался на тяжелой колхозной работе, дважды был прооперирован и стал инвалидом, старший брат находился на фронте. Я, моя сестра, тоже подросток, сын старшей сестры, чей муж погиб на фронте, – всех нас должна была кормить и одевать уже немолодая мать-колхозница.

В 1945 году в наш дом пришла большая радость – вернулся с фронта, хотя и инвалидом, но живым, брат Гид. Но не прошло после этого и двух месяцев, как не стало отца.

Брат больше не позволил мне оставаться вне учебы. И в 1947 году, будучи почти взрослым юношей, у которого под носом уже появились пушистые ростки, я пошел в четвертый класс продолжать учебу.

Как память о том далеком голодном и холодном годе, как дорогую реликвию храню Почетную грамоту с портретами Ленина и Сталина в верхних углах, которая была вручена мне по итогам четвертого класса «За отличную учебу и примерное поведение». Имею подобные грамоты и за все другие последующие классы уже средней школы.

Семья очень остро ощущала беды послевоенного времени. Не хватало еды, одежды, учебных принадлежностей. Небольшим подспорьем семье служило то, что мы зарабатывали во время каникул, собирая и реализуя лесные плоды. А по выходным дням зимой и летом нашим занятием была доставка из лесу дров на санках или тачках.

Я на всю жизнь остался благодарен тогдашним руководителям Нар-танской средней школы Фазилю Аисовичу Напсо и Юлии Николаевне Шекихачевой, которые делали все, что в их силах, чтобы мы из-за нужды

не бросили учебу. Благодаря им, я был дважды отправлен в детский санаторий: когда учился в шестом, а затем в седьмом классах. А в восьмом классе мне, секретарю ученической комсомольской организации, была назначена комсомольская стипендия.

Все это помогало мне учиться на одни пятерки. Еще в школьные годы мое имя было занесено в Книгу почета Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ, а на республиканской комсомольской конференции, состоявшейся в январе 1951 года, я был единственным делегатом-школьником.

В те годы республика ощущала острую нехватку специалистов в разных отраслях народного хозяйства, и представители министерств искали по всем школам наиболее успевающих выпускников, чтобы отправить на учебу в любой престижный вуз страны на льготных условиях. Мне предлагали поступить в Московскую Тимирязевскую сельхозакадемию. Но отсутствие средств не позволило мне воспользоваться этой прекрасной возможностью. И после окончания школы в 1952 году я поступил на отделение русского языка и литературы тогдашнего Кабардинского государственного пединститута.

Здесь тоже учился неплохо, все время получал повышенную стипендию, два года был секретарем комитета комсомола историко-филологического факультета, с чем тоже, видимо, справлялся неплохо, ибо был награжден Почетной грамотой обкома ВЛКСМ.

После окончания института в 1956 году работал учителем русского языка и литературы в Герменчикской средней школе два года, а в школе-интернате с. Нартан – один год.

Затем, в 1959 году, перешел в журналистику. И путь этого моего перехода был банальным: все время, пока я учился в средней школе, а затем в вузе, я был внештатным корреспондентом газет «Къэбэрдей пэж», «Советская молодежь» и «Кабардино-Балкарская правда». Эти редакции охотно публиковали мои материалы. А когда мои критические газетные статьи в «Кабардино-Балкарской правде» способствовали началу электрификации селения Герменчик, затем снятию с должности главврача Нартанской сельской больницы за грубое нарушение медицинской этики и клятвы Гиппократата, я решил, что мое место в журналистике.

И прошел я здесь все ступеньки районной журналистики от корреспондента и фотокорреспондента до должности главного редактора и вновь корреспондента после ухода на пенсию.

Тринадцать лет работы в Урванской районной газете «Маяк» фотокором, заведующим сельхозотделом и заместителем редактора, и двадцатилетний труд главного редактора газеты «Красное знамя» Чегемского района убедили меня в том, что работать в газете и интересно, и живо, и почетно, и доставляет творческое удовлетворение, если удастся с ее помощью сделать людям что-нибудь нужное, полезное, решить беспокоившие их проблемы и т. д.

Для этого журналист должен обладать не только умением подбирать и увлекательно излагать факты, но и неопровержимо доказывать их достоверность, особенно если эти факты вызывают недовольство у начальства. Здесь журналисту не обойтись без своей твердой позиции, принципиальности.

Моя практика двадцатилетней работы главным редактором и 60-летней деятельности в районной журналистике изобилует фактами, когда попытки доказать правду через прессу или другими средствами ставили под угрозу мою карьеру, должность.

Я работал редактором всего несколько лет, когда по распоряжению тогдашнего секретаря обкома партии всемогущего Мельника А. А., ведавшего кадрами, нашу редакцию выгнали из здания, где сейчас размещается райвоенкомат, и разместили в зимнее время в холодную и сырую полуразвалюху с печным отоплением. Об этой несправедливости со стороны партийного руководителя я доложил в своем выступлении на республиканском съезде Союза журналистов.

В отместку мне Мельник предложил идеологической комиссии обкома КПСС сорвать мне очередную аттестацию, что означало освобождение от должности. Положение спас бывший редактор «Кабардино-Балкарской правды», член указанной комиссии Б. П. Черемисин, который заявил, что принятие указанного решения будет означать месть за справедливую критику, и меня оставили в покое.

Руководство района и Союз журналистов дважды представляли меня к званию «Заслуженный журналист КБР». Оба раза республикан-

Супруги Задин и Евдокия, сын Мухамед, мать (бабушка детей) Гашамаша, дочери Фатима и Зарема. 1975 год

ская комиссия по званиям положительно решала этот вопрос, но уже руководство КБР, не без усилий того же Мельника, всякий раз отвергало его, – это тоже было мезью за ту критику.

Не постеснялся я также призвать избирателей селения Нартан на предвыборном собрании провалить на выборах в районный Совет народных депутатов кандидатуру присутствовавшего здесь же первого секретаря РК КПСС, так как он не воспрепятствовал изъятию у Нартана по сфальсифицированным актам большого количества якобы непригодных для сельского хозяйства добротных пашен и сенокосов, которые были розданы под дачи руководителям республики и их приближенным. Вскоре с разоблачением этой махинации я выступил и в своей газете со статьей «Нартан мой, боль моя». За эту дерзость тогда я мог быть, безусловно, выведен из состава бюро РК КПСС и лишен работы. Тем более что тем самым первым секретарем тогда был очень жестокий, несправедливый и мстительный карьерист. Но факты у меня были такими вопиющими и неопровержимыми, что решили не обострять дело.

Мне пришлось вмешаться и в дела сельского поселения Нартан, где администрация – в превышении своей власти – приняла постановление, ущемлявшее права верующих Джамаата Клишбиевского. Этим своим распоряжением сельская администрация решила изъять у мусульман принадлежавшее им здание мечети и разместить в нем сельское отделение полиции.

Об этой несправедливости и напечатал я в газете критическую статью, в свою поддержку созвал собрание верующих, которое потребовало от главы сельской администрации отменить свое незаконное решение. Оно так и получилось. Здание вернули Джамаату. За это и за то, что, совершив в Мекку паломничество, я написал свои путевые заметки, которые были опубликованы в мусульманской газете республики, Духовное управление мусульман КБР вручило мне грамоту «...за большой вклад в возрождение Ислама».

Не мог однажды не вмешаться как газетный работник и в постоянно творимое в районе, и не только в нашем, безобразии с импортными товарами, поступающими в райпо. Они отличались высоким качеством и стоили в два-три раза дешевле, чем на рынке. Самые лучшие из этих товаров забирали для себя и своих родственников или для перепродажи на рынке прямо со склада райпо руководители района. А в сельские магазины отправляли накладные и разнарядки вместе со стоимостью указанных в них товаров, которые якобы проданы передовикам сельского хозяйства. Это вызвало у людей недовольство и возмущение, но они были бессильны что либо изменить.

Однажды в райпо поступила партия красивых и элегантных импортных женских пальто с воротниками из ламы для продажи передовым дояркам и овощеводам. Но никто из них в глаза не видел

Задин Матанович с заместителем редактора газеты «Маяк» и группой журналистов и полиграфистов газеты. 1968 год

эти вещи, хотя и колхозные, и совхозные руководители услужливо отчитались перед руководством разнарядками о том, кому из труженниц «проданы эти вещи». На каждой ферме с иронией спрашивали меня, не получил ли и я как один из руководящих лиц района пальто с ламой для жены.

Я решил ответить на этот вопрос через газету. Объехал весь район, выясняя, кто из доярок и овощеводов, указанных в отчетах, получил импортное пальто. Оказалось, что никто. И я написал и опубликовал фельетон под названием «По следам импортных пальто». За это бюро РК КПСС наказало очень мягко, для вида, председателя райпо, хотя и не он распределял злополучные пальто. Зато на этот раз надо мной стали сгущаться тучи – поручили заведующему отделом пропаганды и агитации подготовить факты против меня. На бюро РК КПСС был вынесен вопрос о моем освобождении от занимаемой должности. Спасло меня вмешательство председателя Президиума Верховного Совета КБАССР, ныне покойного Б. К. Чабдарова, который и много лет тому назад, будучи первым секретарем нашего райкома партии, приглашал меня на должность редактора и ценил, хорошо зная меня по совместной работе в Урванском районе.

Итак, немало лиха пришлось мне вытерпеть за свое правдолюбие, «вредный характер», за привычку не проходить мимо творимых вокруг безобразий.

Защитой нам от гнева начальства за критику было то, что наш редакционный коллектив не давал ему объективного повода быть недовольным своей работой. Нашу газету считали одной из лучших в республике. Об этом писал в республиканских газетах даже сам заведующий сектором печати обкома КПСС Т. Машуков.

Об этом говорит и то, что иногда, может быть скрепя сердце, но поощряли, хвалили нас. Так, в день моего пятидесятилетия сам Б. К. Чабдаров вручил мне высшую награду республики – Почетную грамоту Президиума Верховного Совета КБАССР. А еще раньше я был награжден Почетной грамотой обкома КПСС, Ленинской юбилейной медалью, множеством почетных грамот.

Я признан тружеником тыла во время войны и награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», имею удостоверение ветерана войны. Каждый год правительство присылает и мне юбилейные медали, выпускаемые в честь круглых дат Дня Победы, получаю от Президентов России сердечные поздравления с Днем Победы. А односельчане присвоили мне высокое звание «Почетный гражданин с.п. Нарган».

Ушел я на пенсию в 1993 году. Но в следующем году новый редактор Б. Х. Кануков вновь пригласил меня на работу корреспондентом и продолжил трудиться, как говорится, на благо родной газеты. Очень воодушевляло то, что районное руководство ценило нашу скромную работу, что глава района М. Х. Мамбетов неоднократно заявлял: «Если сегодня Задин уйдет с работы, завтра нам придется закрыть редакцию». Это было, безусловно, преувеличением, но все же было приятно слышать от главы района.

Раз редактор попросил меня написать все о себе, скажу без ложной скромности, что период моей работы после пенсии районная администрация дважды вручала мне свои грамоты с денежными премиями, столько же раз награжден Почетной грамотой Правительства КБР. Моим очеркам была трижды присуждена первая премия Министерства печати и информации и Союза журналистов КБР. Это все поднимало настроение, воодушевляло на плодотворную работу. Любой день выхода нашей газеты без значимого материала, написанного мной, я считал бесполезно потерянным и старался, чтобы таких дней было как можно меньше.

Не дают мне, пожилому человеку, скучать, почувствовать старость также общественные нагрузки, которые тоже не привык выпонять спустя рукава. По мере возможностей сотрудничаю с ветеранскими организациями района, села и РОВД. Даже награжден Почетной грамотой руководства ветеранской организации при МВД России.

Совет местного самоуправления Чегемского района своим решением присвоил мне в августе 2017 года звание «Почетный гражданин района».

З. М. Маремов (второй слева) с председателем Союза журналистов КБАССР Борисом Мазиховым, заведующим отделом печати обкома КПСС Тазалом Машуковым и главным редактором газеты «Адыгэ псалъэ» Мухамедом Хафицей. 1982 год

Люди удивлялись моей работоспособности, непоседливому характеру. На это я им искренне отвечаю, что заслуги в этом, прежде всего, принадлежат Всевышнему Аллаху, который наградил меня таким богатырским здоровьем, что никогда в жизни я не болел, не лежал в больнице.

Пусть простят меня, старого человека, читатели за то, что отступлю от кабардинского обычая и скажу несколько теплых слов о человеке, с которым 48 лет делил радости и горести, живя под одной крышей мирно и спокойно, каждую минуту ощущая тепло и заботу о себе. Это Евдакия Хапачевна, дочь известного кабардинского писателя Хапачи Каширгова, которая ушла, к сожалению, из жизни в конце 2008 года. Именно ее, после Аллаха, считаю я главной «виновницей» того, что я такой живучий, здоровый и работоспособный, как говорится, никогда не знал, откуда дует ветер. Ее тоже хорошо знали многие в Чегеме. Всю жизнь она преподавала математику в СОШ № 2 города Чегема, затем в школе-интернате села Нартан.

И наконец. Доволен ли я своей жизнью, работой. Безусловно, доволен, хотя и в материальном отношении работа журналиста мало дает труженику низовой печати. Доволен тем, что я не плыл по течению. Иногда находил в себе силы и решимость противостоять несправедливости, произволу начальства, рискуя при этом потерять и на самом деле теряя в своем благополучии и часто зарабатывая себе головную боль. Зато я

смотрел людям и тогда, смотрю и сейчас честно в глаза, с чувством добросовестно исполненного долга перед ними. Но ни с чем не сравнимое удовлетворение доставляет журналисту сознание того, что его материалы читают люди, и они нравятся им, что его фамилию в газете ищут многие читатели. Приятно, когда к тебе выстраиваются в очередь люди, которые просят именно тебя написать очерк об их родственниках-ветеранах войны, знаменитых тружениках, деятелях науки, культуры, спорта и т. д. И истинный журналист, взяв на себя обязательство удовлетворить эту просьбу, не будет жалеть ни времени, ни сил, чтобы выполнить ее, написать о человеке таким образом, чтобы не только родственники, но и посторонние люди читали о нем с интересом.

И, действительно, долей истинных журналистов является, по определению великого советского писателя, «Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете».

Не одну сотню правдивых очерков о знаменитых людях Чегемского района написал я, особенно после ухода на пенсию и перехода на работу рядового журналиста. Большинство из них вошло в сборник очерков «Слава боевая, слава трудовая», который вышел из печати в конце 2017 года и получил высокую оценку читателей и руководства района.

1 июня 2019 года исполнилось 60 лет моей непрерывной работы в районной печати корреспондентом, фотокорреспондентом, заместителем редактора, главным редактором, а после ухода на пенсию в 1993 году и до начала июня 2019 года – редактором отдела. Сверх этого в самом начале своей трудовой деятельности три года я проработал в школе преподавателем русского языка и литературы.

Выше я назвал некоторые награды, врученные мне за многолетний труд. Уточню, что одних почетных грамот среди них более шестидесяти. В процессе труда своими грамотами награждали меня почти все бывшие государственные и общественные органы КБАССР, РСФСР, в частности, президиум Верховного Совета КБАССР, обкомы КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов и т. д. В наше время своих наград удостоили меня Парламент, Правительство КБР по два раза. В одной из грамот, недавно врученных мне председателем Парламента Татьяной Егоровой и ее заместителем Салимом Жанатаевым, сказано: «...За значимый вклад в становление гражданского общества в КБР».

Итак, отработав ровно 60 лет журналистом районной печати, 1 июня 2019 года я ушел, как говорится, на заслуженный отдых и вот уже год с трудом осваиваю «прелести безделья».

АБДУЛ ПШЕНОКОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ МАРЬЯМ НУРИМАНОВОЙ

Поэт, прозаик, лингвист, переводчик, собиратель фольклора – в творческой биографии Абдула Каншаовича Пшенокова (1907–1937) проявилось все, без чего было невозможно развитие письменной культуры национальных областей. О том, насколько яркими были его способности, и насколько они были востребованы временем, говорит хотя бы то, что в 27 лет ему доверили возглавить научно-исследовательский институт.

Всякая отвлечённость интеллектуальных поисков в ту пору была немыслима, и научная деятельность КБНИИ определялась «первоочередными задачами в развитии области».¹ В 1934 году Абдул Пшеноков принимает дела института, в котором действуют три сектора: языка, литературы и искусства, истории и производительных сил. Он не просто уверенно направляет разноплановую работу, а становится одним из главных её участников. Надо заметить, что до того момента Абдул Каншаович уже успел зарекомендовать себя на ниве просвещения и литературного творчества. Насыщенность его культурно-просветительской деятельности, которая развивалась параллельно учёбе в столичном вузе, впечатляет и сегодня. Приезжая на каникулы в родную республику, он трудился преподавателем на курсах повышения квалификации учителей, редактором при Госиздате, составлял хрестоматии и учебники, разрабатывал вопросы кабардинской грамматики, сочинял и переводил, несколько его произведений к этому времени в числе тех, что представили первый коллективный сборник социалистической поэзии Кабарды. Его современник, критик Джансох Налоев, оценивая литературу Кабардино-Балкарии 20–30-х гг., особо выделял «из группы молодых поэтов творчество тов. Пшенокова Абдула». Признавая, что, благодаря глубокому знанию мировой и русской поэзии, «Пшеноков сумел внести ряд существенных моментов новизны в структуру кабардинского стиха»,² Налоев искренне досадовал, «что количество оваянных молодостью и нежностью стихов ничтожно и поэт занимается поэзией не систематически».

Сведения о жизни и творчестве Абдула Пшенокова, так же, как и о других деятелях Кабардино-Балкарии, уничтоженных в период репрессий 30-х годов, очень ограничены. В истории культуры деятели этой плеяды занимают обособленное место: они были значимы уже в силу того, что были первыми. Однако полноценное восстановление их творческого наследия маловероятно, тем более маловероятно развёрнутое представление

¹ *Мамбетов Г. Х.* Кабардино-Балкарскому научно-исследовательскому институту пятьдесят лет (1926-1976). Нальчик, 1976. С. 32.

об их личностях. То и другое доступно сегодня только в усечённом виде. Судьба рукописей, изъятых при арестах, покрыта тайной, а все, что не успело попасть в распоряжение карающих органов, во многих случаях пряталось ближайшим окружением арестованных и часто оказывалось утерянным навсегда.

Факты творческой биографии, представленные в современных изданиях, опираются на немногочисленные материалы, увидевшие свет после реабилитации и по содержанию строго соответствующие с идеологическими ожиданиями эпохи.

Первый очерк¹ о жизни и литературном наследии Абдула Пшенокова принадлежит Екатерине Машитловой (1937-1981), труды которой заслуживают отдельного, подробного разговора, здесь же лишь скажем, что Е. Машитлова остаётся единственным исследователем, собравшим и систематизировавшим сведения о кабардинских писателях раннесоветского периода. В книге «Сделавшие первый шаг» это нигде не оговорено, но большая часть отобранных ею персоналий – представители писательской плеяды, жизнь которых оборвалась в 1937 году. Ни до неё, ни после, работ подобного рода не появлялось. В научном архиве Института, с которым связано имя Абдула Пшенокова (ныне Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН), хранятся материалы, вошедшие в эту книгу: индивидуальная папка по каждому автору, а на обложках уточнение – «Собрала Машитлова». В этом же архиве хранятся и воспоминания об Абдуле Пшенокове его супруги, Марьям Шакировны Нуримановой. Записка, предваряющая текст воспоминаний, свидетельствует о том, что они были запрошены И. В. Тресковым, известным исследователем северокавказской литературы, бывшим в своё время научным секретарём института. Очевидно, что факты, на которые опирается Е. Машитлова, почерпнуты из этих воспоминаний.

По тексту последних сразу ощущается ритм, в котором жил Абдул Каншаевич. Уроженец селения Куба, выпускник Ленинского учебного городка, Пшеноков отправился в столицу в 1930 году, поступил на литературный факультет Московского государственного педагогического института (ныне Московский педагогический государственный университет), окончил его досрочно, так же, как и аспирантуру при Институте языка и письменности народов СССР (в 1933–1936 именовавшемся «Научно-исследовательский институт национальностей ЦИК СССР»), – оба этапа в течение четырёх лет. Как пишет М. Нуриманова, работа в НИИ родной республики была одной из многих перспектив, но для Абдула самой желанной.

В 1935 году он занимается вопросами создания алфавита на кириллической основе и параллельно – своей кандидатской. Под его руководством проводится масштабная работа по сбору фольклорного

¹ *Налоев Д.* Литературное наследие. Нальчик, 2005. С. 131.

материала, часть из которого была отобрана для книги «Кабардинский фольклор», вышедшей в московском издательстве «ACADEMIA» в 1936 году. Во вступлении от редакции А. Пшеноков упомянут и среди собирателей фольклора, и в числе тех, кто оказывал бригаде московских поэтов-переводчиков большую помощь «в раскрытии неясных мест и в толковании архаизмов». Параллельно он издаёт хрестоматии по литературе на кабардинском языке, для чего, естественно, проделывает серьёзную переводческую работу.

Даже то небольшое из его художественных опытов, что дошло до наших дней, позволяет судить о необычности дарования А. Пшенокова. Как замечает Аскерби Шортанов, из ряда его поэтических произведений, в которых преобладает предметная образность, неизбежная в ту эпоху и вместе с нею же утратившая актуальность, в его творчестве проступают черты, побеждающие время. Так же, как некогда Джансох Налоев, Шортанов восхищается лирическими находками А. Пшенокова. Как пример многообещающей выразительности он приводит фрагмент переведённого стихотворения «Прощай»: «На вопль бессильный – / Ложится молчанье / Плитой могильной». «Таких стихов адыгская поэзия ещё не знала. Нам неизвестно, как они звучали в оригинале, но вслушиваешься в них с восхищением», – замечает исследователь, и продолжает – «Можно предположить, что Пшеноков осознал, что кабардинская поэзия становится однобокой, что она постепенно (через однотипные стихи) превращается в трафарет общих тем и «разжёвывания» этих тем. В конце концов, такая поэзия или дошла бы до самоубийства и была бы отвергнута читателем, или должна была отыскать какой-то выход. Таким выходом является лирика».¹

Сопоставление дат выявляет удивительный факт: в 1937 году на страницах Большой советской энциклопедии публикуется статья «Кабардино-Балкарская литература», написанная Абдулом Каншаевичем и Михаилом Евгеньевичем Талпой. Том, в который вошла статья, был сдан в производство 8 июля 1936 года, подписан к печати 15 февраля 1937 года. Пшенокова арестовали несколькими днями раньше – 9 февраля, Михаила Талпу – 9 мая 1937 года.

А. К. Пшеноков был «обвинён в том, что являлся участником контрреволюционной организации, ст. 58 – 10 ч. 2, 58–11 УК РСФСР. Постановлением Военной коллегии ВС СССР от 25 июля 1937 г. приговорён к расстрелу.

Расстрелян 25 июля 1937 г.

Реабилитирован 27 июля 1957 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР. АУД № 3049-П»².

¹ Сделавшие первый шаг. Нальчик, 1968. С. 42.

² Книга памяти жертв политических репрессий. Кабардино-Балкария 1920–1941. Нальчик, 2009. С. 371.

Группа ученых и писателей, подготовивших первое академическое издание «Кабардинский фольклор». Сидят (с л е в а н а п р а в о): поэт и переводчик М. А. Зенкевич, профессор В. А. Дынник, директор КБНИИ А. К. Пшеноков, профессор Ю. М. Соколов, поэт и переводчик А. П. Глоба, председатель правления Союза писателей КБАССР Ж. М. Налоев; с т о я т: писатель С. М. Кожяев, филолог-переводчик М. Е. Талпа, писатель П. Д. Шехихачев

К сожалению, на сегодняшний день единственным шагом общества по увековечению памяти Абдула Пшенокова можно считать звезду с его именем на Аллее славы, созданной в мае 2017 года на территории Дома культуры селения Куба.

Воспоминания его вдовы появились через год после реабилитации, в мае 1958 г. Двумя месяцами раньше М. Нуриманова обращается к председателю Союза писателей КБАССР, о чем свидетельствует письмо, хранящееся в Центре документации новейшей истории архивной службы КБР: *«Ваш земляк, мой покойный муж, Пшеноков Абдул Каншаевич – писатель-поэт, горячо любящий свою родную Кабарду и её талантливый трудолюбивый народ, свою короткую жизнь посвятил беззаветному служению, просвещению своего народа. В 1934 г., после окончания аспирантуры при литературном факультете Московского педагогического института (бывш. Бубнова) вернулся в Нальчик и работал директором научно-исследовательского института. Кандидат в члены КПСС, член Президиума Союза советских писателей КБАССР. 9 февраля 1937 г. Абдул был арестован...*

...27 июля 1957 г. посмертно реабилитирован. Умер во цвете лет, не раскрыв полноценно свои дарования.

10 августа 1958 г. – 20 лет со дня смерти Пшенокова А. К. Может, вы сочтёте нужным и возможным отметить годовщину смерти безвинно пострадавшего патриота. Собрать и издать его поэзию и прозу. В периодической печати (литературе рус. Москов.) и в местной печати, наверно, сохранились его литературные труды, да видимо, есть в архиве КГБ при СМ КБАССР. Из Москвы к ним переслано архивное дело Пшенокова, нет ли там предсмертных записок, дневников и т.д.

О своём решении, надеюсь, известите меня.

С уважением к Вам, вдова покойного, Нуриманова Марьям Шакировна.

1 марта 1958 г.

Ташкент

Собира Рахимова 63».

В левом верхнем углу письма стоит не вполне разборчивая резолюция: «12/III 58 г. Ответ дан» (или «дать», скорее – первое), и подпись. О том, какое решение было принято, нам неизвестно, но, возможно, отправленные вскоре В. И. Трескову воспоминания были как-то связаны с планами почтить память А. К. Пшенокова. Очевидно одно: никаких отдельных изданий, связанных с его именем, так и не появилось.

М. Нуриманова пишет воспоминания спустя двадцать лет после трагических событий – срок немалый. Однако большая часть повествования убеждает в том, что для неё все пережитое осталось в настоящем времени. Все факты М. Нуриманова описывает с бесконечной бережностью к деталям. Она возвращает нам характер А. Пшенокова, его интонацию. Здесь не только этапы биографии культурного деятеля, но история личного счастья, история высоких устремлений и их трагический, бесчеловечный финал. Как пишет сама Нуриманова во вступлении, «...воспоминания о Пшенокове А. К. не являются официальной докладной запиской. Я изложила факты. В них общественное сочетается с интимным».

Текст воспоминаний мы приводим в сокращении. Орфография М. Нуримановой оставлена без изменения. Позволим себе только краткий комментарий к некоторым фрагментам повествования.

Обращают на себя внимание сведения об отце А. Пшенокова, Каншао. Того, что здесь сказано, достаточно, чтобы поставить под сомнение крестьянское происхождение писателя, хотя во всех доступных нам источниках фигурируют формулировки «крестьянское происхождение», «из крестьян-бедняков». Между тем, передавая рассказ своего будущего супруга о его семье, М. Нуриманова упоминает, что «его отец Каншао до революции был управляющим имения князя». Четырехжды вступал в брак, поскольку рождались только дочери, а мечтал он о наследнике. Разумеется, ни то, ни другое крестьянин-бедняк позволить себе не смог бы.

*Абдул и Марьям (фото из семейного архива
Неллы Абдуловны)*

имени Марджан. В тексте М. Нуримановой – балкарка по имени Марьям. Также задерживает взгляд имя младшего брата Абдула. В воспоминаниях указывается Махмуд, в то время как в рассказах потомков звучит имя Тамаша. Последнее выгравировано и на одной из памятных звёзд Аллеи славы селения Куба. Причину, по которой возникло другое имя, мы узнали со слов его дочери, Раисы Тамашевны. Эту историю справедливо бы передать полностью, но здесь это невозможно, потому лишь скажем, что смена имени связана с трагедией, которая произошла в семье Каншао Пшенокова после раскулачивания.

Даты. Судя по всему, приведена ошибочная дата поездки А. Пшенокова к академику Н. Я. Марру – 1935 год. Как известно, академик скончался в 1934 г., до этого год находился в тяжёлом состоянии.

Первый съезд писателей КБАО (первая областная конференция) упоминается в череде событий 1935 года, в то время, как было это годом раньше.

Дата смерти А. Пшенокова, фигурирующая в воспоминаниях М. Нуримановой и в её письме, приведённом выше, – 10 августа 1938 г. Единственное объяснение в том, что от близких утаивалась информация, их намеренно вводили в заблуждение.

Настоящие материалы, дополненные фотографиями из семейных архивов Риммы Нажмудиновны Пшеноковой и Замира Мусовича Пшенокова (внучатого племянника Абдула), были опубликованы нами в электронном журнале «Кавказология» (2018, № 1). Тогда они завершались тем, что связь родственников с прямыми потомками Абдула Пшенокова прервалась.

Мы безрезультатно искали прямых потомков Абдула в течение двух лет. А в первых числах нынешнего года пришло письмо. Простые, про-

Вместе с тем, понятно, что указание в анкетах на социальную принадлежность, даже немногим более «высокую», нежели крестьянская, не сулило ничего хорошего, и можно предположить, что случаи сокрытия информации представителями интеллигенции были нередки.

Относительно матери Абдула. Доподлинно известно, что ею была карачаевка по

никновенные слова: «Пишет Вам Алена, правнучка Абдула Пшенокова...». Как оказалось, пока мы рассчитывали очередные возможности поиска, электронная публикация неспешно совершала свой путь к Нелле Абдуловне. Теперь мы знаем о том, как сложилась дальнейшая судьба автора воспоминаний, и имеем возможность уточнить предыдущие сведения.

Добравшись до Ташкента (а путь, как свидетельствует Нелла Абдуловна, лежал из Нальчика в Москву, и оттуда в Ташкент), Марьям с матерью и дочкой были встречены семьёй Майи – сестры

*Абдул Пшеноков с дочерью Неллой
(фото из семейного архива
Неллы Абдуловны)*

Марьям. Именно эти люди помогли устроиться на новом месте, помогли пережить мрачные военные годы. В 1967 году, будучи уже на пенсии, Марьям вернулась в Нальчик, где жила до 1992 года. При ходатайстве Института она получила квартиру, имя супруга было восстановлено в Союзе писателей Кабардино-Балкарии.

Нелла Абдуловна со своей семьёй проживает в Ташкенте. Казалось бы, что могло запомниться из трёх самых ранних лет, в которых отец был ещё рядом? И все же бывало, перед сном в сознании возникали обрывочные картинки. Они возвращали образ отца. Были среди них и те, что сильно напоминали «Последнюю встречу», которой завершаются воспоминания.

Мы адресуем слова искренней благодарности каждому, кто содействовал нам в сборе информации: заведующей научным архивом ИГИ КБНЦ РАН Айшат Кучуковне Шапаровой, Замиру Мусовичу Пшенокову и его супруге Луизе Хасановне, Раисе Тамашевне Макоевой (к сожалению, её уже нет с нами), Римме Нажмудиновне Пшеноковой.

Воспоминания о дорогом, но безвременно ушедшем друге

<...> При общежитии Московского педагогического института, где я училась, был свой каток. После занятий вечера проводили большей частью на катке. Иногда выезжали на городской каток, тогда катались под музыку.

18 февраля 1932 года... я надела... коньки и ...случайно сделала резкий поворот и, как подстреленная, рухнула на пол. Нестерпимая боль

в правой ноге. Не зная, почему я упала, подруги смеются. Мне больно, я плачу... Оказывается, дело серьёзное: вывих коленной чашечки и порвана связка.

Больная нога на несколько месяцев приковала меня к постели и поставила в зависимое положение от окружающих, т.к. на костылях не могла двигаться по лестницам (жила я на втором этаже). При помощи палочки двигаться было больно, да и врачи не разрешали.

Один из апрельских дней. Все мои однокурсницы на политехнической практике. Покушать мне не оставили. Я проголодалась. Решила проверить свои силы, сходить в столовую. В столовой встретила нашего уфимского (т.е. земляка) Еникеева Гильми (Гильмитдина), студента II курса литературного факультета МГПИ, с ним был его товарищ по курсу и по комнате. Гильми нас представил друг другу, говорит: «Мавр, познакомься, твоя будущая Дездемона». Он представился: «АКП», т.е. Абдул Каншаович Пшеноков (полное имя Абдул-Гамид).

«Дети разных народов», Абдул – кабардинец, я – татарка, были полнейшими противоположностями, контрастами во всем.

Он брюнет с черными, вьющимися волосами. Густые мохнатые брови и ресницы, густая, чёрная во все лицо борода и усы. <...> Темные (очень внимательные и все видящие) продолговатые глаза. Говорят, «глаза зеркало души», у него действительно по глазам можно было, как по открытой книге, прочитать, что творилось в душе: во время радости они горели, излучали искры, в часы недовольства грустные, без блеска, принимали цвет тёмного гранита и т.д.

<...> Абдул довольно часто заходит в нашу комнату поболтать. Оказывается, он переехал в наше общежитие (Усачёвка, 64), нашёл общий язык со всеми жильцами 54-й комнаты. Интересный собеседник, находчив, остроумен. Речь с лёгким кавказским акцентом, голос мягкий, приятный, негромкий. Девочкам он понравился. С Зоей Горбачёвой (моей однокурсницей) говорит, как средневековый рыцарь с дамой сердца, специально подбирает стихи и цитаты из рыцарских романов. С Идой (Антонидой) Павловой беседует как великосветский повеса. Мне уделяет мало внимания. Справится о здоровье, спросит, в чем я нуждаюсь, носит художественную литературу, заберёт прочитанные книги, оставит новые, вот и все.

Однажды он преподнёс ветки кавказской мимозы. Сам растерялся, смутился, растерялась и я. Девочки заметили. Иронизируя, Ида продекламировала: «Она меня за муки полюбила». Абдул отпозировал: «А я за состраданье к ним». <...>

Июнь 1932 г. Абдул очень любил природу, во все времена года. По выходным и свободным дням выезжали за город. Изучали окрестности Москвы, любовались природой. Во время одной такой прогулки рассказал автобиографию. Родился в 1907 г. в селении Куба,

отец Каншао до революции был управляющим имения князя (какого не знаю), человек с байскими феодальными замашками. Был женат четырежды, т. к. первые три жены не рожали сыновей. Последний раз женат на балкарке по имени Марьям (моя тёзка), очень красивой 16-летней девушке (в каком году, не знаю). Моя тёзка принимала участие на смотринах (выставке) красавиц Востока в Анкаре и получила приз красоты, а впоследствии её фотокарточки продавались во всех киосках. Мать Абдула осчастливила Каншао, родила троих сыновей (Абдул-Гамид, Ноос-Мутдин, Махмуд и дочь Мораль). Но старому Каншао не довелось выводить своих отпрысков в люди, он умер, когда дети были ещё совсем маленькими. Умерла и жена. Детей воспитывала общая сестра – Шаша (от первого брака).

В дальнейшей судьбе Абдула большое участие принял Б. Калмыков. Они друг друга любили крепко. Абдул называл его отцом. Во время одной поездки в Кубу Бетал встретил кудрявого пастушонка, привёз в Нальчик, устроил в Ленинской школе (или училище), и пока Абдул был жив, Бетал справлялся о его успехах, радовался за него, подбадривал его, но когда тот выходил из повиновения, ругал его немилосердно. <...>

Лето 1932 г. Кончился учебный год. Мы оба стали на курс старше, т.е. третьекурсники. Долго упрашивал меня ехать с ним в Нальчик, но я решила поехать в Уфу к знакомым. В Нальчике его ожидали дела, очень торопился с выездом, но решил, не проводив меня, не выезжать. В конце июня меня с Идой проводил в Уфу. <...> Прощаясь со мной, он дал слово, что будет писать письма каждый день (несомненно, он был хозяином своего слова, воспитывал у себя точность, аккуратность во всем). Слово, данное на прощание, он сдержал, и, действительно, писал каждый день, в конце работы, как отчёт о проведённом дне.

Летом 1932 он не отдыхал. Работал на курсах повышения квалификации учителей, преподавал русский язык (кабардинцам). Работал редактором при Госиздате, писал «Книги для чтения», хрестоматии для кабардинских школ. Очень скучал по мне. Умолял возвратиться раньше времени в Москву. Я работала в Уфе воспитательницей в детдоме и раньше 28 августа выехать не могла. Встретились 1 сентября. Абдул привёз гостинцы, кабардинские яблоки. Яблоки ели всей комнатой целую неделю. <...>

Декабрь 1932 г. Окончен ещё один семестр. Сданы зачёты. Я решила съездить на экскурсию в Ленинград, получила стипендию. Закупили железнодорожный билет по литеру, за несколько часов до отхода поезда мой билет, литер и деньги пропали из тумбочки в комнате. Я осталась на бобах. Кто подстроил эту злую шутку, так я и не дозналась, ни тогда, ни потом.

В тот же день студенты-кабардинцы уезжали в Нальчик, и Абдул предложил мне ехать с ним. 1 января 1933 г. мы прибыли в Нальчик и

остановились у его дяди (по отцу) Хоцу. Абдул представил меня как жену, хочешь-не хочешь, отпираться было поздно и пришлось дать согласие на брак.

3 января 1933 Хоцу пригласил своих друзей, и справили кабардинскую свадьбу. Хоцу живёт в Вольном ауле, рядом с лесом, несмотря на холода и снег, каждый день мы бродили по лесу, кабардинскому парку (так как больше некуда было ходить, и нечем было заняться). Иногда забирались далеко. Собирали мороженые шишки, дикие яблоки, груши, и ели, а потом усталые, озябшие возвращались домой, и голодные набрасывались на пищу. 10 января «свадебное» путешествие окончено, и мы снова в Москве.

Январь – апрель 1933 г. Первые месяцы семейной жизни, но его нет. Продолжаем жить в различных частях большого города. Встречаемся редко. За это время Абдул досрочно окончил литфак педагогического института и оформился в аспирантуру при Институте языка и литературы (институт находился в одном здании с политехническим музеем, точное название забыла). Выбрал тему диссертации «Грамматика кабардинского языка». Заключил договор с Кабардинским ОблОНО на составление учебников для кабардинских школ и в апреле выехал в Нальчик. Я осталась завершать третий курс.

Лето 1933 г. 2 июля Абдул встретил меня на станции «Прохладный». Итак, я снова в Нальчике. Вначале жили в помещении шестой начальной школы. Потом переехали в новый дом (по ул. Степной) в новую квартиру на втором этаже, целая секция. Мебели нет, из ОблОНО одолжили кровать, стол и три табуретки. И нас трое: Абдул, я и моя мама.

Абдул вставал с рассветом, когда мы ещё спали, и начинал работу, делал небольшой обеденный перерыв, и продолжал до 7–8 ч. вечера. Вечером обязательно совершали прогулку в парк, и снова до часу ночи. Я знала, что он очень трудолюбивый, усидчивый, но с такой страстью к работе я сталкивалась впервые, работа поглощала его настолько, за работой он часто забывал обо всем на свете. В результате такой напряжённой работы заболели глаза, воспалились веки. Единственный способ лечения – предлагали длительный отдых, а он не мог воспользоваться им, по рукам и ногам был связан договором, к тому же приближался учебный год, надо было вовремя обеспечить школы учебниками. <...>

Единственным светлым пятном можно считать поездку в Пятигорск и Кисловодск, но эта поездка была не ради развлечения. В Пятигорске жил его учитель, профессор Борукаев (языковед). Абдулу надо было у него консультироваться по вопросам хрестоматии по литературе и грамматике. Жена Борукаева Шура знакомила меня с Пятигорском, а мужья работали. А в Кисловодске работал дядя Хоцу, мы его не видели с января, не повидавшись с ним, я не хотела уезжать в Москву. Весь день экскурсировали по Кисловодску, ночь провели в разговоре, а утрен-

ним поездом выехали в Нальчик, но до чего мне осточертела праздная жизнь в Нальчике, я стала капризничать, ныть, и тогда (20 августа), т. е. на целую неделю раньше времени, он вынужден был отправить меня в Москву. <...>

Зима 1934 г. 9 января 1934 г. у нас родилась дочь. Вечером в палату заходит няня и говорит: «Милок, черкни пару слов своему чудаку, третьи сутки в приёмной дежурит, говорю, иди, мил человек, все хорошо, девочка крепкая, здоровая, скоро за папой побежит. Не верит. Сидит и пишет».

Молодой папаша на редкость оказался заботливым, внимательным, любящим. За время пребывания в больнице засыпал фруктами, продуктами, принёс даже живые цветы (в январе месяце), на чёрном рынке купил атласное детское одеяло, приобрёл всё необходимое для младенца. Уходил и по несколько раз возвращался. Оставлял записки, передачи, короче говоря, только не ночевал в клинике, т.к. ему этого не разрешали.

Бегал по Наркомпросу, от кабинета одного зама к другому, ходатайствовал, добивался комнаты, и, благодаря вмешательству кабардинского представительства, предоставили комнату в Останкино, в студенческом городке, в корпусе аспирантов. 21 января «крестная мать» и Абдул перевели нас в нашу комнату. Абдул сам выбрал имя для девочки (Нелля) и зарегистрировал в ЗАГСе. <...>

Весна, лето 1934 года. К апрелю 1934 г. Абдул сдал все предметы по кандидатскому минимуму (осталось сдать диссертацию). Умница. За четыре года учёбы закончил Литфак Педагогического института и аспирантуру. Получил назначение в Нальчик директором научно-исследовательского института (хотя были и другие заманчивые предложения из института языка и литературы, где проходил аспирантуру, был учеником академика Марра, и тот «изъявил желание иметь его своим ассистентом»), но всем предложениям предпочёл возвращение в Нальчик – на Родину, в любимую Кабарду. Со мной советовался, что лучше выбрать, и, получив ответ «выбирай, куда душа тянет, где можешь быть наиболее полезный», выбрал Кабарду (признаться, ехать в большую деревню, где в прошлое лето я чуть не околела от скуки, у меня не было большого желания, но идти против его патриотического желания не могла). <...>

В конце июня приехал за нами и перевёз в Нальчик. В первое время ни квартиры, ни мебели не имели. Жили при институте, выселили директора из кабинета, уплотнили сотрудников (благо их было несколько человек: директор, учёный секретарь (свободная вакансия, библиотекарь, он же – секретарь, бухгалтер, он же кассир и завхоз). Одолжили мебель в ОблОНО и зажили настоящей семейной жизнью. Продолжаем жить замкнуто. С нами в одном коридоре жили Налоевы (поэт Джонсон, жена его русская, очень милый человек), но друг к другу не захаживали, не общались.

Осень 1934 г. <...> В эту осень Б. Калмыков проводил много митингов, встреч с различными категориями населения (собрания рабочих, интеллигенции и т.д.), проводил съезд стариков, колхозников, бригадиров, полеводов, качественников. Абдул дневал и ночевал со стариками, т. е. присутствовал на заседаниях съезда, в перерывах и по вечерам беседовал с делегатами, а среди них были люди с весьма интересным прошлым. Самому молодому старику было 86 лет, а старшему 137 лет. Абдул записывал их рассказы об истории возникновения колхозов, о победе Советской власти в Кабарде, много было хороших записей по истории Кабарды колониального периода, воспоминания о различных лицах и встречах. Надо было видеть его в эти дни, одухотворённого встречами, полным творческих дерзаний.

В результате напряжённой работы опять заболели глаза (веки красные, точно обожжённые), уговоры не помогают, отмахивается. Пришлось наказать. Объявила карантин на 3 дня. Закрывала в столовой (где нет книг и бумаг) с девочкой и игрушками, сама уходила на работу, они играли, к моему возвращению безмятежно спали, а по возвращении с работы уводила гулять или к родственникам. В первый день пробовал протестовать, возмущался моим «варварским» методам воздействия, а в конце объявил, что хорошо отдохнул и воспаление век спало.

В институте он изучал немецкий язык и знал его прилично. Стихи Гейне читал в подлиннике, а другие, т. е. малознакомые произведения, читал со словарём. Всю зиму изучал английский язык по самоучителю, а потом образовали группу для желающих писателей, разыскали преподавателя английского языка, которого оплачивали члены кружка, и изучали английский язык. Абдул упражнялся по разговорной речи.

Весна, лето 1935 г. Ездил в Ленинград к академику Марру на консультацию по вопросу диссертации и нового алфавита (сохранили много букв, большое расхождение с русским алфавитом, а потому дискуссии).

Приехали Московские писатели (двое) с жёнами, фамилии не помню, по-моему, Тихонов Николай (с кем-то, не утверждаю). Писатели жили в гостинице. Вечера проводили или у них, или коллективно гуляли в парке. <...>

Это лето было особо беспокойное. Все время приезжали учёные и государственные мужи из других государств, туристы. Абдул совершал с ними поездки по республике, знакомил их с её достопримечательностями, беседовал с ними, удовлетворял их любопытство. Посетил республику дель Вайо, член Испанского кортеса.

Почти целое лето и осень проводил на Зольских пастбищах с чабанами. Собирал материалы для фольклора (некоторые из них, например, вариант «Прикованного Прометей», были помещены в «Кабардинском фольклоре» на русском языке. Отпечатан в Москве, контрольный экземпляр поступил в Нальчик в конце 1936 г.). Собирал материал для

словарей кабардино-русского и кабардинского. Готовил свой сборник стихов к печати.

Переводил классиков русской литературы. Был переведён «Хаджи-Мурат» Л. Толстого, но напечатать не удалось. Получился курьёз. Пришёл в гости один его «друг». Пока Абдул заходил и выходил, т. е. распоряжался о накрытии стола, гость из письменного стола стянул рукописи нескольких глав и сунул в боковой карман пиджака, рукопись большая, толстая, когда гость нагибается, концы листов высовываются, он краснеет (гость), бледнеет, поправляет пиджак, а при каждом движении злосчастные листы снова оттопыриваются. Ещё в его присутствии узнали, что тут что-то не чисто. Когда удалился этот сомнительный друг, я ругала Абдула, что он шляпа и дал обдурить себя, я на его месте дала бы ему подзатыльник и спустила бы со второго этажа. На это он ответил: «Зачем? Разве он сам себя не наказал? Он же чуть сквозь землю не провалился от смущения, да и я стал опытнее, буду знать, с кем дружить, кого водить к рабочему столу». <...>

Осень. Сентябрь – октябрь 1935 г. Кабардино-балкарские писатели провели первый съезд писателей Кабарды. Абдул выбран членом правления.

Кабардинские писатели приглашены на съезд писателей Черкесской республики. В числе приглашённых и Абдул, но по дороге в вагоне у Абдула стащили туфли (купленные только накануне), запасной обуви не было ни у кого. Черкесы пришли на вокзал встречать гостей, а один из них выходит на перрон в носках, и сидит в гостинице, пока не подобрали обувь.

Приезжали учёные мужи – лингвисты, профессор Яковлев и Турчанинов, оба специалисты по кавказским языкам. Говорят по-кабардински (вернее, изучают).

Психологическая характеристика Абдула. Характер спокойный, выдержанный, миролюбивый, с большим душевным тактом. Способный, умный, энергичный, работоспособный, работал как вол, не щадил себя, неутомимый, настойчивый. Голос слабый, срывался на высоких нотах, при больших аудиториях его не было слышно, поэтому он мало выступал. Память его отличалась особой остротой и точностью (знал наизусть много художественных текстов, стихов, поэм), чтобы выучить наизусть большие произведения, достаточно было прочесть два раза, и он безошибочно мог повторить. <...>

А у меня характер беспокойный, невыдержанный, резкая, языкастая, капризная, правдивая, вполне понятно, не легко было ему со мной, ох, не легко! Но он умел обходить острые углы, когда надо – уступал, был дипломатичен, всегда «обдуривал» меня и выходил победителем.

Национальные обычаи, привычки, традиции в нашей семейной жизни не служили преградой. Главное – мы оба были честными советскими

людьми, воспитанниками ленинского комсомола, коммунистами, а потому были людьми нового склада, образа мышления и взглядов. Цели и взгляды. Намерения были одинаковы, вот это нас и сближало. <...>

Лето 1936 г. Все организации и школы готовились к 15-летию юбилею Республики и 19-й годовщине Октября. Готовилась юбилейная выставка. <...>

На праздники их всех одели в черкеску (он был типичен). Праздники прошли торжественно. Нас пригласили на правительственный банкет, из членов правительства приезжал К. Е. Ворошилов (может, я путаю?).

Во дворце пионеров был общегородской вечер учителей. К столу был подан жареный молочный поросёнок. По этому поводу Абдул острил, пересказал рассказ Чехова. После праздников его направили в селение Плановское на полит. хоз. кампанию. Приезжал домой редко, на короткие побывки.

Январь 1937 г. Новый год встретили в складчину среди писателей, в доме у старого партизана Круглова. Вечер прошёл тихо, скучно. Оставил тяжёлый, неприятный осадок. Он напоминал скорее поминки, чем новогодний вечер. Ни музыки, ни танцев, ни смеха, ни остроумия. Да, все как будто боялись раскрывать рты, какая-то натянутость, напряжённое состояние. Настроение подавленное. Даже вино не развязало языки, да и пили мало. Причиной такой подавленности служило то, что по республике и по городу начались многочисленные аресты, и это наводило ужас, страх, недоверие к окружающим. Разошлись рано. Каждый, наверное, был рад, что кончилась эта пытка. Абдул не любил фальшивые отношения, а тут поневоле пришлось мириться с фальшью членов компании, чтобы окончательно не испортить новогоднее настроение. Молчал, либеральничал. Потом ругал себя за либерализм, что зря согласился участвовать, лучше бы встретили новый год у себя дома.

9 января 1937 г. День рождения Нелочки, ей уже три года, рассказывает стишки «Муха-Цокотуха», «Ёлка» и т. д., много болтает, пляшет. Забавная, хорошенькая. Целый день ждала отца. Он в Плановском. Собрались гости. Ждали. Не приступали к еде. Прислушивались к каждому шороху. Он прибыл только в первом часу ночи, когда уже гости разошлись и именинница видела седьмой сон. Испортилась машина, стояли в пути. Озяб, продрог. Никак не мог согреться, ночью заболел (простудился).

Всю ночь не спали, говорили об ужасных событиях, происходящих в городе, об арестах, ибо среди арестованных были наши знакомые, прекрасные люди и работники. Не верилось, что они могли быть «врагами народа». Сомнение и неизвестность смущали, волновали душу. Абдул готовил меня ко всяким превратностям судьбы, заверял, что он ни в чем не виноват. Бетал его любит и верит ему, заступится, зря в обиду не даст.

Утром получил нагоняй от Звонцова (агитпроп обкома) за самовольный выезд из Плановского. Больной, расстроенный выехал в Плановское, где оставался до 9 февраля, т. е. до дня ареста.

Март 1937 г. Последняя встреча

*Надо в горестях окрепнуть,
словно каменный утес.*

Д. Гурамишвили

Один из мартовских дней 1937 г. Идёт мокрый снег, сыро, холодно, противно, а в душе ещё противнее. Меня вызвали к следователю НКВД Фёдорову Николаю Львовичу (Пятигорский) как свидетеля для дачи показаний. Я не из трусливых, но тут такой страх обуял меня, такая безнадежная тоска защемила всё моё нутро. Взяла с собой ребёнка, всё живая душа, отвлекает от сути дела, да и в надежде, может, сумею добиться очной ставки, т. е. свидания с Абдулом, и пусть посмотрит на свою любимицу. После допроса (кто бывал, когда бывал, о чем говорили?) до привода Абдула следователь рассказал мне, что «Ваш тюлень ни в чём не виноват, но на него наговаривают, у него благородный характер, на события смотрит трезво, старается обелить всех. Но пока идёт следствие, дальнейшее покажет» и т. д. А тут привели Абдула.

Был он одет в серую (*неразб. – И. К.*) рубашку (в такой холодный день – без пиджака), без воротничка, без пояса. За месяц сильно оброс, густая борода покрывала почти все лицо, на фоне черных бороды и усов выделялись мраморно-белый лоб и горячие глаза. Он таким и запомнился на всю мою жизнь. Свидание длилось более 2-х часов. Фёдоров был занят своим делом, а мы пересели в противоположный угол от Фёдорова, и беседовали. Девочка сидела на коленях у отца, гладила его лицо и все спрашивала: «Папа болен, дядя доктор не отпускает папу домой? Да? Да?». А отец рассказывал о своём житье и бытие.

Находился он в одной камере с двумя колхозниками (фамилий не знаю), и в заключении этот жизнерадостный человек не унывал, не пал духом, остался самим собой, т. е. деятельным, работоспособным, вдумчивым. Не скучал сам, и не давал скучать друзьям по несчастью. В камере он просвещал колхозников, читал и переводил им прочитанное. Играли в шахматы (фигуры из хлебного мякиша, а доску заменяла обложка ученической тетради). Б. Калмыков разрешил выдать ему письменные принадлежности, и он писал со слов колхозников историю образования и развития колхоза (какого, не знаю), песни, легенды, народные сказания и т. д. Делился со мной своими планами на дальнейшее, т. е. если его не освободят, то в лагере заключённых хотел получить заочно техническое образование, в совершенстве изучить английский язык и написать роман о том, как и за что они

пострадали. Был занят составлением набросков и подбором персоналий для будущего романа, и очень жалел, что не прихватил с собой наброски, а то почитал бы.

Во время свидания держался мужественно. Много шутил, подтрунивал надо мной, называл паникёршей, Зайкой-трусиской. Напоминал о декабристах и их жёнах, и спрашивал: если будет возможность, сумею ли я последовать примеру Волконской и Трубецкой, т. е. разделить судьбу изгнанника. Когда получил мой ответ: «С тобой хоть на край света, везде советская власть, не все ли равно, где и кого обучать?» – очень обрадовался, гладил по голове и говорил, что другого ответа и не ждал. Утешал, успокаивал меня, а в случае, если он задержится в заключении, просил беречь Нелю, себя, и не забывать его.

На прощание приподнял девочку выше головы и поклялся, что совесть его чиста, ни перед Родиной, ни передо мной ни в чем себя виноватым не считает. Это была наша последняя встреча, и последние просьбы, фразы его. Я очень верила ему, и ни капельки не сомневалась в его искренности, в его правоте. Нет, не жил он кривдой.

Умер 10 августа 1938 года.

Завещание Абдула исполнено. Дочь нашу я выходила, вырастила. Дала ей образование (окончила энергетический факультет политехнического института). Вывела её в люди (работает в Госпроекте, инженер-энергетик). Не смогла только дать ей музыкального образования. Материально не под силу было. Она унаследовала от отца всё лучшее, как внешне, так и по характеру. Кудрявые волосы (светлая шатенка), густые брови и ресницы, продолговатый разрез глаз, жгучий взгляд при гневе. Маленькие ручки с тоненькими пальчиками. Маленькие ножки. Правда, хрупкая, но женственная. Умная, до чёртиков способная, миролюбивая, настойчивая. Если бы он мог видеть её, он бы гордился ею. Именно такую он хотел её видеть.

Мне очень горько и больно, что я не знаю, где он похоронен. Не могу посещать дорогую мне могилу, не могу носить любимые им три полураспустившиеся розы (красная, белая, розовая). Он сам мне дарил розы, только в таком сочетании.

Ташкент. Май 1958 г. Марьям Шакировна Нуриманова.

Р. С. Брак наш не зарегистрирован, поэтому не Пшенокова.

*Башир ХУБИЕВ,
д. ф. н., профессор, заслуженный деятель науки КБР;
Хамитби МАМСИРОВ,
д. и. н., профессор, заслуженный деятель науки КБР;
Роберт КУМЫКОВ,
глава администрации с. Плановское
Терского района в 2013–2019 гг.*

ПРОГНОЗИРУЯ БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

(К 80-летию М. Х. Герандокова)

Михаил Хамзетович Герандоков – человек для республики знаковый, талантливый ученый, государственный и общественный деятель, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры КБР и РФ, Почетный профессор СГУ, научный консультант ОАО «Роспечать», академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, обладатель многочисленных орденов, медалей, званий: орден «Во славу Отечества», «За честь и достоинство», орден «За служение Державе Российской Словом и Делом», звание «Топ-менеджер Российской Федерации 2006», медаль Российского Лермонтовского комитета «70 лет со дня рождения В. Кокова», «Почетный гражданин сельского поселения Плановское Терского района КБР».

В 2019 г. в издательской типографии «Принт-центр» вышла книга под названием «Человек и в малом, и в большом должен творить для грядущего» (объем 21,75 п.л.). Так назвала свое мемуарное издание о М. Х. Герандокове заслуженный журналист КБР И. М. Газарова. Философскую экзистенцию известного кабардинского просветителя Джабаги Казанок Инна Михайловна адресовала Михаилу Хамзетовичу Герандокову, справедливо находя в своем биографическом повествовании сходство жизненного кредо нашего юбиляра с напутствиями мудреца: целеустремленность, постоянная тяга к новому, творческий подход к избранной профессии. Да, Михаил Хамзетович – один из немногих, кто не только следовал заветам мудреца и творил, внося заметный вклад в развитие отечественной науки и культуры, одновременно демонстрируя

образец талантливого организатора и руководителя государственной службы. Но, что не менее важно, Михаил Герандоков являлся, и сегодня остается носителем лучших черт и качеств древнего и славного рода Герандоковых, представителем и одним из творцов подлинной чести и достоинства рода своего.

Жизненный путь Михаила Хамзетовича Герандокова – редкий пример человека, способного собрать воедино государственную, научную и общественную деятельность. Он одинаково вписал заметную страницу в развитие историко-философской отрасли науки, государственной культурно-просветительной сферы и общественно-политической жизни Кабардино-Балкарской республики.

Михаил Хамзетович, наш юбиляр, родился 20 апреля 1940 г. в селении Плановское Терского района. После окончания в 1964 г. Кабардино-Балкарского государственного университета по специальности «Русский язык и литература» был направлен завучем в среднюю школу селения Новая Хамидия Терского района. В 1965 г. М. Х. Герандокова избирают первым секретарем Терского райкома комсомола, а через год, в 1966 г., учитывая его деловые качества, переводят на государственную службу – директором научно-методического кабинета культпросветработы министерства культуры КБАССР. Проработав на этой должности около десяти лет, в 1975 г. Михаил Хамзетович переходит на другую государственную должность – в оргинструкторский отдел Совета министров КБАССР. А в 1980 г. уже опытного, ответственного, имеющего большой задел в исследовании истории и теории культуры, кандидата исторических наук назначают на весьма ответственную должность начальника Кабардино-Балкарского предприятия «Союзпечать». С 1995 г. предприятие преобразовывают в Акционерное общество «Роспечать КБ», а в 1999 г. – в Народное предприятие «НП Роспечать КБ», и должность генерального директора М. Х. Герандоков занимал до 2009 года.

За этой градацией послужного списка стоит кропотливый творческий труд ученого, государственного и общественного деятеля. Каждая из этих ступеней могла бы стать вершиной карьеры любого. Но, уверены, каждая названная должность Михаила Хамзетовича означала более высокую оценку предыдущей.

В 2019 г. вышла фундаментальная монография М. Х. Герандокова «Национальная культура. Проблемы сохранения самобытности и дальнейшего развития в современных условиях» (20,75 п.л). Издание знаменует определенный итог и подводит очередную заметную черту научного и творческого пути нашего юбиляра. О ней подробно скажем ниже.

Вначале важно заметить то, что в данное издание вошли материалы докторской диссертации, представленной, по рекомендации Б. М. Зумакулова, в Академию общественных наук еще в 1987 г., где Михаил Хамзетович проходил докторантуру. Но диссертация не была выставлена

на защиту по политико-идеологическим мотивам, хотя, выполненная на основе марксистской методологии, работа была положительно оценена специалистами самого престижного научного учреждения страны. Надо полагать, в этот период проблематика национальной культуры, тем более культурной революции, уже превратилась в категорию неактуальной историко-философской области научного знания. В конце 80-х – начале 90-х годов в России уже закладывали фундамент либеральной транснациональной политики и идеологии, отвергая все, что связано с культурой и идеологией наций и народов. Взамен марксистской методологии поощрялось все, что касалось ее деконструкции, отвергались традиционные научные принципы и институты культуры. В результате, действовавшие диссертационные советы по проблематике культуры и идеологии с распадом Союза постепенно закрывались. Не суждено было диссертанту пройти барьер нарождающегося во всем либерализма, который, впрочем, демонстрируется в России и сегодня (хотя заметим, что президент В. В. Путин недавно заявил: «Либерализм давно устарел» как политическая доктрина (см.: А. Щипков. Реабилитация идеологии. Журнал Федерального Собрания Парламента РФ, март 2020, с. 30). О готовности автора к защите свидетельствовал тот факт, что к моменту представления докторской диссертации, как отмечено в официальной справке, Михаил Хамзетович уже был автором семи монографий, носил звание «Заслуженный работник культуры КБАССР».

Упомянутая монография М. Х. Герандокова «Национальная культура. Проблемы сохранения самобытности...» выполнена в контексте достижений современной науки, носит историко-философский характер, охватывает огромный пласт сегментов национальной культуры и большое временное пространство – практически одно столетие: от начала XX в. до начала XXI в. Научные категории: «культурная революция», «национальная культура», «культурная преемственность», «культурное наследие» рассматриваются системой методов эмпирико-теоретического, историко-сравнительного и многомерно-диалектического анализа. Эти методы исследования в науке признаются наиболее универсальными, на них не влияет изменение политического вектора общественного развития и способны комплексно отражать философию культурно-исторического процесса.

Пожалуй, перед нами первый фундаментальный труд по истории и теории культуры, в котором объективно обобщена практика культурной революции в специфических условиях региона России и дано философское осмысление бытия национального в культурном строительстве не только в советский период, но и его модернизация в постсоветском пространстве. Заметим, что в данной работе Михаил Хамзетович развивает основные идеи и концепции, которые были выдвинуты в монографическом исследовании «Культурная революция в национальном

регионе: миф или реальность?», изданном в 2003 г. Анализ эволюции культурного строительства в условиях разных исторических эпох позволил М. Х. Герандокову впервые в историко-философской науке критически переосмыслить результаты культурной революции и сделать вывод о необходимости создания объективных условий для дальнейшего развития национальной культуры. При всех очевидных достижениях в культурном строительстве в советскую эпоху, чему посвящено немало трудов в исторической и философской литературе, Михаил Хамзетович приходит к выводу о научной состоятельности и корректности попытки развить прежние оценки результатов культурной революции и выдвинуть концепцию о ее «незавершенности» и возможном начале нового этапа в современных условиях России. «В новых исторических условиях, – пишет Михаил Хамзетович, – важен не количественный аспект культурной революции, а именно качественный. Субъектом восприятия и усвоения культуры должен стать не новый человек, а человек культуры... Это человек нового национального самосознания, толерантный, способный вписаться в систему новых национальных отношений...»

Как видно, ученый демонстрирует здесь нестандартность мышления (а еще лучше определение молодого ученого Рубена Ошроева – «пластичность мышления»). В самом деле, исторический контекст культуры, равно как и ее национальное содержание, может трансформироваться под влиянием исторических обстоятельств, но объективно сохраняет связь с предыдущим опытом истории и культурной жизни социума. Исходя из чего, в целях обеспечения преемственности, сохранения и развития национального наследия в составе общероссийского культурного кода, Михаил Хамзетович выдвинул научно обоснованную концепцию о новом этапе культурной революции в условиях новой России, и этот этап должен быть обозначенным в рамках «Национального культурного проекта». Концепцию М. Х. Герандокова следует рассматривать как одну из возможных попыток научно обосновать практику дальнейшего углубления бытия национального в Российском социокультурном пространстве. Этот шаг, по признанию самого Герандокова, позволит решить сложнейшую задачу – достойно вписаться в систему современной цивилизации.

Как видно, отечественная теория культурной революции в новых условиях России в трудах М. Х. Герандокова получила продолжение и развитие.

Можем только сожалеть вместе с нашим коллегой, что ныне уже не действует прежний норматив, согласно которому соискатель степени доктора наук мог выходить на защиту по совокупности трудов по теме диссертации. Более 150 научных работ, изданных М. Х. Герандоковым, в числе которых 15 монографических, конечно, хватило бы с избытком.

Знаменитый А. Шопенгауэр отмечал: «Для огромного большинства ученых их наука – средство, а не цель». Не вдаваясь в полемику, скажем,

что наука для М. Х. Герандокова служила и целью и средством. Об этом свидетельствуют его творческая биография и научные достижения, а также заслуги как государственного руководителя и общественного деятеля.

Во-первых, только целевая установка на науку может вывести исследователя на многообразие и широту охвата историко-философских и культурологических проблем, которых мы наблюдаем в научном творчестве Михаила Хамзетовича.

Это история и теория культуры; этика и эстетика; этническая культура и межнациональные отношения; национальное самосознание и культурное наследие; культура и цивилизация; экономика и культура, их взаимодействие и др. Имя Михаила Герандокова, как ученого-исследователя, в научном сообществе Кабардино-Балкарской республики созвучно с имеющимися научными трудами в рамках названных областей социально-гуманитарного знания.

Во-вторых, наука для М. Х. Герандокова объективно, в силу своей профессиональной деятельности, становится средством постановки решаемых практических задач на научную основу. Еще будучи руководителем республиканского звена в системе Министерства культуры и инструктором Совета министров КБАССР (1966–1980 гг.), а до этого и первым секретарем Терского райкома комсомола (1964–1965 гг.), Михаил Хамзетович основательно увлекся исследовательской работой, творчески совмещая ответственные государственные и партийные должности с научной работой. В производственной характеристике начальника управления связи КБАССР отмечалось: «За время работы в Министерстве культуры КБАССР Герандоков М. Х. всегда с научных позиций подходил к практической деятельности культпросветучреждений республики».

Умение видеть проблему комплексно, стремление ставить организационные вопросы культурного строительства на научную основу были продемонстрированы в первых солидных научных трудах: «О новых советских традициях и обрядах» (1970 г.); «Развитие эстетической мысли на Северном Кавказе» (1972 г.); «Народные университеты КБАССР» (1974 г.). Они посвящались обобщению опыта работы по различным направлениям деятельности, служили примером обогащения научных положений практикой повседневности.

Логическим продолжением эффективного сочетания научно-исследовательской и практической работы стала тема кандидатской диссертации «Становление и развитие социалистической культуры народов Кабардино-Балкарии (1921-1937 гг.)», которая была выполнена в аспирантуре Московского государственного института культуры в 1972-1976 гг. под руководством знаменитого ученого Николая Леонидовича Лейзерова, и защищена в КБГУ в 1977 г. В отзывах отмечалось, что в своих предыдущих научных публикациях, как и в самой диссертации, по самым различным вопросам культурного строительства Михаил Хамзетович не только не

обошел вниманием ни одно событие, имеющее отношение к культурному строительству, но приобщил к их анализу огромное число статистического и архивного материала, впервые введенного в научный оборот.

Деятельность М. Х. Герандокова как руководителя и ученого особенно плодотворной была в период работы в должности начальника Кабардино-Балкарского предприятия «Союзпечать», куда он был переведен в 1980 г. Михаил Хамзетович руководил этим предприятием 29 лет, до 2009 г. Забегая вперед, скажем, что в лихие годы приватизации всего и вся ему удалось вывести предприятие из этого процесса и преобразовать в Акционерное общество «Роспечать КБ», а его руководитель становится генеральным директором предприятия.

Обобщая опыт первых лет руководства предприятием, центральный журнал «Распространение печати» в 1985 г. поместил аналитическую статью «Позиция руководителя». Автор, спецкор Ю. Иванов, писал: «М. Герандоков – кандидат исторических наук, автор нескольких книг. До прихода в Союзпечать работал в аппарате Совета министров республики. Умение видеть значительное, выделить из общего главное, рассудить по государственному – вот черты, которые были сразу отмечены у нового начальника республиканского агентства». Ему исполнилось тогда 45 лет.

Накопленные исследовательский опыт и практические навыки предыдущих лет на новой должности получили развитие в полной мере. Постепенно расширяется круг научных интересов под фундаментальную основу проблематики культуры нового общественного строя.

Вскоре, после защиты кандидатской диссертации, в 1978 г. Михаил Хамзетович издает еще две фундаментальные работы. Одна из них – «Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1917–1940 гг.)» – неслла в себе новационную концепцию осмысления процесса складывания культуры нового типа в более широком контексте. «Ни одной исследовательской работы, – пишет М. Х. Герандоков, – посвященной непосредственно культурному строительству, тем более в период с 1917 г. по 1940 г., в Кабардино-Балкарии как специфическому многогранному процессу, все стороны которого взаимосвязаны и взаимообусловлены, мы не видим». Работа получила весьма высокую оценку специалистов НИИ Минкультуры РСФСР.

Вторая работа того же года – «Интернациональное воспитание в клубах Кабардино-Балкарии», вышедшая в Москве в издательстве «Советская Россия», посвящалась изучению взаимосвязи и взаимодействия национального и интернационального в строительстве культуры новой формации. Отдавая должное народным традициям, называя их «социальным продуктом», автор отстаивает концепцию движения «к интернациональному – через национальное», считая этот путь наиболее плодотворным и не потерявшим своего значения для сохранения и развития национального в культурном строительстве.

Следующей своей монографией «Опыт эстетического воспитания на Северном Кавказе», вышедшей в 1981 г. также в издательстве «Советская Россия», Михаил Хамзетович первым в регионе представляет читателям очередной философский труд. Отдавая должное духовным и нравственным сегментам понятия «эстетика», автор эстетические способности человека связывает не с бездеятельным созерцанием, не с пассивной наблюдательностью, как это имело место в научной литературе, а со способностью созидательной, то есть с его социальной активностью, конкретной деятельностью. «И сформированы эти способности могут быть лишь социальным путём – через систему специальных учреждений: воспитания, образования, культуры, средств массовой информации...» – отмечает Михаил Хамзетович.

Переосмысливая данную проблематику значительно позже, в 2007 г., М. Х. Герандоков издает в «Вестнике Московского госуниверситета культуры и искусства» весьма объемную, в 1.3 п.л, статью – «Эстетическое воспитание и эстетическое развитие: иллюзии и реальность». Ключевое положение о взаимосвязи эстетического и социального, ввиду ослабления, а то и вовсе деконструкции социально-деятельностной активности личности, в современных условиях, считает автор, получает иное научное и практическое звучание.

В годы руководства республиканским предприятием «Союзпечать» продолжается расширение проблематики научных интересов Михаила Хамзетовича. В 1985 г. в Москве, в издательстве «Радио и связь» издается очередной труд «Опыт работы по распространению печати на Северном Кавказе». Журналисты тех лет отмечали, что М. Х. Герандоков первым в министерстве связи Союза обобщил в данной книге опыт работы предприятия «Союзпечать». А в 1989 году в издательстве «Эльбрус» выходит ещё одна монография на эту же проблематику – «Из истории развития печати в Кабардино-Балкарии».

Во всех этих изданиях, и отзывы специалистов тому свидетельство, Михаил Хамзетович выступает как философ и историк, как журналист и опытный руководитель. И представление диссертации в Академию общественных наук на соискание степени доктора наук в 1987 году на тему «Развитие печати в 20-е-40-е годы в процессе культурной революции на Северном Кавказе» было вполне мотивировано. Наличие к тому времени около 35 научных публикаций, среди которых, как отмечалось выше, 7 монографий, в полной мере соответствовало действующим нормативам. Но как уже сказано, предание анафеме государственной идеологии, а вместе с ней и культуры общероссийской национальной уже с конца 80-х годов, замена их либеральными ценностями, предопределило судьбу диссертации.

Отзывы и рецензии на научные труды Михаила Хамзетовича продолжались публиковаться в центральных журналах и последующие

годы. Так, в журнале «Распространение печати» за 1989 г. Л. Соснова публикует отзыв на монографию «Из истории развития печати в Кабардино-Балкарии», где отмечается, что «главный инструментарий автора – это архивы и личный опыт». В том же журнале за 1990 г., в № 8, корреспондент М. Розенберг публикует статью «Ни дня без строчки», в которой автор создает личностный портрет Герандокова-исследователя. «Высокообразованный, досконально знающий своё дело специалист, он много и упорно занимается изучением создания и развития Союзпечати в родной республике и Северо-Кавказском регионе, – пишет он. Всецело отдаваясь своей непосредственной работе, он тем не менее находит время для творческой, научно-исследовательской деятельности – немало часов проводит в архивах, собирая материалы для будущих книг». Будут ещё немало научных публикаций, продолжает журналист, «так как главную нашу заповедь – ни дня без строчки – член Союза журналистов СССР Михаил Хамзетович Герандоков выполняет неуклонно». Этим словам о научной стезе М. Х. Герандокова в полной мере созвучны его же собственные, начертанные им самим алгоритмы трудовой повседневности, раскрывающие секрет достижения успехов в руководстве сложной отраслью общественной жизни: «Работать – творчески, работать – на совесть, работать так, чтоб успешный финиш одного года стал площадкой для удачного старта года последующего».

Такой трудовой ритм не мог оставаться незамеченным, и он своевременно был оценён во многих печатных изданиях. В том же журнале «Распространение печати» в 1990 году отмечено: «Энергичный высококвалифицированный руководитель, хороший организатор М. Х. Герандоков в то же время требователен к себе и к подчинённым, стремится к тому, чтобы каждый работник Союзпечати отличался высоким профессионализмом, умением культурно и со знанием дела работать с людьми».

Неслучайно республиканское предприятие «Союзпечать», благодаря организации труда на научной основе и умению руководителя всемерно развивать инициативу коллектива для внедрения инновационных планов, неоднократно достигало звания лучшего среди родственных предприятий Союза. Свидетельством признания высоких достижений коллектива является награждение в 2004 г. и коллектива, и руководителя орденами фонда «Меценаты столетия». В письме председателя фонда на имя М. Х. Герандокова сказано: «Руководимая Вами компания – признанный лидер в претворении в жизнь социальной политики государства, направленной на укрепление индустриальной мощи страны и улучшения благосостояния её граждан... Присуждая Вам столь значимый сертификат общественного признания, Попечительский Совет фонда принял решение о награждении Вашего коллектива «Золотой Грамотой Мецената» с занесением названия Вашей организации в «Золотую Книгу Нации», дабы вечно вписать её в летопись благих дел наших современников».

Сам Михаил Хамзетович награжден орденом «Меценат» – «за огромный личный вклад в реализацию благотворительных проектов». Среди подписавших письмо – Мстислав Ростропович и Василий Лановой.

В 2006 году успехи коллектива предприятия отмечены ещё двумя наградами: Высшей общественной наградой России – орденом «Во славу Отечества», Всероссийской почётной премией – званием «Лучшая компания России – лидер экономического возрождения страны».

Конечно же, коллективный смысл вложен и в многочисленные награды, которых Михаил Хамзетович удостоился за годы руководства республиканским предприятием «Союзпечать». В их числе: медаль «За доблестный труд» от имени Президиума Верховного Совета СССР; Почётный знак Министерства культуры «За отличную работу»; Высший знак Всесоюзного общества «Знание» «За активную работу»; Почётная грамота Президиума Верховного Совета КБАССР «За многолетнюю плодотворную работу в области советской культуры»; Высший почётный знак Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом»; орден «Партийная доблесть» за многолетний и безупречный труд на благо и процветание Кабардино-Балкарской Республики; медаль Российского Лермонтовского комитета «70 лет со дня рождения В. Кокова»; Международный золотой орден «За честь и достоинство» Мирового Артийского комитета; орден «За служение Державе Российской Словом и Делом». Михаил Герандоков занесён в Адыгскую (Черкесскую) энциклопедию и энциклопедию Кабардино-Балкарской журналистики.

Профессиональный труд М. Х. Герандокова, умение сочетать научную и производственную деятельность высоко были оценены государством. Признанием его заслуг в руководстве отраслью и весомого вклада в науку стало присвоение в 1986 году звания «Заслуженный работник культуры КБАССР», а в 1992 году Михаил Хамзетович был удостоен звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Творческую биографию М. Х. Герандокова дополняет накопленный им опыт публичных выступлений на самых различных форумах, конгрессах и симпозиумах, как в стране, так и за рубежом, куда его систематически приглашали как опытного руководителя и учёного в области эстетики, истории и теории культуры. Так, в 1971 году он принимал участие во Всероссийском симпозиуме в г. Ташкенте, где выступил с докладом «К проблеме социалистических преобразований в области воспитания подрастающего поколения». В 1972 году Михаил Хамзетович представлял Северный Кавказ на 7-м Международном конгрессе эстетики в Румынии, и выступил с докладом «Эстетическое воспитание на Северном Кавказе и странах Востока». В этом же году он был участником Всероссийской конференции в г. Вильнюсе, где обсуждалась проблема пропаганды литературы и искусства. В разные годы М. Х. Герандоков участвовал в научно-практических конференциях, которые проводились

в городах Москва, Ленинград, Волгоград, Астрахань, Ростов-на-Дону, Туапсе, Махачкала, Краснодар, Ставрополь, Владикавказ, Нальчик, на многих из них выступал с докладами.

Несмотря на занятость по руководству важнейшей отраслью и значительную научно-образовательную и общественно-политическую работу, Михаил Хамзетович после 2000 года продолжал свои научные изыскания и целенаправленно шел к завершению второго варианта докторской диссертации. К своим 7 монографиям до первого представления диссертации он прибавил ещё и три десятка научных статей в ведущих российских журналах.

Особо выделяется монографический труд «Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность?», изданный в 2003 году. Работа, вышедшая в соавторстве с В. З. Герандоковой, наполнена стремлением переосмыслить процесс культурного строительства в советском обществе сквозь призму состояния национальной культуры и с учётом изменений вектора и методологии познания социально-гуманитарных наук.

Монография получила положительную рецензию ведущих специалистов: Б. Х. Бгажнокова и Р. Г. Ошроева; ими она оценена как «талантливо написанная и злободневная», будет чрезвычайно полезна историкам, философам, социологам, культурологам, педагогам и всем, кому безразлично прошлое и будущее национальной культуры. А Газарова И. М. – автор биографического издания о Герандокове, видит в монографии доказательство «состоятельности Герандокова как философа и эстетика». «Михаил Хамзетович дошел до границ своей научной целины и нашел там Зерна Истины, в поисках которых проделал столь долгий путь...» – пишет она.

Заметим ещё раз, что речь об издании 2003 года в объеме 11 п. л. И Михаил Хамзетович уже тогда мог выходить на защиту докторской диссертации. Но сегодняшний юбилей оказался одним из немногих исследователей, кто всегда испытывает ощущение неудовлетворённости своей научной продукцией, или незавершенности каких-либо идей. Он считал, что нужно и дальше переосмысливать прежние точки зрения на культурное строительство, закрепить выдвинутую новую концепцию об оценке ценностей национальной культуры, сложившиеся в условиях идеологического дозирования, публиковать, узнать отклики на них.

В этом ключе обращает на себя внимание серия довольно объемных (1–1,5 п.л.) научных публикаций в рецензируемых журналах ВАК, в которых Герандоков продолжает отстаивать и развивать теоретические выводы предыдущей монографии о процессе и результатах культурного строительства в советскую эпоху. В 2005 г. «Вестник Московского государственного университета культуры и искусства» публикует две статьи во 2-м и 3-м номерах: «Мифологизация межнациональных отношений

и реальность национальных конфликтов»; «Образ жизни – условие и фактор эстетического развития». В этом же центральном журнале в 2006, 2007 и 2009 годах выходят ещё три статьи: «Культура и цивилизация в национальных регионах: история подмены понятий»; «Эстетическое воспитание и эстетическое развитие: иллюзии и реальность»; «Этничность или этническая идентичность: теоретический аспект». Омский научный вестник в 2005 г. публикует статью «Была ли культурная революция в национальном регионе»; в 2007 году в журнале «Научная мысль Кавказа» выходит статья «Национальное самосознание и культурная революция»; «Известия Самарского научного центра РАН» в 2009 году издает статью «Проблемы и перспективы этнической культуры в условиях глобализации процессов современности». В 2014 – 2015 гг. в «Известиях Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета» публикуются четыре статьи, среди которых следует выделить: «Национальная и массовая культура: диалектика взаимодействия» (в соавторстве с Р. М. Герандоковым); «Актуальность сохранения самобытности и дальнейшего развития национальной культуры на современном историческом этапе» (в соавторстве с В. З. Герандовой). А в 2017 г. этот же журнал публикует проблемную статью «Понятия национальной культуры», в которой Михаил Герандоков, пожалуй, одним из первых национальную культуру рассматривает и как «интернациональное целое», и как «духовное измерение нации». Эти философские категории впервые вводятся в научный оборот, и, несомненно, они привлекут внимание специалистов: философов и культурологов.

В приведённых трудах Михаил Хамзетович продолжает отстаивать выдвинутую в монографическом исследовании «Культурная революция в национальных регионах...» научную теорию культурной революции, и на основе глубокого анализа и позитивного, и негативного опыта прошлой эпохи прогнозирует возможный вектор культурного строительства в новых условиях. Всего в развитие своей теоретической концепции, до выхода в свет в 2019 году обобщающего труда, опубликовано более четырёх десятков научных работ, целенаправленно освещая многообразные сегменты национальной культуры прошлого и будущего.

Труды Михаила Хамзетовича отличаются богатством фактологического материала, глубиной анализа изучаемой проблемы, обоснованностью и объективностью выводов. Следует акцентировать такую особенность, как критический подход к непростым узловым проблемам развития культуры переходного состояния общества. Эти факторы обусловили ключевую особенность исследовательского труда Герандокова – это большой временной диапазон, и он (диапазон) позволил ему методом историко-сравнительного анализа создать принципиально новую концептуальную парадигму гуманитарного знания в ситуации деконструкции общественной системы и строительства новой. Это не

может не привлечь внимание широких научных кругов. М. Х. Герандоков, как учёный с солидным багажом знаний в области исторической и философской методологии, смог обойти стороной опасения по поводу возможного «непоощрения» выбранной, во имя поиска научной истины, концепции о новой парадигме национальной культуры будущего.

Именно то обстоятельство, что Михаил Хамзетович многие события вокруг проблемы культурного строительства освещал нестандартно, с охватом ушедшего и наступившего столетий, привлекло внимание вузовской аудитории и побудило к использованию его трудов в учебном процессе во многих вузах страны. В характеристике, составленной Управлением связи Кабардино-Балкарии, записано: «По книгам М. Х. Герандокова занимаются студенты Московского и Ростовского институтов связи, Кабардино-Балкарского госуниверситета и других вузов Северного Кавказа». Его труды и сегодня широко используют преподаватели-историки и культурологи, молодые исследователи проблем истории культуры, студенты, изучающие историю и культуру народов Кабардино-Балкарии.

Сам Михаил Хамзетович не сторонился преподавательской работы, систематически его приглашали различные образовательные учреждения. Продолжительное время он работал в Кабардино-Балкарском аграрном университете в должности доцента, читал полный курс истории культуры, здесь же он в 1991 году получил звание доцента.

Много лет Михаил Хамзетович проводил курсы лекций со слушателями республиканского общества «Знание» по проблематике культурного строительства, вопросам национальной политики, этики, эстетики. Один из авторов этих строк (Б. Б. Хубиев) также преподавал в этом учреждении по совместительству и имел удовольствие встречаться с Михаилом, обсуждать различные темы науки и культуры, политики и общественной жизни. Беседа с ним всегда оставляет впечатление мыслящего по-государственному, образованного и высококультурного человека.

Творческую биографию нашего юбиляра значительно обогащает издание книги памяти рода Герандоковых. Создание родословия – кропотливый, ни с чем не сравнимый творческий труд, требующий больших поисковых усилий, но в то же время, пожалуй, самый благородный из всех видов творческого труда. «Изучая предков, узнаем самих себя», – писал В. О. Ключевский. Реконструкция истории рода по архивным сведениям, преданиям, описаниям и рассказам – задача, требующая не один год, и не два. Михаил Хамзетович признается: «...Собирая материал для книги о генеалогии рода Герандоковых, я обязан был, образно говоря, просеивать через сито сомнений каждый факт, ибо не имел морального права желаемое выдавать за действительное». Потраченное десятилетие с лихвой окупилось, Михаил Хамзетович и его семья с этой задачей справились. В 2007 году книга «Генеалогия рода Герандоковых» увидела свет, увековечив тем самым память предков. Издание удостоилось пре-

На юбилее у Ахмеда Анажеева. Слева направо: Аскер Додуев, Ахмед Анажеев, Михаил Герандоков, Хасан Тхазеплов, Хасан Анажеев, с. Шалушка, 2016

стижной награды – медали «Памяти Е. И. Каменцевой», учреждённой Всероссийским геральдическим обществом в честь крупного учёного в области генеалогии и геральдики Елены Каменцевой.

Многогранная деятельность Михаила Хамзетовича признана общественностью Кабардино-Балкарской республики. В 1985 – 1993 годах он избирался депутатом Терского районного Совета народных депутатов. В 2016 году ему присвоено звание «Почётный гражданин сельского поселения Плановское Терского района КБР». К 100-летию Ленинского комсомола М. Х. Герандоков награжден Почетным орденом «Сто лет Ленинскому комсомолу».

Как видно, в лице сегодняшнего юбиляра Михаила Хамзетовича Герандокова мы имеем признанного учёного, видного государственного руководителя, журналиста и общественного деятеля. Прогнозируя будущее национальной культуры, он внес заметный вклад в историко-философскую науку. Но наука не является законченной книгой (А. Эйнштейн). Он всегда шел к поставленной перед собой цели, и принцип «ни дня без науки» объективно отражается в его творческой биографии.

Поздравляя с замечательным юбилеем, от всей души желаем другу и коллеге на долгие годы сохранить зрелую мудрость, молодую энергию и остроту научной мысли, служить и далее однажды выбранному делу, которому бескорыстно отданы все годы трудовой жизни. Творческого долголетия и новых научных открытий, радоваться жизни и радовать родных и близких, домашнего тепла и уюта тебе!

БОЕВОЙ ПУТЬ ДЕДА...

Наш дедушка, Шогенов Малиль Хамзетович, родился в с. Каменномостское Зольского района Кабардино-Балкарской республики. Он прожил долгую и тяжелую жизнь (с 13 сентября 1920 по 19 марта 2014) – 94 года. Мы его помним, любим и гордимся. Это был тихий, добрый, ласковый и голубоглазый дедушка.

Как и все фронтовики, он не любил рассказывать о Великой Отечественной войне своим детям и внукам. Дедушка Малиль был танкистом, дважды тяжело ранен (в живот и голову).

В семье как реликвия хранится военный билет Малиля с номером НД № 1963921. Благодаря этому документу мы увидели фото молодого дедушки и узнали хронику его войны с фашизмом. Он стал курсантом 83-го стрелкового полка (с апреля 1942 по сентябрь 1942). Местом дислоцирования курсантов было с. Учебное в Прохладненском районе республики. По мере наступления фашистов на Северный Кавказ училище было эвакуировано в Тифлис (Тбилиси). По окончании учёбы он был направлен в Крым, в 1142 стрелковый полк, командиром стрелкового отделения, где сражался с сентября 1942-го по октябрь 1943 года. В боях в октябре 1943 года получил тяжелое ранение в живот в Мелитопольской области Украины. В этом бою он был не только ранен, но и потерял сознание. Товарищи посчитали его убитым. Была

промогзлая осень с рано выпавшим снегом. Тело дедушки припорошили листвой, ветками, снегом, чтобы фашисты не смогли его увидеть. Командир полка был почти земляком моего прадедушки. Он был осетин. После боя товарищи дедушки обратились к нему с просьбой дать им разрешение пойти за телом погибшего товарища, чтобы перезахоро-

нить его на земле, освобожденной от фашистов. Командир полка такое разрешение дал. И каково же было удивление солдат, когда они расчистили «могилу» и оказалось, что Малиль был жив, но тяжело ранен. Его отнесли в медсанчасть и срочно прооперировали.

В этот период времени на участке, где был наш дедушка, проходили Мелитопольская (26 сентября – 5 ноября 1943 г.) и Керченско-Эльтигенская десантная (31 октября – 11 ноября 1943 г.) операции. Советские войска прорвали укрепления Турецкого вала на Перекопском перешейке, захватили плацдармы на южном берегу Сиваша и на Керченском полуострове с целью освобождения Крыма. На полуострове находилась крупная группировка немецких войск, опиравшаяся на глубоко эшелонированные оборонительные позиции. На Перекопском перешейке и против плацдарма на Сиваше оборона состояла из трёх, а на Керченском полуострове – из четырёх полос. Именно в этих боях наш дедушка получил своё первое тяжелое ранение. После госпиталя он вернулся в действующую армию.

Благодаря сайту Министерства обороны pamyat-naroda.ru мы увидели его наградной лист. Нашего дедушку, тогда младшего сержанта, представили к медали «За боевые заслуги». Из этого наградного листа удалось узнать, что он продолжил войну в составе 1339 стрелкового полка 318 стрелковой дивизии с ноября 1943 года. У города Станислав на Украине 9 сентября 1944 года получил множественные ранения и второе тяжелое ранение в голову. Он был весь в крови, саже, без сознания. Его опять приняли за погибшего, вытащили из танка и положили с телами других погибших солдат. Но каким-то чудом один из санитаров заметил, что Малиль едва заметно пошевелил пальцем руки, после чего его срочно отнесли в медсанчасть и прооперировали.

После таких ранений в действующую армию он не смог вернуться.

В Севастополе на высоте «Горная» установлен памятник воинам 318-й стрелковой дивизии. Дивизия прошла славный боевой путь. В составе 18-й армии она сражалась на Малой земле под Новороссийском, освобождала Северный Кавказ; ее воины форсировали Керченский пролив, дрались с врагом на легендарном Эльтигенском плацдарме, с боями прошли от Керченского полуострова до Севастополя.

Согласно наградному листу, дедушка сражался в Приморской армии, которую в одно время включили в состав 4-го Украинского фронта. Но потом эту армию вывели из его состава и переименовали в Отдельную Приморскую армию с непосредственным подчинением Ставке Верховного Главнокомандующего. Стратегической задачей Приморской армии являлось освобождение Крыма. Немецкое руководство также придавало огромное значение удержанию Крыма в своих руках, так как от этого зависела поддержка союзников. Фашистами был разработан план под названием «Адлер» с целью удержания Крыма.

Но поставленные Ставкой Верховного Главнокомандующего перед фронтом и армией цели были выполнены. Войска прорвали глубоко эшелонированную оборону на Перекопском перешейке, Керченском полуострове, в районе Севастополя и разгромили 17-ю полевую армию вермахта. Ее потери только на суше составили 100 тыс. человек, в том числе свыше 61 580 человек пленными. Советские войска и силы флота в ходе Крымской операции потеряли 17 754 человека убитыми и 67 065 человек ранеными.

По окончании войны наш дедушка не был демобилизован. Был направлен в 26-й танковый полк, который дислоцировался в г. Псков. Там он и служил с мая 1945 по июль 1946 года командиром танка.

После демобилизации вернулся в родную Кабардино-Балкарию, восстанавливал страну. Всю свою жизнь проработал в совхозе. За успехи в труде отправляли в Москву, принимал участие от республики на Выставке достижений народного хозяйства (ВДХН). Поднял на ноги трёх сыновей и дочь.

Для нашей семьи до сих пор главным праздником является День Победы. Пока был жив дедушка, наши родственники собирались у него каждый год 9 мая. Память о нём мы храним в наших сердцах.

Султан КАТАНЧИЕВ

Об авторе

Султан Талевич Катанчиев – автор многочисленных работ по генеалогии и этногенезу, в том числе четырёх монографий, три из которых опубликованы в престижных зарубежных издательствах. Одна из этих книг – «Русь, половцы (кипчаки) и татары. Сенсационные результаты исследования генеалогии князей Рюриковичей и этногенеза русского народа» (Германия, изд-во «Lambert Academic Publishing») – вошла в топ-100 Немецкого Книжного Каталога. С. Т. Катанчиев – единственный на сегодняшний день исследователь из КБР, чьи монографические исследования по соответствующим дисциплинам переведены на иностранные языки и изданы в Европе. Активно сотрудничал с Центром Древней истории Руси РАН (Россия, Москва) и Архивами Открытого Общества (Венгрия, Будапешт). Участник нескольких международных научных конференций. До ухода на пенсию работал на ответственных должностях в Совете министров КБАССР, обкоме КПСС и правительстве КБР.

Происхождение фамилий и родственные связи балкарцев с народами Северного Кавказа

Северный Кавказ издревле населяло большое число народов, которые живут в непосредственном соседстве в течение многих веков и имеют много общего в происхождении, образе жизни, материальной и духовной культуре. Это явилось одной из причин близких союзнических, родственных и др. отношений, проявившихся в различных жизненных ситуациях. Известно множество случаев взаимопомощи между этими братскими народами, особенно в трудных ситуациях.

Автор, как представителя рода Катанчиевых, всегда привлекала история межнациональных отношений на уровне родственных связей, тем более что роль последних в формировании нормального взаимодействия и системы общежития в условиях полиэтнизма очевидна и неоспорима. Одновременно, проблемы происхождения отдельных фамилий традиционно привлекают большое внимание исследователей Северного Кавказа. Поэтому анализ этого вопроса осуществлялся на широкой теоретической и информационной базе предыдущих исследований. Источниками послужили многочисленные научные работы по генеалогии. Среди авторов – У. Д. Алиев, И. И. Алиев, З. И. Алиева, М. И. Бараз-

биев, Ш. М. Батчаев, С. Н. Бейтуганов, Н. Г. Волкова, З. Д. Гаглойти, Ф. Х. Гутнов, Д. Дасания, М. Х.-М. Джангуразов, Б. Х. Кучмезов, К. Т. Лайпанов, А. А. Максидов, Х. Х. Малкондуев, И. И. Маремшаова, И. Т. Марзоев, А. И. Мусукаев, К. М. Текеев, Х. И. Тетуев, В. Уарзиати. Использовались материалы карачаево-балкарского фонда «Ассия», а также устные фамильные предания, передаваемые из поколения в поколение, полученные от знатоков родословных М. Ю. Байчекуева, А. И. Беккиева, Х. Х. Бжамбеева, С. Х. Джабоева, Ж. Х.-М. Джаппуева, Б. М. Жашуева, Ю. О. Жарашуева и И. М. Неппеева.

Нами с высокой степенью вероятности было установлено около двухсот балкарских фамилий, восходящих к соседним кавказским этносам, большая часть которых представлена осетинами, адыгами, сванами и представителями других грузинских обществ, а также народами Дагестана. Кроме того, основателями некоторых балкарских патронимий были абхазы, абазины, ногайцы, чеченцы, крымские татары и др.

Комментарии по некоторым родам. Согласно фамильному преданию Атабиевых, их предком Атаби Кундуховым из Осетии было создано поселение в местности Хучошку. Здесь жили родные братья Жашко и Шалко. Позже Жашко поселился в местности Усхур, которая принадлежала в то время Балкарскому обществу, и от его сыновей – Атга, Геппа, Газоида и Азамата началась Усхурская ветвь Атгаевых и Атабиевых. От Шалко ведут начало Малкарские (Мухольские) Атабиевы. От родных братьев, имеющих также осетинские корни, произошли Мизиевы и Чораевы (Цораевы). По сведениям А. А. Максидова, родоначальником Коспартинских фамилий Гасиевых, Туменовых, Жеккеевых и Шукаевых, является дигорец Гуруев из с. Бурган.

От кабардинцев происходят балкарцы Таукеновы, от которых отпочковались Исаковы, Залихановы, Маммеевы и Сокуровы. Последние две патронимии впоследствии совершили обратный этнический переход в кабардинские роды Мамовых и Сокуровых. Балкарцами стали также представители таких адыгских фамилий, как Афашаговы, Ахметовы, Борукаевы, Деунежевы, Дзугановы, Дзугуловы, Думаевы, Загаштоковы, Кайтуковы, Метовы, Мушкаевы, Тотруковы, Хатукаевы, Ципиновы, Шашовы и др.

Родоначальником Геккиевых и Аттоевых был Атто из Сванетии. Выходцами из сванского рода Гуджеджиани являются Шахмурзаевы, Атмурзаевы и Текуевы. От княжеского рода Дадешкелиани из Месхи (Верхней Сванетии) происходят Отаровы. Предки балкарцев Соттаевых – сваны Кипиани, Омаровых – лезгины, Казиевых и Эфендиевых – лакцы, Казаковых – кабардинцы из Ашабово (Малка), Ксанаевых – представители Дагестана. Считается, что Джаппуевы восходят к абхазскому роду Джапуа.

Интересную информацию о происхождении патронимии Жабоевых мы получили от С. Х. Джабоева – известного в республике и России тренера, мастера спорта СССР, судьи международной категории по боксу. По его данным, их род ведёт своё происхождение от представителей народа «бёдене» – печенегов, что, кстати, подтверждается целым рядом косвенных доказательств и уникальных обстоятельств фамильной истории Жабоевых.

По этническому принципу возникли балкарские фамилии: от кабардинцев – Черкесовы, Кабардуковы, Кабардиковы; от сванов – Эбзеевы, от кумыков – Кумыковы и Кумуковы, от чеченцев – Чеченовы, от осетин – Дюгерлиевы и др.

А. И. Мусукаев пишет, что балкарские роды (тукъумы) «Кюйгеновых, Аккизовых, Макитовых, Акбулатовых и Таппасхановых принадлежали одной фамилии» (к ним, по данным Неппеева И. М. 1957 г. р. из п. Эльбрус, относятся также Неппеевы). Эти фамилии, кстати, являются родственными Жабоевым и объединены с ними единым первопредком – Чоллуром. Темиржановы – выходцы из саутинских Габаловых. Мусуковы положили начало фамилиям Хучуевых, Генардуковых и Кыртаевых; из Додуевых выделились Алтуевы. Из-за происхождения от общего предка не могут вступать в брак Эфендиевы из В. Балкарии, В. Баксана и Юсуповы из Хулама; Чигиropy и Хаировы, Герузовы и Уяновы из Чегетэль, Лелюкаевы и Бийногеровы из Шаурдата, коспартинские Бозиевы и Башиевы, Мусуковы и Рахаевы, Ольмезовы и Махиевы, Токлуевы, Боташевы и Хуболовы, Жашаевы и Динаевы, Гемуевы и Хутуевы и др. Родственниками, имеющими единого основателя, являются роды Сарбашевых и Карчаевых.

Исчезли или изменились следующие балкарские фамилии: Эндруговы, Геккеевы, Хахуевы, Камалаевы, Эрдашаовы, Зоруевы, Хазгериевы, Адрухаевы, Елегировы, Бонсузовы. В Чегемском ущелье вымерли от эпидемии чумы тукъумы Тиленчиевых, Сюйюндуковых и некоторых др.

Некоторые балкарские роды, кстати, получили свои наименования в честь женщин, отмеченных специфическими чертами внешности или характера и запомнившихся народу. Таковыми являются, по нашим сведениям, Айшаевы, Аккиевы, Анаевы, Алафаевы, Залихановы, Ксанаевы, некоторые другие. Кстати, бытует предание о подобном происхождении ономастикона «Аккизовы» – по девушке из рода Кетенчиевых, имевшей белоснежные волосы.

Нами также прослежены обратные процессы, когда отдельные представители некоторых балкарских родов по различным причинам переселялись к соседним народам, обзаводились там семьями и ассимилировались. С высокой степенью вероятности установлены более полутора ста фамилий, образованных в Кабарде, Осетии, Сванетии и Дагестане переселенцами из Балкарии.

Например, ушедшие в Кабарду 12 разных неродственных балкарских фамилий (по другим данным – 3), у кабардинцев стали Кушховыми. Кабардинцами были ассимилированы 79 выходцев из Балкарии, в том числе от Абдуллаевых – выходцев из Дагестана – произошли кабардинцы Микитаевы, от 3-х братьев Айдаболовых – 3 ветви кабардинской фамилии Балкаровых, от Атабиевых – Атабиевы и Артабаевы; от Джаппуевых – Жаппуевы и Жапуевы; от Безгировых – Гордогожевы; от Биязировых – Безиоровы; от Жаналиевых – Культербаевы; от Жангуразовых – Жамгуразовы, Жемгуразовы и Товкуевы; от Кетенчиевых – Катанчиевы, от Мисаковых – Мисаковы и Соховы; от Токумаевых – Кушховы и Токмаевы; от Тохчуковых – Докшукеры и Докшоковы; от Ульбашевых – Улимбашевы и Улымбашевы; от Чеченовых – Какиевы, от Ольмезовых – Эльмесовы; от Маммеевых – Мамовы, от Суююнчевых – Суншевы; от Согаевых – Соговы, от Таукеновых – Сокуровы; от Чабдаровых – Шибишевы; от Эндреевых – Индреевы; от Этезовых – Пшиготижевы. Кабардинцами стали также Батыровы, Башиевы, Башлоевы, Бегиевы, Богатыревы, Бозиевы, Боташевы, Жамбековы, Жанатаевы, Жангулановы, Жолаевы, Замаевы, Зашакуевы, Байсиевы, Кайгермазовы, Карачаевы, Келеметовы, Кучменовы, Мальсургеневы, Матуевы, Сабанчиевы, Темиржановы, Темиркановы, Урусбиевы, Хамгоковы, Черкесовы, Чеченовы, Чочаевы, Шаваевы, Шакмановы, Шукаевы, Эристовы, Эркеновы и др.

От двух братьев-балкарцев произошли кабардинские роды Кудаяевых и Жаболиевых, пустивших корни, соответственно, в сс. Нижняя Жемтала и Аушигер. Датчиевы еще в 19 в. обосновались в Кабарде (Баксане), Карачае и Дагестане (Хасавюрт). Часть балкарцев Азаматовых стала кабардинцами.

От балкарцев Болачаевых, ушедших в Осетию, произошли осетинские роды Гериевых, Зуймоновых, Калуховых, Езеевых; от Гануаевых – Дзанкисовы, Казаховы, Савкуевы, Саевы, Темираевы; от Гулдиевых (Уналдиевых) – Галеовы и Кожиевы; от Сулцалдиевых – Дигоевы и Цалкосовы.

Сын Ботты (Боттаева), женился на девушке из рода Кахиани и переехал в Сванетию, где его потомки стали Боташвили (по М. И. Барасбиеву, Боташвили и Кахиани происходят от Боташевых), а один из внуков Ботты перебрался в Осетию, где его потомки ассимилировались, но продолжают носить фамилию Боттаевых. По данным Н. Г. Волковой «Из того же Штулу ведёт своё происхождение рачинская фамилия Рехвиашвили (с. Чиори), балкарская ветвь которых Рахайлар живет в настоящее время в Бизинги» (по А. И. Мусукаеву, Рахаевы – выходцы из Сванетии). М. И. Барасбиев пришел к выводу, что сванская фамилия Вездени происходит от балкарцев Узденовых; Маргвелиани, Хергиани, Чхумиани – от карачаевца Гошуана.

Это далеко не полный перечень, так как история большинства фамилий ещё ждёт своих исследователей. Но сомневаться в массовом, институциональном характере межэтнических родственных контактов не приходится. Не столь заметные с точки зрения этноформирования, но, безусловно, значимые и функциональные в качестве социального механизма, многочисленные брачные связи кабардинцев, балкарцев, русских, украинцев, грузин, турок-месхетинцев, армян, евреев и других народов, проживающих в КБР.

Я уверен, что в мире, в том числе в Кабардино-Балкарии, отсутствуют чистокровные представители национальностей. Многие люди в нашей республике говорят о том, что они – «чистые» кабардинцы, балкарцы или русские и т.п. Однако это неправда. Беспристрастно исследовав свои родословные, они могут убедиться в ошибочности своих предположений – в них обязательно будут представители других национальностей. Иногда кровнородственное переплетение приобретает такой вид, что этническая идентификация может производиться лишь в сфере самосознания индивида. Так, у автора этих строк был друг, который считал себя кабардинцем; его отец – горский еврей из рода Мушаиловых, мать смешанного кабардино-дагестанского происхождения. После развода родителей он рос с матерью, воспитавшей сына в нормах адыгских идентификационных представлений и научившей говорить его на кабардинском языке.

Некоторые люди говорят мне, что я не «чистый» кабардинец. Считаю, что они ограничены в своих представлениях об окружающем и месте личности в этом мире. Как любой нормальный человек – не представляю, как можно отказаться от своего происхождения, от своих предков! Кабардинцы Катанчиевы появились около двухсот лет назад в результате конфликта Якуба Кетенчиева – жителя села Булунгу – с представителем одного знатного рода, желавшим купить у Якуба его коня, известного своими качествами. После отказа потенциальный покупатель кинулся на Кетенчиева с обнажённым оружием и был убит.

Произошло это примерно в 1844 г., когда нашему первопредку было 20 лет. Чтобы избежать кровной мести и не вовлекать в неё весь род, он вынужден был уйти к кабардинцам в с. Атажукино (ныне с. Заюково), где нанялся работать в семью Куповых и через несколько лет женился на Калмыковой Саудат – девушке из этого же села. У них родились четыре сына и дочь, которые заключили браки с кабардинцами. Далее жизнь нашего рода почти полностью переплелась с другими кабардинскими фамилиями. Мною подсчитано, что в результате всех браков по мужским и женским линиям у нас имеются родственные связи с 258-ю семьями, которые находятся в 50 из 122 (или 41 %) населённых пунктах КБР, в том числе с 241 кабардинской (93,4%), с 9-ю русскими, 5-ю балкарскими, 2-мя осетинскими и 1-ой дагестанской семьёй. Больше всех заключено

браков со следующими кабардинскими родами: по 5 – с 2-мя – Сижажевыми и Шогеновыми; по 4 – с 7-ю родами – Кардановыми, Моловыми, Сабанчиевыми, Соблировыми, Хамжуевыми, Хашукоевыми и Шебзуховыми; по 3 – с 5-ю родами – Кажаровыми, Кумыковыми, Нагоевыми, Хацуковыми и Афауновыми; по 2 – с 23-мя родами – Ажаховыми, Апшевыми, Афашаговыми, Березговыми, Бороковыми, Вороковыми, Доткуловыми, Дышековыми, Желдашевыми, Ируговыми, Кабардовыми, Кашежевными, Кацibaевыми, Кодзоковыми, Кяровыми, Маздоговыми, Маршенновыми, Мисроковыми, Сараховыми, Уметовыми, Факовыми, Чеченовыми и Шетовыми. Понятно, что наш род всегда будет ценить и оберегать братскую дружбу между народами КБР. И ведь наша фамилия, в этом смысле, не уникальна, более того – её история абсолютно типична для республики, я думаю – для всего Северного Кавказа.

Кабардинцы и балкарцы – коренные народы, проживающие в непосредственном соседстве в течение многих веков, объединённые единой системой жизненных ценностей, едиными комплексами воспроизводства, общей материальной и духовной культурой. На их долю выпало множество испытаний, которые, чаще всего, преодолевались с опорой друг на друга, в братской и бескорыстной взаимопомощи. Нам, потомкам, необходимо не забывать эти тесные взаимоотношения, стараться брать пример с наших мудрых предков и преумножать их достижения в нынешний сложный период времени.

Так и только так мы должны встречать вызовы современного мира, адаптироваться к ситуации, когда глобализация и маргинальность превратились не просто в явления, охватившие всю планету, но и пропагандируются, как ведущие тренды цивилизационного развития, как неизбежность. Этническая определённости и межэтническое сотрудничество, даже братство – единственный путь противостояния навязываемым стереотипам западных «демократий», и этот путь естественен для Кабардино-Балкарии, ибо мы сохраняемся в границах своей аутентичности.

В номере:

«Он родился с улыбкой...» Эльдар Гуртуев . Цена топора. Ясак – это не забава. Злой попутчик. Проводы. <i>Рассказы</i>	2
Аскерби Шортанов . Горцы. Гл. из романа	22
Тахир Толгуров . Стихи	48
Амир Макоев . Затаенные надежды. <i>Рассказ</i>	54
Диана Кан . Стихи	83
Лариса Маремкулова . Автор vs переводчик. <i>Статья</i>	89
Светлана Шхалахова . Непростая оптика поэта и драматурга Зарины Кануковой. <i>Статья</i>	92
Римма Шогенова . На закате дня. <i>Повесть</i>	105
Магомед Кудиев . Жажда жизни. <i>Рассказ</i>	125
«Литературный перекресток». <i>Стихи участников творческого объединения (г. Прохладный)</i>	132
Молодые голоса... Карина Асадулаева, Милана Апикова	138
Задин Маремов . О себе, своей работе, своих принципах. <i>Очерк</i>	144
Инна Кажарова . Абдул Пшеноков в воспоминаниях Марьям Нуримановой. <i>Статья</i>	153
Башир Хубиев, Хамитби Мамсиров, Роберт Кумыков . Прогнозируя будущее национальной культуры. <i>Очерк</i>	169
Аксана Шогенова . Боевой путь деда... <i>Статья</i>	182
Султан Катанчиев . Происхождение фамилий и родственные связи... <i>Статья</i>	185

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии Артура Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 05.05.2020. Подписано к печати 04.06.2020.
Выход в свет 30.06.2020. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 1046 экз. Заказ № 364. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Тетраграф»,
360000, г. Нальчик, пр. Ленина, 33

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).